

Шевкин

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXX



А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXX



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1949 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, Б. Н. Граков, С. Н. Бибииков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

1. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Д. А. АВДУСИН

ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В предлагаемой работе так называемый варяжский вопрос, т. е. вопрос о роли варягов в истории древней Руси, рассматривается на материале гнездовских курганов, что у Смоленска, и михайловских курганов, что у Ярославля. При рассмотрении этого вопроса на основании археологических данных норманисты всегда прибегали к материалу указанных курганных групп. Значительно реже привлекался материал приладожских и черниговских курганов, так как количество вещей, близких к скандинавским, там настолько ничтожно, что при решении данной проблемы они во внимание не принимались. Таким образом, рамки данной статьи не становятся более узкими от того, что автор рассматривает лишь материал Гнездова и Михайловского.

Материал михайловских курганов послужил темой исследования Станкевич, выводы которой убедительно опровергают норманистские теории.¹ Гнездовская курганная группа никем из советских археологов специально не рассматривалась, а дореволюционные ученые весьма часто объявляли ее скандинавской.

Уже первые раскопки обеих курганных групп вызвали противоположные толкования их характера. Норманистскую точку зрения защищали Спицын,² Тихомиров,³ Арне.⁴ Позднее к ним примкнули Готье,⁵ Равдоникас⁶ и Кивикоски.⁷ Антинорманистские взгляды до революции высказал первый исследователь Гнездова — Сизов.⁸ В советское время эти взгляды были поддержаны и развиты Арциховским,⁹ Станкевич, Рыбаковым¹⁰ и другими учеными.

¹ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в 9—10 ст. МИА СССР, вып. 6, М.—Л., 1941.

² А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1903.

³ И. А. Тихомиров. Кто насыпал ярославские курганы? ч. 1. Тр. II Обл. тверского археол. съезда, Тверь, 1906; ч. II, Тр. III Обл. историко-археол. съезда Владимир, 1906.

⁴ Т. Арне. La Suède et l'Orient, Upsala, 1914.

⁵ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, М., 1930.

⁶ W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930, стр. 131, примеч.; его же. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. ИГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 118, 127, 128.

⁷ E. Kivikoski. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. Acta archaeologica, т. VIII, вып. 3, København, 1937.

⁸ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902.

⁹ А. В. Арциховский. Русская дружина по археол. данным. Историк-марксист, № 1, 1939.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948.

На что же ссылались сторонники существования варяжских колоний в Гнездове и Михайловском, доказывая свою правоту? Прежде всего на якобы норманский обряд погребения в данных курганных группах. Но факты говорят иное. Спицын утверждал, что если в VIII—IX вв. кривичи хоронили своих мертвых в длинных курганах, а норманны IX в. — в высоких куполообразных курганах, то к XI в. в Гнездове под влиянием варягов «курганы вырождаются в общий весьма простой тип» — низкие сферические насыпи.¹¹ Здесь несколько ошибок. Во-первых, на грани XI в. курганы на Руси везде сферичны, даже там, где и норманисты не предполагали варягов; следовательно, влияние варягов здесь не при чем. Во-вторых, норманские курганы не всегда высоки и не следует каждый высокий курган считать норманским. Большинство курганов Бирки (Швеция) имеет высоту 30—150 см.¹² В третьих, к XI в. в Гнездове отнюдь нет однообразия в типах курганов. Одновременно существуют и высокие и низкие насыпи. Например, курган № 7 раскопок Сергеева имел высоту 275 см, а курган № 3 тех же раскопок — только 75 см.¹³ Оба кургана относятся к концу X в. Высота кургана зависела не от племенной принадлежности погребенного, а от его знатности или степени уважения, оказывавшегося ему родичами или друзьями. Это подтверждается часто встречаемым обычаем насыпки курганов в несколько приемов, что отмечено и в Гнездове¹⁴ и в Михайловском.¹⁵

Один из характернейших признаков норманских погребений — обкладка основания кургана камнями в виде треугольника, креста, ладьи или четырехугольника.¹⁶ Обкладка в виде кольца встречается и у славян. Если бы гнездовские или михайловские курганы были оставлены варягами, то среди большого количества насыпей непременно нашлось бы несколько с фигурной обкладкой. Однако какого-либо подобия обкладки курганов не встречено там ни разу.

Основным обрядом погребения в Гнездове являлось трупосожжение; трупоположение встречено не более 5 раз на все 650 вскрытых курганов. Из 114 курганов в Михайловском: с трупосожжением было 71, а с трупоположением — 26, причем случаи сосуществования этих обрядов весьма редки. Кремация в очень короткий срок сменилась ингумацией. Это также говорит против норманистских теорий, потому что в могилах викингов один обряд всегда сопутствует другому. В Дании преобладало трупоположение, в Норвегии и Швеции — сожжение, но везде оба обряда синхронны.¹⁷ Кроме того, в Михайловском ни в одном трупоположении не обнаружено скандинавских вещей.

Были попытки разделить славянские и норманские погребения по разновидностям кремации. Ясно, что этот признак, как и всякий другой, взятый в отдельности, не может быть определяющим в суждении об этнической принадлежности населения, насыпавшего те или иные курганы. Вятичи сжигали своих покойников и вне кургана и на месте его сооружения.¹⁸ На Бирке встречены обе разновидности обряда,¹⁹ хотя Спицын считал трупосожжение, произведенное на месте сооружения насыпи, редким для курганов норманского типа,²⁰ а Равдоникас считает этот обряд обычным в

¹¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 7.

¹² G. Hallström. Birka, вып. 1, Stockholm, 1913

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч.

¹⁴ Большой курган раскопок 1885 г., курган № 86 раскопок Сергеева, курган № 26 раскопок 1896 г.

¹⁵ Курган № 11 раскопок 1897 г.

¹⁶ O. Montelius. Les temps préhistoriques en Suède, 1895, стр. 300.

¹⁷ O. Montelius. Указ. соч., стр. 300; H. Shetelig a. H. Falk. Scandinavian archaeology, Oxford, 1937, стр. 277.

¹⁸ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 105.

¹⁹ G. Hallström. Указ. соч.

²⁰ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 9.

Скандинавии.²¹ Но оба обряда существовали и на Руси и в Скандинавии; поэтому нельзя приписывать обряд сожжения на месте сооружения кургана только славянам или только варягам. Нельзя делать подобных выводов и на основании захоронения сожженных костей в урнах или без них, ибо невозможно установить, для какого народа этот обряд более характерен. *Летопись* говорит, что вятичи собирали пепел в урну; наличие урны в славянских курганах отмечено и Нидерле.²² Но урны известны и в Скандинавии. Этот факт отмечен Арне²³ и Равдоникасом.²⁴ Монтелиус, говоря о погребальном обряде времени викингов, указывал, что «пепел и жженные кости часто собирались и помещались в глиняную урну».²⁵ Поэтому утверждение Готье, сделанное по поводу одного из гнездовских курганов, что в нем «норманскому обряду несколько противоречит только нахождение пережженных костей в урнах»,²⁶ — неверно по существу. Наличие урны не может ни подтвердить норманский обряд погребения, ни противоречить ему.

Обычай втыкать около покойника или урны меч и копьё, встреченный в данных курганах, Сизов и Готье приписывали норманам; норманским же обрядом Готье считал обычай класть в курган умышленно согнутый меч. Однако Хотимльский могильник является не норманским, а чудским, а обычай втыкать в землю возле покойника копьё, кельты, ножи встречается и там.²⁷ Подобный обряд встречен и на юге Руси в доваряжское время;²⁸ аналогичных случаев в Скандинавии мне неизвестно. Что касается обряда порчи меча, то он, по словам Дешелетта и Нидерле, является частью погребального обряда многих народов со времен Гальштата.²⁹ Сначала Нидерле полагал, что существует только два приемлемых объяснения этого обряда: 1) меч был согнут потому, что не влезал в гроб; 2) меч сгибали, чтобы «убить» его, так как «душе» умершего должна была служить «душа» меча. Но впоследствии Нидерле пришел к другому выводу. Он считал, что «этот обычай основан на нежелании передавать оружие в пользование другому, а не на поверье, что сломанная вещь переходит в новую жизнь на том свете».³⁰ Таким образом, этот обычай как бы предохранял разрыв меча для добывания оружия. Сообщение Ибн-Мискавейха о том, что мусульмане разрывали могилы именно с этой целью, подтверждает этот вывод.³¹

В одном из гнездовских курганов были найдены многочисленные заклепки, лежавшие кучками по контуру ладьи. Это позволило Сизову предположить в данном кургане захоронение в ладье. Для норманистов этот случай послужил одним из поводов объявить Гнездово-скандинавской колонией. Действительно, обряд захоронения в ладье, как сожженной, так и несожженной, распространен в Скандинавии, где форме ладьи подражают каменные обкладки курганов. Но уже Анучин отметил, что погребения в ладье встречаются и у других народов, в том числе и у русских славян. Они обнаружены и у дер. Туровичи на Соже,³² и в костромских курга-

²¹ W. J. Raudonikas. Указ. соч., стр. 130.

²² Л. Нидерле. Быт и культура древних славян, Прага, 1921, стр. 121.

²³ Т. Арне. Указ. соч., стр. 38.

²⁴ W. J. Raudonikas. Указ. соч., стр. 130.

²⁵ O. Montelius. Указ. соч., стр. 164.

²⁶ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 254.

²⁷ Б. Н. Граков. Отчет об археологических исследованиях. Сб. «3-й год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общества краеведения», Иваново, 1927, стр. 36.

²⁸ Неопубликованный материал Днепропетровского музея из дер. Нескрибовки. Факт указан Б. А. Рыбаковым, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

²⁹ J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, Paris, 1913—1914, стр. 730, 1131; Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 461.

³⁰ Л. Нидерле. Быт и культура..., стр. 86.

³¹ А. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 69.

³² МАР, 28, стр. 77.

нах,³³ и в курганах б. Херсонской губернии.³⁴ В восточной Карелии до второй половины XIX в. могилы покрывались перевернутыми или распиленными пополам лодками,³⁵ а ханты (остяки) до недавнего времени хоронили своих покойников в лодках.³⁶ Следовательно, говорить об этом обычае, как о присущем только скандинавам, — нельзя.

Для погребений времени викингов в Скандинавии весьма характерно, что в них обильно представлены «не только исключительно личные вещи — одежда, украшения, оружие и т. п., но также разнообразные орудия сельскохозяйственного труда, инструменты рукоделия и ручного труда. В мужских могилах преобладают сельскохозяйственные, кузнечные и деревообделочные орудия, в женских — гребни для чесания льна и пеньки, инструменты для прядения, ткачества и шитья».³⁷ В Гнездове же и в Михайловском совершенно отсутствуют сельскохозяйственные орудия, орудия ткачества; кузнечные инструменты представлены лишь единичными зубилами. Вообще орудия труда встречаются чрезвычайно редко, что также противоречит предположению о норманском обряде погребения в этих курганных группах.

Таким образом, наличие норманского обряда погребения ни в Гнездове, ни в Михайловском не подтверждается. Наоборот, некоторые особенности говорят о славянских чертах обряда.

В Гнездове известны курганы, дающие в горизонтальном сечении не круг, а четырехугольник. Наличие таких курганов, несомненно, указывает на связь погребальных обрядов в гнездовских курганах и в погребениях кривичей VIII—IX вв., которые хоронили в длинных курганах, имеющих более или менее ярко выраженную четырехугольную форму.³⁸

Обычай «приготавливать под тело подстилку из желтого и белого речного песка, желтой глины или пепла, перемешанного с песком», Нидерле считает обычаем восточных славян.³⁹ В Гнездове такая подстилка из белого песка весьма часта.

Размещение погребальных урн в насыпи, по мнению Спицына, может говорить об этническом составе населения, насыпавшего курган. Спицын предполагает, что кривичи помещали урны высоко в насыпи;⁴⁰ у других славянских племен этот обряд встречается редко и совсем неизвестен в Скандинавии.

В скандинавских курганах IX—X вв. нет случаев, чтобы пепел был сложен в яме, вырытой в материке под курганом; Нидерле отмечает такой обряд у западных славян. Подобные же случаи известны в Михайловском.

Итак, в погребальных обрядах Гнездова и Михайловского не отмечено ни одной специфической скандинавской черты, а черты славянского обряда наблюдались постоянно.

Доказательством норманского характера гнездовских и михайловских курганов должно бы служить также наличие в них вещей скандинавских типов. Однако при решении вопроса о месте изготовления этих вещей, о том, как эти вещи попали в Поднепровье или Поволжье, а главное, при определении этнической принадлежности погребенного по этим вещам, — норманисты допустили ряд умышленных или неумышленных искажений фактов, и их положения нуждаются в проверке. Норманисты утверждают,

³³ Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов. Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, М., 1899.

³⁴ Тр. VIII Археол. съезда, т. III, стр. 75.

³⁵ ИАК, вып. 38, стр. 120—121.

³⁶ Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони. Древности, т. XIV, стр. 173.

³⁷ Н. Shetelig. Указ. соч., стр. 278.

³⁸ Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, № 6, 1941, стр. 94.

³⁹ Л. Нидерле. Быт и культура..., стр. 130.

⁴⁰ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 10.

что если не все, то большинство исследуемых здесь курганов содержит скандинавские вещи. Если руководствоваться определениями норманистов и подсчитать комплексы, содержащие вещи так называемого скандинавского типа (многие из этих вещей, несомненно, местного происхождения, но об этом ниже), получится следующая картина.

В Гнездове погребальных инвентарей, где встречена хотя бы одна такая вещь, насчитывается 40, или 27% (курганы № 13, 15, 19 — раскопок Кушчинского; ⁴¹ № 12 — 1880 г.; ⁴² № 18, 22, 29, 37, 40, 44, 45, 54, 59, 67, 73 — раскопок Соколова; ⁴³ № 1, 14 — раскопок Уварова; ⁴⁴ большой курган 1885 г.; ⁴⁵ № 1, 2 — 1894 г.; ⁴⁶ видимо, курганы № 38, 83 — 1896 г.; ⁴⁷ № 6, 8 — 1898 г. раскопок Сизова; ⁴⁸ № 7, 26, 34, 44, 46, 52, 53, 58, 65, 74, 85, 86, 89, 90 — раскопок Сергеева; ⁴⁹ № 12, 24 — раскопок Абрамова.⁵⁰

В Михайловском такой же подсчет дал 10 курганов, или 18% (№ 1 — 1896 г.; ⁵¹ № 10, 18 — 1897 г.; ⁵² № 8, 15, 18 — 1898 г.; ⁵³ № 1, 2 — 1902 г.; ⁵⁴ № 3 — 1903 г.; ⁵⁵ № 6 — 1938 г.⁵⁶).

Таким образом, нельзя говорить, что большинство курганов Гнездова и Михайловского содержало вещи скандинавского происхождения. Кроме того, еще Сизов установил, что многие вещи норманского типа имеют местное, а не скандинавское происхождение, что было признано даже таким панскандинавистом, как Арне.

Курганы, содержавшие вещи местной работы, необходимо исключить из перечисленных выше, потому, что находка вещи иноземного типа, но местного происхождения говорит о культурных связях, а не о колонизации и даже не о торговле.⁵⁷ К местным вещам в первую очередь нужно отнести железные гривны с квадратным сечением толстого прута, весьма отличные от тонких круглопроволочных скандинавских гривен; прут этот перебит вокруг своей оси либо в четырех местах, либо по всей длине. Техника выполнения других железных вещей из Гнездова такая же, как техника выполнения гнездовских гривен.

Местное происхождение этих гривен предполагал еще Сизов.⁵⁸ Им же отмечено, что многие вещи скандинавского типа (особенно так называемого стиля борре) имеют признаки непонимания мастером художественных приемов их орнаментации: ленточное плетение заменено простой нарезкой, в ажурном рисунке пробиты отверстия, не согласующиеся с ним по форме, и т. д. Подобные дефекты невозможны или весьма редки на родине данного стиля. Орнамент этих вещей представляет собой местную интерпретацию

⁴¹ М. Ф. Кушчинский. Археологические исследования Смоленской губ. Древности, т. IX, вып. 1, 1881.

⁴² Указатель Исторического музея, М., 1893.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Колл. ГИМ.

⁴⁵ В. И. Сизов. Указ. соч.

⁴⁶ Дело Археологической комиссии, № 55 за 1894 г.

⁴⁷ Там же, № 69 за 1896 г.

⁴⁸ Там же, № 172 за 1898 г.

⁴⁹ А. А. Спицын. Указ. соч.

⁵⁰ Е го же. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА РАО, т. VIII, СПб., 1906.

⁵¹ И. А. Тихомиров. Отчет о раскопках в Яросл. губ. и уезде под селцом Михайловским в 1896 г. Отд. отт. из «Яросл. губ. ведомостей», 1898.

⁵² Архив ГИМ, фонд 99, ед. хран. 42.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Исторический вестник, 1903, № 3, стр. 1207.

⁵⁵ ИАК, вып. 15 (прибавление), стр. 85.

⁵⁶ Я. В. Станкевич. Указ. соч.

⁵⁷ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Смоленской и Суздальской землях. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11—12, стр. 48.

⁵⁸ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 121.

скандинавского стиля, и такие вещи Сизов справедливо считает не привозными, а местными.⁵⁹ К ним относятся бляшки и наконечники поясов, орнаментированные в стиле борре, и большинство черепаховидных фибул, найденных в Гнездове. В орнаментации одной подобной фибулы из Михайловского Станкевич указала смешение двух стилей — скандинавского и восточного, чего в самой Скандинавии не наблюдалось и что лишний раз подчеркивает местное производство черепаховидных фибул.⁶⁰

Из сказанного следует, что курганы, где встречены подобные вещи без вещей скандинавских, нельзя считать норманскими. Таким образом, нужно отбросить курганы № 19 раскопок Кущинского, № 12 — 1880 г., № 29, 44, 45 — Соколова, № 8 1898 г. — Сизова и № 58 — Сергеева. Нельзя считать погребенного пришельцем и в том случае, если происхождение вещи, найденной в кургане, несомненно иноземное, но, кроме нее, других вещей не встречено. Так, по славянским горшкам в шведских курганах нельзя устанавливать славянскую принадлежность погребенного. Даже по характерным височным кольцам этого нельзя было бы сделать, если бы они были найдены в единственном числе в каком-нибудь кургане Скандинавии или других стран, так как любая вещь может попасть в любое место путем торговли.

Среди исследуемых курганов нередко встречается в кургане только фрагмент черепаховидной фибулы. На огне погребального костра они могли уцелеть вследствие своей массивности скорее, чем хрупкие кривичские височные кольца, перстни и другие украшения. По этим ничтожным фрагментам фибул нельзя установить, были они привозные или изготовлены на месте. Исключая из рассмотрения, как не скандинавские курганы, содержащие единственную, обычно фрагментированную вещь скандинавского типа, найденную либо с местными вещами, либо при нехарактерном инвентаре, либо при полном отсутствии других вещей, отбрасываем курганы: № 13 — раскопок Кущинского; № 18, 37, 40, 54 — Соколова; № 14 — Уварова; № 1, 2 — 1894 г.; № 6 — Сизова 1898 г.; № 26, 44, 46, 53, 85, 89, 90 — Сергеева и, видимо, № 38 и 83 — 1896 г.

Инвентарь каждого из оставшихся курганов необходимо исследовать особо. Курган № 15 раскопок Кущинского норманисты считают варяжским, так как в нем были найдены копье и меч встречающихся в Скандинавии типов, а также железная гривна. Еще Анучин,⁶¹ а в советское время Арциховский⁶² совершенно ясно доказали, что мечи, распространенные в IX—XI вв. в Восточной Европе, не являются скандинавскими, что эти мечи каролингского, общеевропейского типа; однако термин «варяжский» применительно к этим мечам проскальзывает в нашей археологической литературе до последнего времени.⁶³ Б. А. Рыбаков еще раз показал, что говорить о норманских мечах нельзя, ибо этот тип не только общеевропейский, но даже весьма вероятно изготовление этих мечей у нас, на территории славян. Что же касается рукоятей мечей, то Рыбаковым вполне доказано изготовление их в среднерусской полосе.⁶⁴ Все гнездовские и михайловские мечи нельзя назвать скандинавскими. Это — обычные каролингские мечи. Копья же, подобные гнездовскому, также известны в Скандинавии,

⁵⁹ Там же, стр. 36.

⁶⁰ Я. В. Станкевич. Указ. соч., табл. IV, рис. 3.

⁶¹ Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. Тр. VI Археол. съезда, т. I, Одесса, 1886.

⁶² А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. Историк-марксист, № 1, 1939; его же. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения историч. факультета МГУ, вып. 4, М., 1946.

⁶³ Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археол. сб., Петрозаводск, 1947, стр. 99.

⁶⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 224.

но большинство типичных скандинавских копий имеет на втулке шипы — отростки, отсутствующие в гнездовском экземпляре. На лезвии этого копья Сизовым обнаружен волнистый узор, присущий дамасской стали, что указывает на его восточное происхождение.⁶⁵ Гривна из этого кургана, несомненно, местной работы. Остальной инвентарь составляют пружинные ножницы, стальной пинцет, древолазные шипы и шило, т. е. вещи, обычные для русских курганов. Горшки из этого кургана типично славянские.

Курган № 22 раскопок Соколова, кроме кольцевидной и круглой фибул, орнамент которых представляет местную интерпретацию стиля борре, содержит железную скобу, древолазный шип и стрелу. Такие стрелы иногда называют ромбовидными, но это неточно, так как верхняя часть ее треугольна, а нижняя представляет собой две дуги, вогнутые во внутрь. Стрелы подобной формы были широко распространены на Руси, но гнездовские экземпляры поражают изумительной выделкой и высокой техникой их изготовления. По этим признакам с ними можно сравнить только михайловские. Они совершенно не похожи на скандинавские. Все это говорит об их местном славянском происхождении.

В кургане № 67 тех же раскопок преобладают вещи, которым нельзя приписать скандинавское происхождение: лунница, поясные бляшки, орнаментированные семью кружками и не имеющие аналогий, шило, игла; из вещей скандинавского типа там найден обломок верхушки кольцевидной фибулы. Обломок фигурной фибулы найден в кургане № 73, раскопанном Соколовым. Наряду с этим обломком там найдено калачевидное кресало — обычная находка в славянских курганах — и обыкновенный нож.

В кургане № 1 раскопок Уварова встречена фигурная обоймица от ножен, которую можно считать привозной, кольцевидная фибула с простым кольцом и листовидно-стебельчатая стрела, а остальные вещи были представлены находками местного производства: треугольно-вогнутыми стрелами, грушевидным бубенчиком, подковообразной загнутоконечной фибулой (заготовки таких фибул найдены в Гнездове), бляшками в виде пальметок, различными бусами и т. п.

В большом кургане раскопок 1885 г. среди многочисленного инвентаря встречено несколько бляшек скандинавского стиля, иранская тарелка, круглая бляха с восточным рисунком, оковка рога с орнаментом, встречающимся в русской деревянной резьбе. Русское происхождение этой оковки доказано Сизовым. Встречен великолепный шлем, русское производство которого предположил еще Сизов и доказал Рыбаков.⁶⁶

В кургане № 52 раскопок Сергеева вместе с черепаховидной фибулой обнаружены бляшки, аналогии которым есть в Сибири, но нет в Скандинавии, несомненно местная фибула, диргем с ушком и славянский горшок. В кургане № 65 тех же раскопок найдено два обломка черепаховидной фибулы и две бляшки скандинавского стиля. Наряду с ними найдено серебряное перстнеобразное височное кольцо и, что особенно важно, два пряслица, из которых одно из серого шифера, другое — розового. Находка пряслица розового шифера роднит этот курган с рядовыми славянскими курганами. Курган имел характерную подсыпку из белого песка под кострищем, на котором стояли три славянских горшка.

Курган № 86, раскопанный Сергеевым, объявляли норманским. Основным аргументом была находка якобы норманского шлема. Этот шлем высок, коничен. В таких шлемах изображены будто бы норманские воины на ковре из Байе.⁶⁷ На эти рисунки ссылается и Дю-Шапю, говоря о норманском

⁶⁵ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 118. примеч.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 234.

⁶⁷ Э. Ленц. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда. ИАК, вып. 2, СПб., 1902.

характере шлемов, несколько изображений которых встречено в деревянной резьбе.⁶⁸ Это, однако, неверно. Во-первых, на ковре из Байе в таких шлемах изображены и саксы и норманы;⁶⁹ во-вторых, шлемы эти не имеют приделанной к венцу бармицы, которая заменялась составляющим одно целое с кольчугой капюшоном кольчужного же плетения;⁷⁰ в-третьих, ни одной находки подобного шлема в Скандинавии мне неизвестно. Шетелиг, описывая норманские шлемы, не называет ни одного, похожего на гнездовский; в-четвертых, конические шлемы известны во Франции, где эта форма бытовала от римского времени, а в X в. распространялась во всей Европе.⁷¹

Нидерле приводит ряд славянских аналогий гнездовскому шлему.⁷² Так называемый шлем св. Вацлава из Чехии к нему весьма близок, а в Чехии варягов не было. Наконец, шлем из тайника Десятинной церкви в Киеве также является аналогом гнездовского, правда более поздним.⁷³

На основании сказанного можно считать несостоятельным утверждение о норманском характере шлемов этого типа. Скандинавских вещей в этом кургане мало — несколько наконечников пояса. Остальные вещи нельзя признать скандинавскими; к ним относятся кольчуга, местное происхождение которой доказано Рыбаковым,⁷⁴ меч, копье, несколько бляшек, восточная поливная тарелка, весы и т. д.

Скандинавские вещи из кургана № 24 раскопок Абрамова ограничиваются двумя бляшками; остальные вещи — кольчуга и другие — местные.

В Михайловском, в кургане № 10 — 1897 г. скандинавская кольцевидная фибула найдена наряду с каролингским мечом, местными стрелами, удилами и топором. В кургане № 18 — 1897 г. две черепаховидные фибулы встречены также с мечом, с восточной монетой и керамикой, несомненно местного производства. Круглая фибула из кургана № 18 — 1898 г. — единственная в нем вещь скандинавского стиля. Две черепаховидные фибулы из кургана № 6 — 1938 г. обнаружены среди вещей, несомненно местного происхождения, в том числе глиняная медвежья лапа; находки которой всячески обходил Арне, так как они противоречили его норманистской схеме. Две фибулы из кургана № 3 — 1903 г. подчеркивают неваряжское происхождение погребенного, так как с ними не умели обращаться: фибулы грубо пробиты гвоздями. Вместе с ними найден местный горшок. В кургане № 8 — 1898 г. среди инвентаря местного происхождения, куда входят копье и стрелы, найдена единственная кольцевидная фибула. Ободки двух черепаховидных фибул в кургане № 15 — 1898 г. найдены лишь с ножом. Наконец, в кургане № 1 — 1896 г. встречены две черепаховидные фибулы вместе с лопатковидным ключом, пружинными ножницами, древолазными шипами и глиняным кольцом. Таким образом, все перечисленные курганы не могут считаться скандинавскими.

В своей книге Арне назвал скандинавскими два михайловских кургана: один из раскопок И. А. Тихомирова, другой из раскопок В. А. Городцова. По словам Арне, первый из них содержал «наряду с овальными фибулами начала X века... многочисленные железные скобы, ножи, точильные бруски, 21 накладку листового железа, согнутую вдвое, принадлежащих оковке щита (как в могиле № 9 с лодкой в Венделе) — все скандинавского типа,

⁶⁸ Du Chaillu. The Viking Age, London, 1889, рис. 1108—09, 1115, 1116.

⁶⁹ M. Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, Paris, т. VI, 1875, стр. 103.

⁷⁰ Э. Ленц. Указ. соч.

⁷¹ M. Viollet-le-Duc. Указ. соч., стр. 102; A. Demmin. Guide des amateurs, Paris, 1879, стр. 149, рис. 2; стр. 179; стр. 185, рис. 2; стр. 216, рис. 16.

⁷² L. Niederle. Rukověť slovanské archeologie, Praha, 1931, рис. 59.

⁷³ М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, вып. X, стр. 79, рис. 26.

⁷⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 231.

серебряную арабскую монету, гирьку, наконечники стрел, две бронзовые фибулы и различные глиняные предметы, из которых один имел форму лапы».⁷⁵

Если учесть, что монеты в раскопках Тихомирова были найдены только в трех курганах, то легко было бы установить, о каком кургане пишет Арне. Но инвентарь всех трех курганов (№ 7, 18 — 1897 г. и № 27 — 1898 г.) совершенно отличен от описанного Арне, который, видимо, рассматривая михайловские вещи, не сверил планшета с дневником и причислил к одному комплексу вещи разных курганов. Таким образом, этот никогда не существовавший курган нельзя считать норманским.

Дневник раскопок другого кургана, объявленного Арне норманским, к сожалению, не найден. Это — один из курганов, раскопанных В. А. Городцовым в 1902 г., о которых существует лишь суммарный отчет.⁷⁶ Но и этого отчета достаточно для доказательства несостоятельности выводов Арне. Перечень вещей, найденных в этом кургане, Арне приведен неполный, некоторые бляшки объявлены скандинавскими без всякого основания; при описании инвентаря пропущены вещи местного происхождения: две литейные формы, льячок. Не сказано, что поясная пряжка местного происхождения, что бубенчик салтовского, а не скандинавского типа, что некоторые бляшки имеют восточное происхождение. Арне считал один из курганов Линги аналогичным описанному выше по инвентарю, но сходство инвентарей выражается лишь в наличии меча и бляшек как вещевой категории. Таким образом, и этот курган признать скандинавским нельзя. Значит, в Михайловском нельзя выделить ни одного норманского погребения. Об этом же говорит и Станкевич.

Особо стоят два гнездовских кургана: № 59 — раскопок Соколова и № 74 — раскопок Сергеева. Здесь мы действительно находим обилие скандинавских вещей. В кургане № 74 встречено 7 наконечников, много бляшек и пряжек, орнаментированных в чистом стиле борре, 4 черепаховидные фибулы, а также части гривны, видимо железной, с привесками в виде молотка Тора. В этом же кургане найдена костяная рукоять, орнаментированная в стиле «jelling». 234 найденные в кургане заклепки были расположены по контуру сожженной ладьи. Все это, несомненно, говорит о северном происхождении погребенного. Кострище располагалось на материке. Курган имел плоский верх, что мне в Скандинавии неизвестно. В кургане найдено деревянное ведро, частое в славянских курганах, гривны местного типа и нижняя часть глиняной фигурки, стоящей на коленях. Весьма схожая фигурка найдена во владимирских курганах.⁷⁷ Такой же идол, но медный, найден и в Черной Могиле. Все это говорит о том, что погребальный обряд в данном случае не чисто скандинавский, а имеет славянские особенности.

Обряд погребения в кургане № 59 раскопок Соколова, к сожалению, остается неизвестным, но скандинавских вещей в кургане найдено много: черепаховидная фибула, наконечники, пряжки и бляшки стиля борре. Однако стрелы и подковообразная фибула местного происхождения. Несмотря на это, можно считать, что как в этом кургане, так и в кургане № 74 были похоронены скандинавы.

Арне, рассматривая гнездовские курганы, не мог назвать скандинавским ни одного, кроме № 74 раскопок Сергеева; несмотря на это, он все Гнездово объявил скандинавской колонией.⁷⁸ Как видно из изложенного, все остальные гнездовские курганы норманскими считать нельзя. Существова-

⁷⁵ Т. Агне. *La Suède et l'Orient*, стр. 52.

⁷⁶ Исторический вестник, 1903, № 3, стр. 1207.

⁷⁷ А. А. Спицын. *Владимирские курганы*. ИАК, вып. 15, рис. 63.

⁷⁸ Т. Агне. *Указ. соч.*, стр. 37 и сл.

ние в Гнездове скандинавской колонии опровергается и топонимическим материалом. Это вынуждена была признать и Рыдзевская, хотя она, вслед за Равдоникасом, считала Гнездово «несомненным норманским центром».⁷⁹

Таким образом, археологические данные говорят против «норманского завоевания» Руси, против норманского характера русской дружины, ибо, несомненно, и гнездовские и михайловские курганы — курганы дружинные.⁸⁰

Норманисты часто ссылаются на факт многочисленных находок восточных монет в Швеции, которые якобы были привезены с Востока самими шведами, будто бы открывшими Волжский путь и гулявшими как хозяева по Руси. Но уже Станкевич доказала, что вещи восточного типа проникли в Ярославское Поволжье раньше вещей скандинавских, следовательно они были привезены не варягами.⁸¹ Кроме того, на Руси также очень много найдено восточных монет. Зачем бы варягам оставлять эти монеты в завоеванной стране, если любую вещь они могли взять силой, а деньги привезти на родину? Несомненно, что жители древнего Михайловского сами путешествовали по Волге. Смоляне выходили на Волгу по промежуточным речкам и были связаны не только с Волгой, но и с Камой и Окой и с другими землями. Возможно что с гнездовцами путешествовали и варяги, так как скандинавские воины в русской дружине были. Но их было очень немного, и привилегированное положение их в дружине археологическими фактами опровергается. Это были рядовые дружинники, которым лишь в редких случаях удавалось добиться высокого положения.

В Гнездове найден только один высокий и богатый скандинавский курган, но не самый большой и не самый богатый. Погребения же русских дружинников содержат мало норманских вещей. Отсутствуют скандинавские формы наиболее характерного оружия норманнов — топора; стрелы в большинстве случаев местные, треугольно-вогнутой или ромбической формы; шлемы не скандинавские, а один из них, несомненно, русский; керамика — славянская. Преобладание вещей славянских типов несомненно. Варяги-дружинники быстро славянивались. Выше отмечено, что погребения скандинава в Гнездове совершались уже не по чисто скандинавскому обряду, вооружение было не шведское и т. д.

Итак, принадлежность населения Гнездова и Михайловского к славянскому племени очевидна. Перед нами встает вопрос, к какому именно из славянских племен мы можем отнести тех дружинников, чьи курганы нас так интересуют. Летописец, очертив территорию кривичей, тут же сказал: «Их же град есть Смоленск». Таким образом, сомневаться в том, что в

⁷⁹ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. Изв. АН СССР, VII серия. Отд. общ. наук, М.—Л., 1934, стр. 614.

⁸⁰ Я. В. Станкевич в указанной работе возражает против принадлежности михайловских курганов дружинникам и считает их принадлежащими «рядовому земледельческому населению». Она полагает, что в пользу этого предположения свидетельствуют огромные размеры группы, удаленность курганов от реки и состав погребального инвентаря. Но огромность территории, занятой курганами, не может говорить против их дружинного характера. Напротив, в группах крестьянских курганов число насыпей обычно весьма невелико. Удаленность михайловских курганов от реки только кажущаяся. Они лежат всего в 4 км от Волги. Наконец, характер инвентаря прямо говорит против крестьянской принадлежности этих курганов. Здесь наблюдается почти полное отсутствие племенных украшений, например височных колец, которые были излюбленным украшением крестьянок. Как отмечено А. В. Арциховским, в крестьянских курганах отсутствуют фибулы, а здесь они найдены неоднократно. Военный характер инвентаря здесь выражен ярче, чем даже в гнездовских курганах, дружинная принадлежность которых никем не оспаривается. В Гнездове один меч приходится на 60 раскопанных курганов, в Михайловском же — на 20. Нигде в СССР в раскопках не встречено такого обилия мечей. Остальное оружие в Михайловском так же часто, как и в Гнездове. Вся совокупность находок в Михайловском почти идентична совокупности гнездовских находок. Таким образом, дружинный характер михайловских курганов несомненен.

⁸¹ Я. В. Станкевич. Указ. соч., стр. 83.

Гнездове похоронены дружинники-кривичи, нельзя. Но откуда же в Михайловском, на земле, где по летописным и археологическим данным жило чудское племя мери, появились славяне? Вопрос о направлении колонизации, ведшей в этот край, недавно вновь стал обсуждаться на страницах археологической литературы. Им занимался еще Спицын, пришедший к выводу, что наиболее мощный, основной поток славянской колонизации шел со стороны Смоленской земли.⁸²

В недавно вышедших работах Станкевич⁸³ и Третьякова⁸⁴ теория заселения этой земли смоленскими кривичами не отвергается, но оба автора считают, что смоленской колонизации предшествовала новгородско-белозерская. Это положение доказывается тем, что в Михайловском встречена посуда, орнаментация которой обща с белозерской, а в Тимереве (в 7 км от Ярославля) открыт курган, представляющий собой «сопку новгородского типа». Но, доказывая белозерскую колонизацию Ярославского Поволжья, ссылаться на появление под современным Ярославлем сопок нельзя, так как в самом-то Белозерье сопок нет. Обычай насыпать сопки не мог прийти оттуда, где его не было.

Чернягин отмечает, что единственные два сопковидных кургана, известных в районе Белозерья, могут быть и естественными возвышенностями,⁸⁵ Сухов на основании раскопок этих курганов прямо говорит об отсутствии сопок в Белозерье.⁸⁵ Кроме того, в Михайловском сопковидных курганов нет вообще. Каждый из курганов Михайловского содержит не более трех сожжений. Станкевич считает сопковидным курган № 50 — 1898 г., но косточек, встречающихся в насыпи, так мало и расположены они так близко к кострищу, что, видимо, попали в насыпь с самого кострища. К тому же, этот курган не из самых ранних, как пыталась доказать Станкевич, — он датируется X веком.

В Тимереве же был раскопан курган, который содержал «не менее 16 сожжений без вещей». Датировать по обряду можно лишь тогда, когда другие аналогичные курганы из данной группы имеют инвентарь, поддающийся датировке. Но этот курган единственный в своем роде, и его датировка невозможна. Может случиться, что от остальных тимеровских курганов его отделяет значительный промежуток времени. Наконец, наличие одного случая не дает права на положительный вывод. Что же касается орнамента посуды в виде отпечатков гребенчатого штампа, сгруппированных по три, то, действительно, аналогии ему отмечены в Белозерье, но известны аналогии и в Гнездове.⁸⁷ Следовательно, общность орнамента не может служить доказательством белозерской колонизации данного района.

Вещевой материал не доказывает белозерского направления колонизации, но однотипность вещей из Михайловского и курганов Смоленской земли, наличие в михайловских курганах кривичских височных колец, одинаковых ларцев (кстати, вообще редких), однотипных бляшек, пряжек, бус, древолазных шипов, стрел, близких по форме и выделке (что очень характерно, так как стрелы Гнездова очень специфичны), однотипной керамики и десятков вещей других типов, однотипность курганных комплексов, наконец, дружинный характер михайловских курганов — все это говорит о том, что Ярославское Поволжье было колонизовано смоленскими кривичами.

⁸² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 167.

⁸³ Я. В. Станкевич. Указ. соч.

⁸⁴ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА СССР, вып. 6.

⁸⁵ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 96.

⁸⁶ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье. МИА СССР, вып. 6, стр. 90.

⁸⁷ Колл. ГИМ и Гос. Эрмитажа.

В пользу этого предположения говорит и упоминание о суздальско-залесской дани Смоленску,⁸⁶ и появление в Гнездове рисунка так называемого «мерянского» топора, и ряд других доводов.

Полностью рассмотрев материал двух археологических памятников, на который наиболее часто ссылались норманисты как на якобы подтверждающий их положения, можно сказать, что ни одно из них не подтвердилось. Более того, все эти положения археологическим материалом опровергаются. Но это не смущает норманистов. Совсем недавно Арне выпустил в свет еще одну работу, где он, искажая исторические и археологические факты, вновь выдвигает давно опровергнутое мнение о создании русской государственности варягами.⁸⁹ И совсем не случайно, что статья Арне опубликована в норвежском антисоветском журнале.

⁸⁶ Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. ТСА РАНИОН, IV, М., 1928.

⁸⁹ Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. Новое время, № 30, 1947.

С. А. ИЗЮМОВА

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ КОСТИ В ДЯКОВСКОЕ ВРЕМЯ
И В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Задачей настоящей статьи является выяснение техники обработки кости в период VI в. до н. э.—XIII в. н. э. на территории древней Руси. Этот вопрос еще не получил должного освещения в литературе. Имеющиеся работы относятся главным образом к очень древнему периоду¹ — палеолиту, неолиту и совсем позднему — к XVI—XX вв.²

Краткий обзор костерезного дела IX—XIII вв. н. э. имеется только в монографии Б. А. Рыбакова,³ дяковская и антская костерезная индустрия никем еще не разрабатывалась.

Сведения по технологии кости в письменных источниках не встречаются, поэтому автору пришлось работать непосредственно с самими вещами, привлекая сравнительный материал — этнографические данные по обработке кости у некоторых народов северо-восточной Азии.⁴ За отсутствием микроанализа изделий (для определения следов орудий, которыми их обрабатывали) приходилось основываться на собственных наблюдениях с постановкой некоторых опытов. Необходимо отметить, что техника обработки кости у дяковцев, ввиду наличия большого вещевого материала, получила более подробное освещение в литературе, чем техника антов.

Прежде чем приступить к описанию обработки кости в протославянский период, мы должны сказать несколько слов о причинах, обусловивших ее широкое применение наряду с более совершенным материалом — железом. Главная причина состояла в том, что развитие производительных сил требовало все большего количества и разнообразия орудий, а поскольку железо только еще входило в употребление, то добыча и техника его обработки были несовершенны, стоило оно дорого и его было мало. Приходилось поэтому использовать более дешевое и распространенное сырье, доставляемое развивающимся скотоводством, а в известной мере и охотой, — кость и рог.

В первую очередь в обработку шли трубчатые кости (коров, лошадей, оленей, лосей), грифельные косточки лошадей, лосей, оленей, рога лосей и

¹ М. М. Герасимов. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. МИА СССР, вып. 2, 1940; М. Е. Фосс. Обработка дерева и кости на неолитической стоянке Веретье. Там же.

² Л. И. Свионтковская-Воронова. Резная кость из собрания П. И. Щукина, М., 1923; Б. М. Зубакин. Холмогорская резьба по кости, Архангельск, 1932; В. М. Василенко. Северная резная кость, М., 1936; П. А. Комкин. Резьба по кости на севере, Архангельск, 1927.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948.

⁴ В. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей, СПб., 1901; С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, СПб., 1819; W. Y. Jochelson. The Kogjak, т. VI, ч. 2.

олений, кабаньи клыки и трубчатые кости птиц. Кость и рог как материал для изделий качественно различны. Простая кость — тверда и упруга;⁵ рог — более вязок и упруг, хорошо режется в сыром виде.⁶

Для выяснения приемов обработки кости и рога особенно важны полуфабрикаты; они часто встречались на городищах. Хотя кость и рог (как показали наблюдения над изделиями из них) обрабатывались одним орудием, различные структуры обусловило особенности обработки каждого из этих видов сырья. В костной ткани содержится известный процент жира, наличие которого при долгом хранении кости вызывает процесс гниения,⁷ выражающийся в появлении на поверхности кости пятен. Поэтому перед употреблением кость подвергают предварительному обезжириванию.⁸ Прямых данных, говорящих об обезжиривании кости у дьяковцев, нет, но некоторые косвенные данные позволяют утверждать это. Просмотр готовых изделий убеждает нас в том, что для большинства их использовались только те части кости, которые наименее богаты жиром. Губчатые эпифизы, больше всего содержащие жир, как правило, не использовались. Их предварительно удаляли (рис. 1), и только для некоторых предметов (долотья и всевозможные шилья и остря) они сохранялись в качестве рукояток.⁹ В работу шли главным образом кости животных, мясо которых использовалось в пищу. В процессе варки пищи кости в какой-то мере обезжиривались.

Дальнейшая обработка кости велась в зависимости от рода изготавливаемого из них изделия. Для цилиндрических предметов использовались трубчатые кости — пястные и плюсневые, суставы которых наименее массивны, а поверхность трубчатой части ровнее. Удаление суставов производилось двумя способами — срезом или сколом.¹⁰ В первом случае употреблялся нож, оставлявший на поверхности следы в виде небольших узких срезов — фасеток, во втором — топор, от менее острого лезвия которого получалась грубая вмятина костяной ткани. И в том и в другом случае концы трубок оставались неровными, а затем выравнивались ножом, но и это не давало абсолютной ровности края, которая достигалась, как удалось установить опытным путем, лишь шлифовкой на песчаниковых плитках с подсыпкой мокрого песка. Прием сглаживания срезов зашлифовкой встречался еще в палеолите и неолите,¹¹ когда шлифовали не только срез, но часто и всю поверхность изделия. В дьяковский период шлифовка встречается значительно реже. Употребление железного ножа при обработке ускорило процесс ее, вытеснив почти полностью шлифовку; теперь шлифовался только рабочий край отдельных орудий (ножей, игл, стругов). Для плоских изделий изготавливали пластины (предварительно разбивая выровненную стесыванием кость) вдоль волокон, причем суставы удалялись уже после раскалывания кости.

На поверхности готовых незаконченных изделий постоянно наблюдаются мелкие параллельные штрихи, идущие обычно в поперечном направлении (рис. 2). Опытами удалось определить, что они получались при скоблении кости ножом.

Выше мы говорили, что кость резали. Но процесс этот очень трудоемок. Глубина, на которую входит самое острое лезвие ножа в костную ткань, не превышает 2—3 мм. Как же все-таки резали кость?

Известно, что в Греции кость перед употреблением предварительно раз-

⁵ П. Флоренский. Кость, ТЭ, т. XI, стр. 125.

⁶ М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 70.

⁷ П. Флоренский. Указ. соч., т. XI, стр. 123—124.

⁸ Б. М. Зубакин. Указ. соч., стр. 20.

⁹ Колл. ГИМ (Ст. Каширское городище; Дьяково и др.).

¹⁰ Колл. ГИМ (Ст. Каширское городище; Дьяково, Огубское и др.).

¹¹ Колл. ГИМ. Экспозиция III зала.

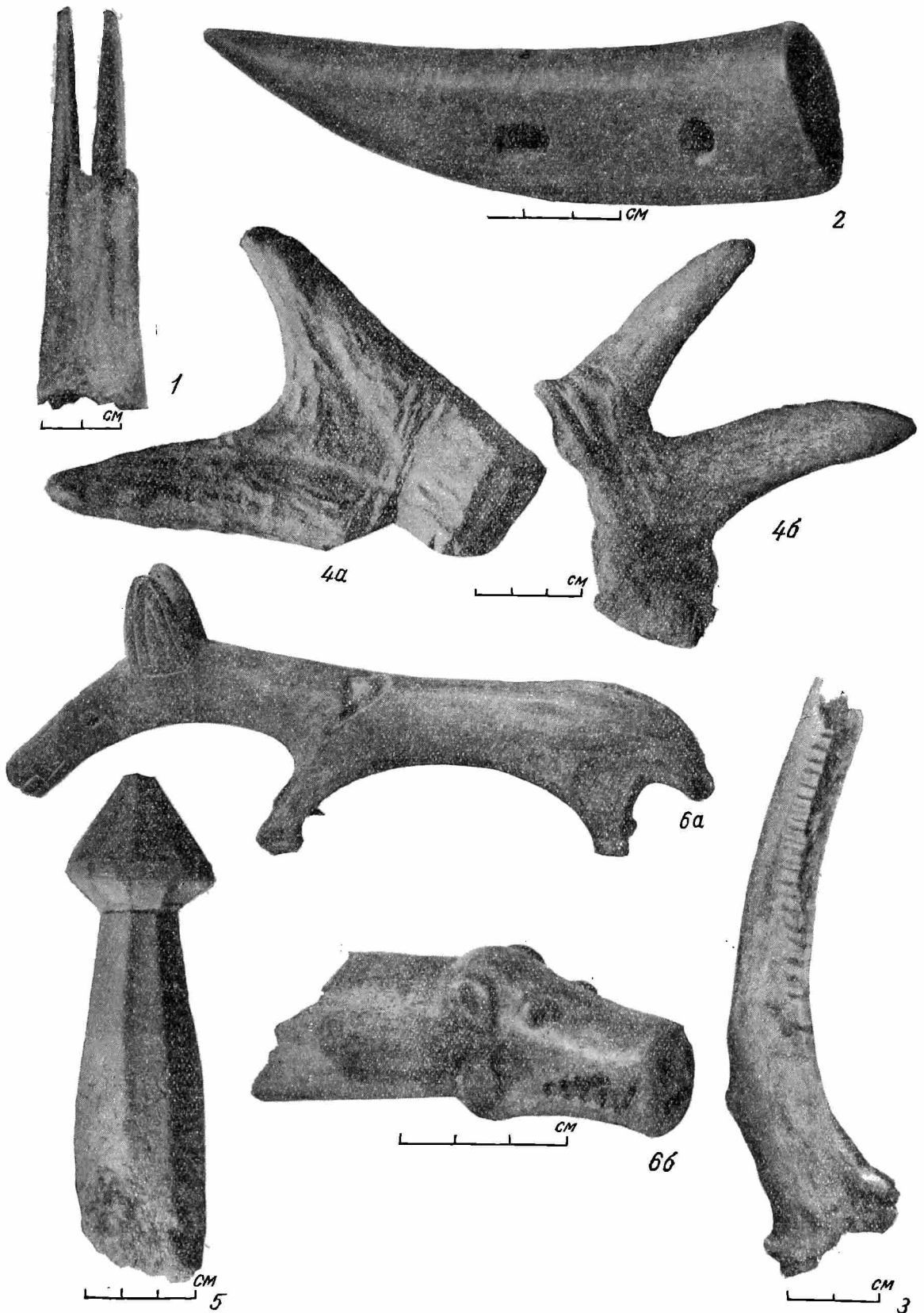


Рис. 1. Костяные изделия

1 — кость с удаленным суставом; 2 — рог со штрихами от скобления ножом на поверхности; 3 — кость с уступчатыми срезами от резьбы в сухом виде (1–3 — Старшее Каширское городище); 4 — рог, обработанный ножом (а — городище Дуна близ гор. Лихвина, б — Старшее Каширское городище); 5 — рукоятка, обработанная ножом (городище Гремячее); 6 — образцы объемной резьбы дьяковцев (а — городище Дьяково; б — Старшее Каширское городище):

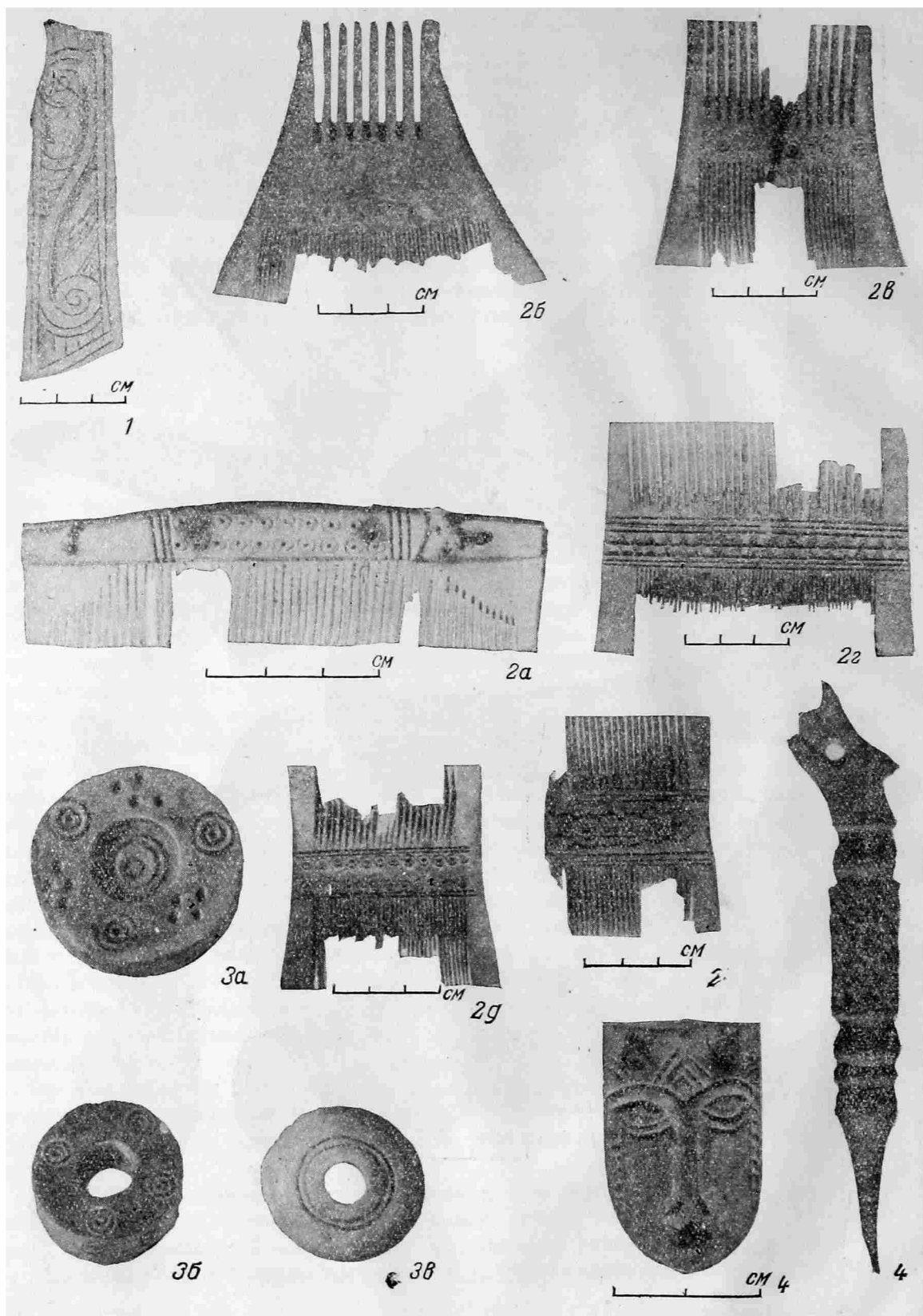


Рис. 2. Изделия из кости

1 — выпиленная костяная пластинка с контурными орнаментами (городище Вышгорода Киевского); 2 — гребни со следами обработки напильником и пилой. Круговой орнамент нанесен циркулем: а — Чернигов; б, в — Новгород; г, д, е — Старая Рязань; 3 — изделия из рога, точеные на токарном станке: а — Киев; б — Новгород; в — Старая Рязань; 4 — образцы плоскорельефной и объемной резьбы (Новгород, Раскопки А. В. Ардиховского)

мягчали. У Павсания и Плутарха, писавших о хризоэлефантинной технике изготовления статуй, есть упоминание о размягчении слоновой кости при выкраивании из нее пластинок.¹² Дьяковцы также размягчали кость, распаривая ее, повидимому, кипячением в закрытой посуде, как это делали в недавнем прошлом народы северо-восточной Азии: чукчи, коряки, камчадалы.¹³

Под влиянием температуры и пара костная ткань делалась мягче и легко резалась. Как выяснилось при рассмотрении отдельных срезов на костяных изделиях, некоторые из них имели неровную, уступчатую поверхность (рис. 1—3): опытами удалось доказать, что уступчатые срезы получались при резании необработанной кости; размягченную же кость было легче резать, фасетки получались ровнее и длиннее; глубина, на которую входил нож, достигала 5—6 мм. Некоторые костяные изделия дьяковцев имеют просверленные отверстия (рис. 1—2), которые, судя по усеченно-коническому профилю их, сделаны с помощью каменного сверла. Последнее при вращении стачивалось, отчего верхнее отверстие всегда получалось больше нижнего. При просверливании толстых кусков сверление велось с двух сторон, чтобы нижнее отверстие не было слишком мало. Работа каменным сверлом встречается и в более ранний период.¹⁴ Совсем иной характер сверления существовал у греков и скифов.¹⁵

Дьяковцы обрабатывали простую кость в основном ножом, сверлили примитивными каменными сверлами. Шлифовка хотя и сохранилась, но применялась, как указано выше, исключительно при отделке рабочего края некоторых орудий. Часть готовых изделий полировалась, для чего, судя по этнографическим данным, употребляли мех или кожу.¹⁶

Пилу дьяковские косторезы не употребляли, хотя на юге (у скифов и греков) в это время она получила широкое распространение.¹⁷ Все рассмотренные приемы изготовления костяных изделий у дьяковцев могут быть прослежены и у ананьинцев;¹⁸ техника обработки кости у них одинакова.

Кроме простой кости, дьяковцы широко использовали рога оленей и лосей. Рог имел перед костью много преимуществ: его не надо было обезжиривать, он легко поддавался обработке в сыром виде, давал большие однородные по строению куски. В коллекциях ГИМ имеются целые рога лосей и оленей; одни из них со срезами, свидетельствующими об искусственном отделении их от черепа, другие без срезов, так как они были сброшены животным еще при жизни.¹⁹

На поверхности некоторых срезов наблюдается волнистость. Вязкость, свойственная рогу, особенно в свежем виде, делала роговую ткань пружинистой при ударе, что приводило к волокнистости среза. За исключением того, что рог не надо было предварительно обезжиривать, техника обработки его по существу ничем не отличается от техники обработки кости: используются те же орудия — нож, топор; применяются те же приемы — размягчение, резьба, шлифовка, полировка (рис. 1—4, 5). При изготовлении полых предметов внутренняя часть рога удалялась²⁰ (рис. 1—2).

¹² Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, стр. 466; Н. Blümner. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, т. II, Leipzig, 1879.

¹³ W. Y. Jochelson. Указ. соч., стр. 646—647; В. Богораз. Указ. соч., стр. 56.

¹⁴ Колл. ГИМ. Экспозиция III зала.

¹⁵ Daremberg et Saglio. Указ. соч., т. V, стр. 121; Колл. ГИМ, II отдел.

¹⁶ W. Y. Jochelson. Указ. соч., стр. 671.

¹⁷ Тр. Античн. отд. Эрмитажа, вып. 1, Л., 1945; Колл. ГИМ, инв. № 40711 и др.

¹⁸ Колл. ГИМ. Раскопки А. Спицына (экспозиция VII зала).

¹⁹ Колл. ГИМ (Ст. Каширское городище; Дуна).

²⁰ Колл. ГИМ (Ст. Каширское городище).

Приемы обработки рога, как и кости, находили себе аналогию в изделиях ананьинских городищ.²¹

Кроме кости и рога, в дело шли кабаньи клыки, главным образом верхние. Из них делали струги и острия для плетения сетей. Прimitивные по внешнему виду дьяковские изделия из клыков выглядят бледно по сравнению с прекрасными скифскими образцами рельефной и контурной резьбы, выполненной на том же материале.²²

Следует отметить, что дьяковцы редко украшали костяные и роговые изделия. Это, возможно, объясняется тем, что изделия носили утилитарный характер. Орнамент чаще всего представляет собой простые геометрические узоры, выполненные ножом: точки, линии (параллельные, волнистые), крестики.²³ Дьяковцам была известна и техника художественной объемной резьбы, примером которой являлись фигурные «навершья» ножей, статуэтка лошади (рис. 1—6) и др.²⁴ Предметы эти выполнены резчиком с большим мастерством только ножом. Судя по плавности линий, резьба велась на размягченной кости.

Костерезное дело у дьяковцев, унаследованное ими от неолита и бронзового века, долго сохраняло старые традиции, несмотря на изменение характера обрабатываемых орудий. Связь с прошлым выразилась в использовании некоторых старых приемов: шлифовки, сверления каменными сверлами и др. Однако прогрессивная роль железа нашла свое отражение и здесь. Процесс изготовления отдельных изделий значительно сократился, что привело к увеличению количества продукции. Среди резчиков появились виртуозы, способные делать замечательные образцы изделий. Но в условиях первобытно-общинного хозяйства не было возможностей для выделения костерезного дела в самостоятельную отрасль ремесла, для превращения резчика-самоучки в костереза-профессионала, работающего на потребителя. Это произошло гораздо позднее.

Чтобы иметь полное представление о технике обработки кости на территории древней Руси в протославянский период, нужно рассмотреть костерезное дело у антов. Малая исследованность их культуры ограничивает возможность подробного освещения технологического процесса. Антских вещей из кости известно немного, но и по ним можно сделать некоторые заключения. Можно говорить о различии уровня костерезного дела отдельных районов антской территории: о более примитивном уровне у антов северо-восточного района, изученного по данным роменских городищ, и о более высоком — у антов времени «полей погребений». Обработка кости из роменских городищ по существу ничем не отличалась от дьяковской.²⁵ Это объясняется, вероятно, близостью общего уровня обеих культур, отмечаемой Рыбаковым.²⁶

Костерезное дело у антов Приднепровья²⁷ стояло на более высоком уровне. Они, судя по изделиям, при обработке кости употребляли уже железные пилки и сверла с винтовой нарезкой, не известные ни антам-роменцам, ни дьяковцам. Использование пилы позволяло производить такие сложные предметы, как гребни, поверхность которых часто орнаментировалась. Орнамент наносился специальным инструментом — циркулем и др. Наличие совершенных орудий (железная пила, сверло, циркуль) свидетельствует о более высокой ступени костерезного дела, выделившегося

²¹ Колл. ГИМ.

²² Колл. ГИМ. Раскопки Б. Н. Гракова. Курганы Саратовской обл., Блюменфельд.

²³ Колл. ГИМ. Материалы разных городищ.

²⁴ Колл. ГИМ (Ст. Каширское городище; Дьяково).

²⁵ М. Макаренко. Городище Монастырище. Науковий збірник істор. секції УАН за 1924 рік, т. XIX. Колл. из раскопок Б. А. Рыбакова Гочевского городища.

²⁶ Б. А. Рыбаков. Анты и Русь. ВДИ, 1939, вып. 1, стр. 334.

²⁷ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. IV, 1901; В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия.

к этому времени у антов Приднепровья в самостоятельную отрасль ремесла. Благоприятное расположение антов Приднепровья на пересечении крупных торговых путей, шедших с юга на север и с запада на восток, еще с древнейших времен связывало эти районы с центрами высокой цивилизации — Грецией, Римом, Востоком и способствовало развитию их культуры. Север-восточная часть антской территории, представляя удаленную от центра периферию, находилась в менее выгодных условиях, замедливших процесс ее развития. Этим и объясняется разница в уровне костерезного производства обоих районов.

Позднее, в VIII—IX вв., когда на базе антской и дяковской культур сложилась древнерусская, производство на первых порах сохранило прежнюю неравномерность развития на отдельных вошедших в нее территориях антской и дяковской. Но в процессе дальнейшего изменения социально-экономических условий населения древней Руси эта неравномерность постепенно исчезает, и в XI—XII вв. на всей обширной славянской территории складывается единая древнерусская культура.

В период IX—XIII вв. костерезное дело выделяется в самостоятельную отрасль ремесла, в «производство изделий по заказу потребителя»²⁸ уже на всей славянской территории.

При раскопках городов и городищ этого периода встречались многочисленные остатки мастерских по обработке кости и рога: в Киеве, Шаргороде, Белгороде, Витичеве, Смоленске, Старой Рязани, на Донецком городище, Сарском, на Княжей Горе,²⁹ в Новгороде, Старой Ладоге и др.³⁰

Факт наличия такого большого количества мастерских свидетельствует о массовости костерезного производства, о большом значении его в хозяйстве древней Руси. Увеличение масштабов указанного производства при более высоком техническом уровне его привело к расширению ассортимента вырабатываемых изделий и к использованию разнообразного сырья. Кроме простой кости и рога лосей и оленей, теперь употребляют полые рога (коров, быков, туров), ископаемую «мамонттовую кость» и «моржовую кость» (под названием «кость» имеются в виду бивни мамонта и клыки моржа). Мамонттовая кость (бивни) по свойствам приближается к слоновой; она так же крепка, прочна, но имеет желтоватый оттенок и расслаивается при высыхании.³¹ Моржовая кость (верхние клыки), обладая большей прочностью и твердостью,³² качественно почти не уступает слоновой.

Письменные источники упоминают «рыбий зуб», ценившийся наравне с драгоценными мехами. В Ипатьевской летописи под 6668 годом сказано следующее: «И бысть же радость во тот день межю има и дарове мнози да бо Ростислав Святославу соболами и горностаими... рыбьими зубы».³³

Некоторые авторы отождествляют рыбий зуб с бивнем нарвала, морского единорога, который, несомненно, тоже находил применение (Флоренский,³⁴ Кузнецов³⁵ и др.), другие — с моржовыми клыками³⁶ и мамонтовыми бивнями. Ближайшее сопоставление сведений письменных источников с древнерусскими миниатюрами³⁷ подтверждает скорее последнее мнение.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. III, стр. 285, 286.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 414.

³⁰ Раскопки последних лет.

³¹ Г. П. Роганов. Техника резьбы по дереву и кости, 1941, стр. 12—13.

³² Там же.

³³ Ипатьевская летопись, изд. 2-е, стр. 86.

³⁴ П. Флоренский. Указ. соч., стр. 33.

³⁵ Б. А. Кузнецов. Товароведение второстепенных отходов сырья, М., 1947, стр. 330, 355.

³⁶ Н. Аристов. Промышленность древней Руси, 1866, стр. 29; проф. Иванов. Холмогорские резчики. Архив губ. вед. за 1868 г., № 95.

³⁷ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 96.

Как можно судить по фольклорным данным, название «рыбий зуб» позднее распространилось на все виды кости:

«...Стоит подворогенка дорог рыбий зуб...»³⁸

Полый рог, не употреблявшийся в предыдущую эпоху, по свойствам близок к сплошному, превосходя его по упругости. В горячей воде он становится мягким и гибким и легко режется ножом.³⁹

В числе полорогих живогных древней Руси надо отметить тура, или зубра, рога которого достигали больших размеров. Судя по письменным источникам⁴⁰ и археологическим данным,⁴¹ туры в древней Руси водились не всюду, а только в южных, западных и северо-западных районах. Турьи рога служили материалом для изготовления парадных питьевых сосудов, подававшихся на княжеских пирах.⁴²

Разнообразие используемого в русских княжествах костерезного материала при массовых размерах самого производства требовало не только более совершенных орудий, но и приемов обработки. В частности, примитивный прием обезжиривания кости предыдущего периода при помощи простого механического удаления суставов теперь, при расширении рамок костерезного производства, был недостаточен.

Химического обезжиривания со сложной аппаратурой, как в современном производстве,⁴³ конечно, не было. Видимо, использовался более простой способ, подобный способу холмогорских резчиков-кустарей в недалеком прошлом,— кипячение кости в щелоке.⁴⁴ Прием разбивания кости на отдельные куски продолжал применяться и в рассматриваемый период.⁴⁵ Но при разделке кости теперь чаще пользовались пилой; заготавливая материал для цилиндрических предметов, кость пилили на цилиндрики.⁴⁶ Если в кости оставалась губчатая ткань, ее удаляли небольшим с узким лезвием ножом, подобным найденному в Старой Рязани.⁴⁷ Для получения плоских заготовок кость распиливали вдоль таким образом, чтобы на пластинках не оставалось губчатой ткани (рис. 2—1) (при распиливании кости отпадала надобность в ее размягчении).⁴⁸

О пилах как инструменте письменные источники сообщают мало. Упоминание о пиле в них связывается с глаголом «тереть», а не пилить.⁴⁹ Пилы неоднократно попадались при раскопках в комплексах IX—XIII вв.,⁵⁰ причем на территории, прежде занятой дьяковцами, они встречаются несколько позднее IX—X вв.

В современном костерезном производстве шероховатая поверхность сколотых кусков кости выравнивается рашпилем и напильником. Ими же снимается лишний слой кости для придания изделию определенной формы.⁵¹

³⁸ А. Марков. Бытовые очерки русских былин, М., 1904, стр. 17—18.

³⁹ Г. П. Роганов. Указ. соч., стр. 13.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись, 1872, стр. 24.

⁴¹ Н. И. Репников. Раскопки 1909 г. в Ст. Ладого. Сб. Новгородского об-ва люб. древн., вып. 4, Новгород, 1911, стр. 12.

⁴² В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд, т. III, стр. 11. (Миниатюра XIII в. из «Жития Бориса и Глеба»).

⁴³ Г. И. Михалевич. Обезжиривание кости, М., 1933.

⁴⁴ Б. М. Зубакин. Указ. соч., стр. 21.

⁴⁵ Колл. ГИМ. Ст. Рязань. Раскопки В. А. Городцова; Новгород. Раскопки А. В. Арциховского.

⁴⁶ Колл. ГИМ. Вышгород, Ст. Рязань.

⁴⁷ Колл. ГИМ. Раскопки В. А. Городцова, 1926.

⁴⁸ Колл. ГИМ. Вышгород, Ст. Рязань. Раскопки А. Л. Монгайта № 44, 94, 114 и др.

⁴⁹ И. Срезневский, т. II, стр. 931.

⁵⁰ В Старой Ладого (В. И. Равдоникас. Старая Ладога, КСИИМК, вып. XI, стр. 39, рис. 25) и на Княжей Горе (В. В. Тарновский. Каталог малороссийских древностей, Киев, 1898, стр. 28, № 1532).

⁵¹ Данные скульптора С. А. Евангулова, любезно сообщенные автору статьи.

Применялся ли напильник для обработки кости в древней Руси? Окончательная заполировка поверхности большинства изделий в процессе их использования сгладила следы обрабатывающего их орудия, и теперь трудно сказать, был ли этим орудием напильник или нож. Но в собраниях ГИМ имеются предметы, для изготовления которых напильник был необходим. Таковы гребни (рис. 2—2) и различного рода поделки с узорными выемками. Затачивание и округление зубьев у гребня могло производиться только напильником. Существование их в древней Руси в домонгольский период не вызывает сомнений, поскольку они были найдены в ряде мест.⁵² Использование пил и напильников еще более сократило роль скобления и шлифовки, тогда как полировка все еще продолжала применяться и даже приобрела большее значение. На некоторых костяных изделиях этого периода встречаются просверленные отверстия, одни из которых сделаны каменным сверлом, использовавшимся еще дьяковцами,⁵³ другие (и их большинство) — металлическим сверлом с нарезкой (рис. 2—2а). Археологи в домонгольских слоях городов нашли подобные железные сверла с винтовой нарезкой.⁵⁴

Все основные приемы обработки простой кости свойственны и обработке сплошного рога. Его также пилили, сверлили, скоблили, заглаживали напильниками, полировали (рис. 2—2а, б, в). Однородность строения роговой ткани позволяла использовать рог и для токарных работ. Точеные роговые изделия известны в Чернигове,⁵⁵ Киеве,⁵⁶ Новгороде⁵⁷ (рис. 2—3) и Старой Рязани. Самые ранние из них черниговские. Материалы Старой Рязани⁵⁸ позволяют утверждать, что токарный станок в домонгольский период не имел здесь такого большого распространения, как в Новгороде и Киеве, где, кроме кости, на нем точили и дерево.⁵⁹ Что касается устройства токарного станка, то о нем трудно судить из-за отсутствия соответствующих данных. Единственной вещью, могущей быть принадлежностью токаря, является найденная С. И. Сергеевым в гнездовском кургане стамеска с расширенным и изогнутым рабочим концом.⁶⁰ В книге «О шахматах» Тревер и Орбели⁶¹ приводят испанскую миниатюру XIII в., изображающую процесс изготовления шахмат на токарном станке. Последний отличается, судя по рисунку, большой примитивностью устройства: между двумя вертикальными стойками закреплена обтачиваемая вещь; зажимы, придерживающие ее, ногой приводятся в движение при помощи маховика и педали. Режущий инструмент — стамеску — мастер держит в руках. Надо полагать, что древнерусские резчики по кости работали на токарном станке, технически едва ли более совершенном, чем описанный.

Особенности строения полого рога требовали предварительной обработки, поэтому его стали применять гораздо позднее, чем сплошной. Надо было удалять внутренний костный стержень, прикрепленный к рогу тонкой прослойкой соединительной ткани, удаляя которую можно было снять роговую часть. В производстве роговых гребней в XIX в. рог предварительно

⁵² Колл. ГИМ. Вышгород Новгород. Раскопки 1947 г. Материал любезно предоставлен автору статьи А. В. Арциховским. На Княжей Горе. Раскопки Н. Беляшевского. 1891 г. Киевская старина, 1892, № 1, стр. 95.

⁵³ Колл. ГИМ. Ст. Рязань, Вышгород и др.

⁵⁴ В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. V, 1908, стр. 39, табл. 5. рис. 86. Новгород. Раскопки А. В. Арциховского 1947 г.

⁵⁵ Колл. ГИМ (III Археол. отдел).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Вещи раскопок А. В. Арциховского в 1947 г.

⁵⁸ Один точеный предмет среди других, сделанных ножом.

⁵⁹ Новгород. Раскопки А. В. Арциховского в 1947/48 гг.

⁶⁰ А. Сплицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 43.

⁶¹ К. В. Тревер и И. А. Орбели. Шатранг, Л., 1936, стр. 92—93.

вымачивали в воде; ⁶² соединительная ткань разбухла и распадалась. По истечении положенного срока (до двух недель) рог вынимали, просушивали и пестукивая по нему освобождали роговую оболочку от костного стержня. В настоящее время для освобождения роговой оболочки рог кипятят при 70—80°, что значительно сокращает процесс обработки. ⁶³ В Новгороде были найдены куски перепиленных поперек костяных стержней рога. Возможно, что в некоторых случаях костный стержень вынимали после распила рога на куски, и тогда излишне было прибегать к вымачиванию и распариванию. Кость могли отделять от оболочки чем-нибудь острым. Неизвестно, какой способ удаления костного стержня использовали славяне, но они это делали весьма искусно, что видно по знаменитым черниговским турьим рогам. ⁶⁴

Значительно реже употребляли для поделок моржовую кость. Поскольку она обладает большой твердостью, обработка ее представляет известную трудность. Чтобы облегчить работу, особенно при резьбе сложных изделий, резчики обычно размягчали моржовую кость, и это делалось чаще, чем при работе на простой кости. У некоторых народов северо-восточной Азии (коряков, чукчей, камчадалов) при резьбе моржовую кость размягчали, распаривая в кипятке. Кость становилась мягкой и легко резалась даже простым ножом. ⁶⁵

Плавность нанесенных резцом линий на новгородской пластинке типа маскарон заставляет полагать, что мастер работал на размягченном клыке (рис. 2—4). ⁶⁶ Моржовый клык не только резали, но и выгачивали из него на токарном станке всевозможные предметы (шашки, шахматы). Находки изделий из моржовой кости, добываемой на побережье северных морей, обнаружены на территории б. Могилевской губернии, ⁶⁷ в Суздале, ⁶⁸ Новгороде ⁶⁹ и даже в Киеве, это указывает на существовавшую в древней Руси широкую торговлю этим материалом.

При описании различных приемов обработки кости и рога мы не рассматривали технику художественной резьбы, состоявшую в нанесении на готовую поверхность изделий различных орнаментов и изображений. Наиболее распространенными приемами резьбы были: гравировка, плоскорельефная резьба и объемная резьба.

Судя по изделиям, гравировка часто применялась в древней Руси. Выполнялась она тремя способами, в зависимости от рода инструмента.

1) На поверхность изделий наносили четкие контуры орнаментов или отдельных изображений при помощи резцов ⁷⁰ или ножом. Орнаменты, наносимые резцами, отличались простотой и представляли в большинстве случаев геометрические фигуры (точки, крестики, линии, треугольники и т. д.). Все эти элементы встречаются в контурной резьбе по дереву, начиная с древнейших времен вплоть до современности, ⁷¹ причем и мане-

⁶² Г. Н. Терлецкий. Производство роговых и костяных изделий, Екатеринослав, 1892; П. Ф. Симоненко. Костяные и роговые изделия, 1898; П. А. Федоров. Роговые и костяные изделия, СПб., 1910; Д. Кишинский. Гребенщик, М., 1875.

⁶³ В. В. Поляков. Производство роговых гребней и зубных щеток, М., 1942; Ф. И. Козырев и Б. А. Виноградов. Рога, копыта и роговые отходы, М., 1933, стр. 2.

⁶⁴ Колл. ГИМ. Экспозиция VIII зала.

⁶⁵ W. Y. Jochelson. Указ. соч., стр. 646—647.

⁶⁶ Колл. ГИМ. Раскопки А. В. Арциховского.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Подобных тем, которые использовали резчики Севера в конце XIX — нач. XX в. См. Б. М. Зубакин. Указ. соч.

⁷¹ В. Воронов. Резьба по дереву, М., 1933, стр. 3, табл. 16—17, 19, 21, 23; В. Н. Соколов. Резьба по дереву, М., 1936.

ра выполнения отдельных узоров была та же самая, только большая твердость кости обуславливала меньшую глубину линий, придавая им больше изящества.

2) Гравировка с помощью циркуля или подобного ему орудия. Узоры имели вид кружочков с точкой в центре. На большинстве изделий их наносили во всевозможных комбинациях (рис. 2—2д, е).

3) Гравировка в виде параллельных линий, выполненная на токарном станке, отличается от гравировки от руки правильностью очертаний (рис. 2—3).

Плоскорельефная резьба мало чем отличалась от гравировки. Разница заключалась в большей углубленности линий. Фон вокруг изображения выбирался неполностью. Для ускорения процесса резьбы требовалось размягчать кость или рог. Указанный прием резьбы по кости и дереву позднее перешел на обработку камня.⁷² Поверхность изображений при этой манере резьбы слабо моделировалась.

Объемная резьба в большинстве случаев производилась на токарном станке, но встречались изделия, выполненные от руки с большим совершенством. К ним надо отнести всевозможные украшения (уточки, петушки и др.); фигурные спинки гребней, ногтечисток (рис. 2—4) оформлялись иногда в виде лошадиных или птичьих голов. Для облегчения и ускорения резьбы резчику приходилось кость и рог все время размягчать.

Прием ажурной резьбы, столь распространенный в XVI—XVIII вв. на Руси и отличавшийся большой виртуозностью («...а и в вырезу мурашу пройти...»⁷³), несомненно, использовался и ранее, в домонгольский период. По всей вероятности, именно ажурные изделия привели в восхищение византийца Тецеса, сравнивавшего резьбу русских по кости с знаменитым искусством Дедала.⁷⁴

Отсутствие в музеях предметов с ажурной резьбой домонгольского периода объясняется просто хрупкостью их, явившейся причиной их исчезновения.

Необходимо коротко обобщить сказанное. Роль кости, как материала для изделий в течение почти 19-векового использования, не могла не изменяться. В протославянский период при недостаточном развитии металлообработки кость выполняла роль основного материала для изготовления многих предметов. Позднее, в древней Руси, кость становится подсобным материалом. При длительном применении кости изменялся не только ассортимент изготавливаемых из нее изделий, но и способы ее обработки. Прimitивность приемов первого периода (распаривание, резьба ножом, скобление, сверление каменными сверлами и др.) сменилась в древней Руси более совершенной техникой обработки кости в связи с развитием костерезного ремесла (распиливание, опиловка напильниками, сверление железным сверлом, вытачивание на токарном станке и др.).

Рассматривая костерезное дело в процессе его исторического развития, начиная с протославянского периода и кончая древней Русью, можно убедиться в преемственности не только некоторых форм изделий, но и отдельных приемов обработки кости. Русское костерезное искусство возникло на основе древних традиций резьбы по кости и дереву VI—X вв., а не в результате воздействия извне, например со стороны Византии, как считали некоторые искусствоведы (В. М. Василенко и др.). Дальнейшее развитие и совершенствование костерезного дела привело позднее (в XVI—XVII вв.) к появлению в России крупных художественных центров костерезов, как Архангельск, Холмогоры, Москва (Оружейная палата), известных своей продукцией далеко за пределами страны.

⁷² А. А. Бобринский. Резной камень в России, М., 1916.

⁷³ А. Марков. Бытовые очерки русских былин, М., 1904, стр. 17 и 18.

⁷⁴ Н. П. Кондаков. Русские клады, СПб., 1898, стр. 80.

А. Е. АЛИХОВА

МОРДВА И МУРОМА

Издревле в бассейне р. Оки жили два родственных племени: мурома и мордва. Одно из них, а именно мурома, уже в начале II тысячелетия нашей эры исчезло как самостоятельное образование; только в летописи сохранилось о нем упоминание: «По Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой, и черемисы язык свой, мордва свой язык».

Слабая изученность древней муромской и мордовской земли привела к тому, что в последнее время многие археологи склонны объединять эти два племени под одним общим наименованием «мордва». В то же время при анализе материала могильников (конца I тысячелетия нашей эры) левобережья Оки и неширокой полосы правого берега выявляются их резкие отличия от синхронных памятников бассейна правобережья. К сожалению, пока не представляется возможным провести между ними границу более четко, так как в каждом из указанных районов раскопано всего по несколько памятников.

Племенные отличия, как уже твердо установлено, наиболее ярко выявляются в женском наряде и, в первую очередь, в головном уборе, доходящем до нас обычно только в виде его металлических украшений.

Головной убор мордовских женщин IX—X вв. состоял из серебряного или бронзового венчика, имевшего вид ленты, образованной чередованием штампованных трубочек (четырёх или пяти) с прямоугольными обоймами, украшенными мелкими выпуклинами (рис. 3—1). В некоторых случаях этот венчик укреплялся на твердой основе из бересты (Лядинский могильник, погр. № 8).¹ Иногда венчик охватывал голову кругом и застегивался сзади пряжкой. Чаще же венчики украшали только переднюю часть головного убора. Это объясняется, очевидно, тем, что сзади свешивалась лопасть, или свободный конец головной повязки. Косвенным подтверждением последнего служит найденный в Перемчалинском могильнике (погр. № 6) венчик,² у которого передняя часть была сделана из серебра, а задняя была из бронзы, очевидно, прикрытая лопастью. В некоторых случаях лопасти украшались привесками с резным орнаментом. В Перемчалкинском могильнике (погр. № 3) они лежали в ряд под черепом (рис. 3—2). Аналогичные были встречены и в Томниковском могильнике³ (погр. № 3, 19 и, возможно, № 1). В погребении № 19 с головы был снят остаток убора, состоящего из тонкого войлока, проложенного внутри грубым волосом,

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, СПб., 1893.

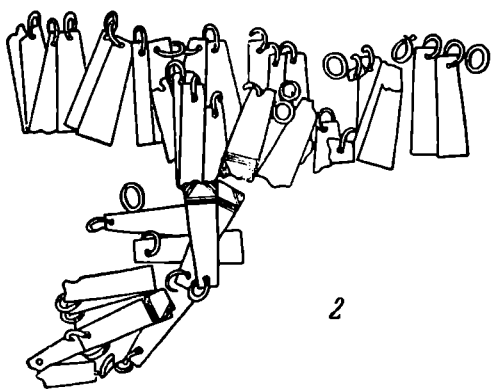
² Раскопки Антропологического н.-и. ин-та МГУ в 1926 г. в Горьковской обл. (б. Лукьяновского у.). Археологический сборник № 1, Саранск, 1948 г.

³ В. Н. Ястребов. Указ. соч.

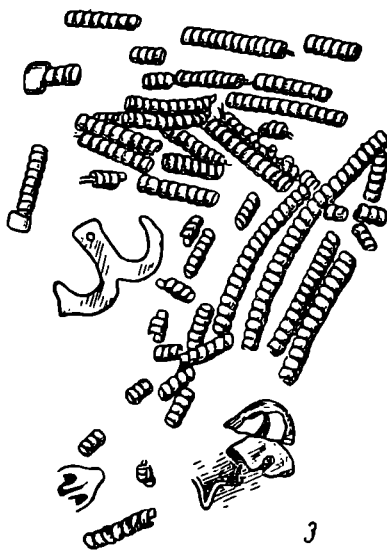
а сверху прикрытого холстом с нанизанными на нем в два ряда пластинчатыми привесками по краю. Украшение головного убора трапецевидными



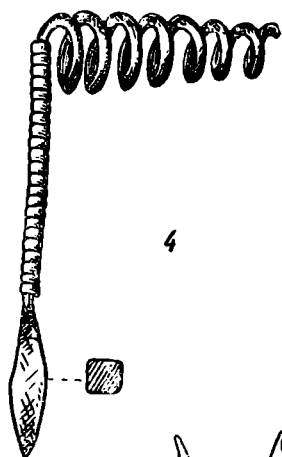
1



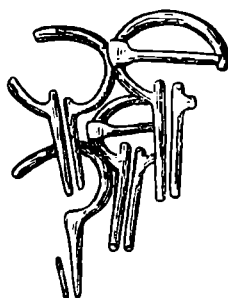
2



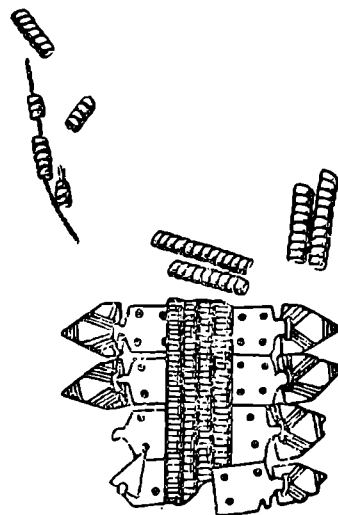
3



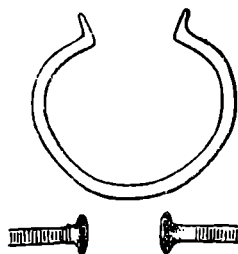
4



5



7



6

Рис. 3. Вещи из Перемчалкинского могильника

1 — венчик; 2 — украшение лопасти головного убора; 3 — наkosник; 4 — височная привеска; 5 — группа вастежек с усами; 6 — браслет; 7 — украшение обуви

привесками, существовавшее с VII в. (Армиевский могильник, погр. № 3, 70),⁴ в X в., судя по материалу Лядинского могильника, вышло из употребления.

⁴ П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

Другая часть головного убора — накосник (рис. 3—3), имевший большую древность, в IX—X вв. имел вид пряди спиралек, оканчивающихся пастовыми пронизками или привесками в виде колокольчиков, бубенчиков или корсбочек, иногда называемых звездообразными привесками (Лядинский могильник, погр. № 193 и др., Перемчалкинский могильник, погр. № 6; рис. 3—3).

В состав головного убора мордвовк входили одна или две височных привески в виде спирали со спускающимся вниз под прямым углом стержнем с бипирамидальным утолщением на конце (рис. 3—4). Являясь характернейшим мордовским украшением, распространенным с середины I тысячелетия нашей эры, привеска просуществовала дольше всех прочих украшений, встречаясь как исключение даже в начале XIII в. (Ефаевский могильник).⁵ В целом, головной убор мордовской женщины отличался большей простотой по сравнению с муромским.

У муромы головной убор состоял из дугообразных головных жгутов, возвышавшихся над головой. По описанию Городцова,⁶ головные жгуты чаще были сделаны из конских волос, обвитых сначала сыромятным ремнем, а затем сверху бронзовой спиралью. В нескольких случаях внутреннее устройство жгутов было несколько иное, сохраняя, однако, тот же внешний вид. Кроме головных жгутов, голову охватывал узкий головной ремень, шириной около одного сантиметра, обвитой бронзовой спиралью или бронзовыми обоймами; над этим ремнем располагался широкий головной ремень, покрытый бронзовыми обоймами. Вместо него иногда был венчик, сходный с мордовским, т. е. состоявший из трубочек или спиралек, чередующихся с обоймами.

Украшением кос служили «спинные привески» в виде бронзовых коромысел с колокольчиками. В области виска были подвешены большие и малые височные кольца.⁷ Из всего этого сложного головного убора лишь одна деталь обща с убором мордвы — это венчик. Но надо заметить, что по своему устройству (из спиралек) он ближе стоит к аналогичному украшению из Люцинского могильника,⁸ так же как и украшение в виде жгутов.

Одной из характерных особенностей муромского женского костюма были пояса, оканчивающиеся широкими боковыми ремнями с бронзовыми обоймами и наконечниками.⁹

В то время как у муромы вообще пояса были характерным женским украшением, у мордвы они были без боковых ремней и являлись принадлежностью мужского костюма. Правда, в описании женских погребений Лядинского могильника встречается «ремень с бронзовыми украшениями», но что он представлял собой, в настоящее время трудно установить. Во всяком случае, если предположить, что это был пояс, то, судя по положению, он не опоясывал покойницу, а был положен либо на грудь (Лядинский могильник, погр. № 37, 57, 89, 155, 204, 212), либо у черепа (погр. № 61), либо у правого бока (погр. № 163). К тому же следует отметить, что ремень с бляшками в мужских погребениях В. Н. Ястребов обычно называет поясом: он всегда находится на бедрах или тазовых костях.

Здесь трудно останавливаться на всех типах шумящих привесок и блях, встречаемых у муромы и, в несколько меньшей степени, у мордвы. От-

⁵ Колл. ГИМ. Раскопки Е. И. Горюновой в 1936 г. Археологический сборник № 1, Саранск, 1948 г.

⁶ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях гор. Мурома в 1910 г. Древности. Тр. Моск. археол. об-ва, т. 24, М., 1914, стр. 101, рис. 42; стр. 114, рис. 47, 48 и др.

⁷ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 114, рис. 49.

⁸ Древности Сев. Западного края. Люцинский могильник. МАР, 14, СПб., 1893.

⁹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 114, рис. 47; стр. 96, рис. 36.

метим лишь, что по принципу устройства они имеют много общих черт, но по формам в большинстве случаев представляют большие отличия.

Одним из характернейших мордовских украшений были застежки с усами, т. е. с концами в виде палочек или длинных трубочек (рис. 3—5). Хотя эти застежки иногда встречаются и у муромы, но там они составляют ничтожный процент. Так, в Максимовском могильнике¹⁰ они встречены в 4 погребениях из 43, в Подболотьевском — 17 из 260, т. е. составляют всего 6%. Это свидетельствует о взаимопроникновении отдельных предметов, а, возможно, и людей, что вполне естественно между двумя соседними родственными племенами.

Для мордвы характерны также массивные браслеты (рис. 3—6) с концами либо отогнутыми, либо имеющими форму шляпки гвоздя.

В заключение рассмотрим обувь.

У муромы женщины обматывали ноги, начиная от щиколотки на 13—15 см кверху плотно ряд к ряду ремнями, сплошь покрытыми бронзовыми обоймами. Обувь же была украшена бронзовыми спиральками, шумящими привесками иных, чем у мордвы, типов и орнаментальными скобами.¹¹

Обувь мордвы в IX—X вв. также украшалась металлическим набором, но совершенно иного типа. Поскольку идентичное украшение было встречено в двух значительно удаленных один от другого пунктах, а именно на Цне (в Кулеватовском могильнике)¹² и в Горьковской обл. (Перемчалкинский могильник), можно предположить, что это украшение было широко распространено у мордвы. Располагаясь на подъеме ноги, оно состояло из подпрямоугольной части и неподвижно укрепленных штампованных трубочек и из отходящих с обеих сторон подпрямоугольных бляшек, оканчивающихся подвижно соединенными подтреугольными пластинками (рис. 3—7).

Из приведенного далеко не полного разбора наряда мордовки и муромки выступают резкие различия как в головном уборе, так и в украшениях одежды и обуви. Правда, у них есть и общие украшения второстепенного значения, но при тщательном анализе выявляется, что эти предметы характерны не только для муромы и мордвы, но встречаются либо далеко за их пределами, либо имеют свои прототипы в более древних рязанских могильниках. К последним, например, относятся бляхи с дверкой, ажурные и спиральные перстни, гривны с замком лодочкой, круглая ажурная бляха с привесками (типа Лядинского могильника, табл. I, рис. 3), венчик. Другие предметы характерны также для северо-западных областей, например, для Люцинского могильника. Сюда относятся венчик из витушек, гривны с замком лодочкой, спиральные перстни и браслеты, усатые перстни (спиральные широкосрединные), пластинчатые перстни с завязанными концами, трубчатые привески, украшенные проволоочной обмоткой (типа Лядинского могильника, табл. IV, рис. 88) и др.

Следует выделить еще одну группу предметов, связанных с югом и Салтово-Маяцким культурным центром, — это бусы и различные типы поясных бляшек.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении выявляется, что общих предметов, характерных исключительно для муромы и мордвы, почти нет.

Однако различия эти наблюдаются не только в costume, но и в обряде погребения. В то время как мурома всегда хоронила своих покойников головой на север, у мордвы господствовала южная, изредка юго-восточная и в одном могильнике (Перемчалкинском) западная ориентировка. Замечается также большее распространение обряда трупосожжения у муромы. Так, у мордвы количество трупосожжений в отдельных могильниках

¹⁰ А. А. Спицын. Древности бассейнов Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901.

¹¹ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 115, рис. 50 и др.

¹² Раскопки А. Е. Алиховой 1938 г.

составляет 8%, у мурома в Подболотьевском могильнике — 16,5%, а в симовском — даже 25%.¹³

Напомним также, что и в области языка летопись отмечала различие этих двух племен.¹⁴

Муroma по археологическим данным противоплагается не какому-либо одному из мордовских племен, а мордве в целом: перечисленные здесь могильники расположены в разных углах огромной мордовской территории.

Таким образом, совокупность всех данных приводит к выводу, что в конце I тысячелетия нашей эры существовали в бассейне Оки два различных (вероятно, родственных) племена — муroma и мордва, а если это так, то и объединять их одним общим именем «мордва» нельзя.

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч.

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 2, 5.

для хронологической классификации является метод, примененный Ефименко,⁷ разделившим на стадии Рязанские могильники. По этому же принципу Третьяков⁸ разделил на стадии костромские курганы.

Материал верхневолжских курганов с труположениями⁹ я попыталась разделить на хронологические стадии тем же путем, для чего мною составлена корреляционная таблица (рис. 4).

Так как эволюция курганного инвентаря неразрывно связана с изменением погребального обряда, необходимо остановиться на погребальном обряде курганов с труположением, встречающемся в Верхнем Поволжье.¹⁰

В XI в. обряд трупосожжения отмирает окончательно, уступая свое место обряду труположения. По внешнему виду курганы с труположением ничем не отличаются от индивидуальных курганов с трупосожжением. Вокруг основания насыпи встречаются ровики и валуны, причем характерно, что валунами обложены главным образом более поздние курганы. Этот обряд известен по р. Мологе, под Весьегонском,¹¹ в верховьях Волги (район Старицы и Осташкова) и в районе Волоколамска.¹² Встречается и сочетание ровиков с валунами. Эти признаки характерны для старицких и корчевских курганов. Например, в дер. Воробьево курганы были окружены ровиками и на половину своей высоты, а иногда и доверху обложены валунами.¹³ Вместо ровиков около курганов находят и глубокие ямы (курганы по р. Мологе).¹⁴

Форма курганов обычно полушарообразная, реже — овальная; высота колеблется от 1 до 2—4 м на территории Калининского Поволжья и несколько ниже — от 0.5 до 2 м — на территории Рыбинского Поволжья, т. е. вокруг Мологи, Углича и Рыбинска (ныне Щербакова); диаметр их — 1.5—6 м.

Для насыпания кургана обычно выбиралось живописное место — возвышенный берег реки или участок леса. Забота о мертвом проявлялась с самого момента насыпания кургана. Покойника клали на особое ложе или подстилку. Для этой цели служили булыжники, зола, белый или желтый песок.¹⁵ Подобный обряд известен и в более ранних курганах, с трупосожжениями. Зольные пятна и угли, имеющие здесь ритуальное значение, находят как в насыпи кургана, так и на горизонте. Иногда над покойником возводилось нечто вроде свода. Это встречается главным образом на территории Калининского Поволжья.

В 1890 г. В. И. Колосов раскопал два кургана близ с. Каменки, ныне Калининской обл.¹⁵ В основании оба кургана были обложены валунами, на поверхности насыпи также лежало довольно много камней. В первом кургане костяк лежал на материке, на особом ложе из мелкого булыжника,

⁷ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1.

⁸ П. Н. Третьяков. Костромские курганы, Л., 1931, стр. 11.

⁹ Курганы с трупосожжением в данной статье не рассматриваются. Они бедны инвентарем, с трудом поддаются хронологической классификации и должны быть рассмотрены отдельно.

¹⁰ Необходимо оговориться, что в понятие «Верхнее Поволжье» мною включается бассейн верхнего течения Волги с притоками, от ее истока и до впадения в нее р. Шексны.

¹¹ Отчет о раскопках Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 12.

¹² Отчет А. С. Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. Там же, стр. 32.

¹³ Отчет Н. Е. Макаренко о раскопках, произведенных в 1902 г. в Ярославской и Тверской губерниях. Там же, стр. 21.

¹⁴ Археологические работы ГАМК на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, М.—Л., 1935, стр. 106. Раскопки П. Н. Третьякова у с. Воздвиженсье.

¹⁵ А. А. Спицын. Отчет о раскопках Гатцука в 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 120.

¹⁶ Архив ИИМК. Дело Археол. комиссии, № 36, за 1890 г.

головой на северо-запад. У головы и ног сооружены стенки, на которые опирался деревянный накат. Почти от половины насыпи шла плотная булыжная кладка в виде свода. Погребение под сводом известно и в старицких¹⁷ и в остацковских¹⁸ курганах Калининской обл.

Третьяков,¹⁹ изучая костромские курганы, убедился, что своды находились в наиболее богатых погребениях. Возможно, что так было и в курганах Калининской обл., но на основании отчетов этот вывод сделать не удастся.

Покойников хоронили в гробу или в долбленной колоде, остатки которых часто находят в курганах. О наличии гроба говорят и железные гвозди, частые в погребениях.

На основании раскопок курганов около Углича (дер. Кирьяново) Кельсиев делает вывод, что покойников хоронили на тех носилках, на которых они были принесены к месту погребения, так как в курганах найдены остатки длинных досок, брусков и бревен.²⁰ Доводы его мало убедительны, так как доски могли быть и остатками гроба, да и вряд ли покойников приносили к месту погребения на носилках. Известно, что умерших привозили на санях. В рассказах Лаврентьевской летописи о смерти князя Владимира говорится, что останки его отвезли из Берестова в Киев на санях, причем умер он в июле.²¹ Так же доставлялись к месту погребения князья: Ярослав (1054), Изяслав (1078), Святополк (1113). Выражение «сидеть в санях» в древности означало быть перед лицом смерти. Вполне вероятным представляется мнение некоторых историков, что именно в этом смысле надо понимать изречение Владимира Мономаха в его поучении детям: «Седя на санях, помыслих в души своей...».²²

Иногда, особенно в курганах по р. Мологе и Истре,²³ вместо гроба в погребениях находят остатки бересты, в которую покойник обертывался. В курганах по р. Истре покойник покрывался берестой не целиком, а от головы до пояса или до грудной клетки. В курганах района Дмитрова Московской обл. сосновой корой покрывались только кисти рук.

Положение скелета в кургане различно: 1) в насыпи, 2) на подсыпке, 3) на материке, 4) в грунтовой яме.

1. Погребение в насыпи бывает вводным в то время как основное погребение обнаруживается либо на материке, либо в грунтовой яме. В этом случае скелет может быть найден неглубоко от поверхности кургана, так как он погребен в насыпи уже после того, как она была воздвигнута над основным погребением. Но известны и такие случаи, когда погребения в насыпи являются основными — костяк лежит на довольно значительном расстоянии от поверхности материка. Данный обряд характерен для курганов района Волоколамска, Московской обл.,²⁴ Корчевы²⁵ и Весьегонска²⁶ Калининской обл.

2. Погребения на подсыпке обычно расположены на небольшом расстоянии от материка (10—25 см). Насыпанный грунт отличается по своему составу от остальной насыпи кургана. Такой обряд погребения можно

¹⁷ «Северная пчела», № 64, 1895. Древности Тверской губ.

¹⁸ Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ., Тверь, 1903, стр. 10.

¹⁹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы, Л., 1931, стр. 14.

²⁰ «Антропологическая выставка», т. II, вып. 5—6.

²¹ Лаврентьевская летопись под 1015 г., Л., 1926.

²² Лаврентьевская летопись под 1096 г.

²³ К. Н. Виноградов. Археологические раскопки 1923—1924 гг., Воскресенск, 1925.

²⁴ А. А. Спицын. Отчет о раскопках Гатцука. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 120.

²⁵ Архив ИИМК. Дело Археол. комиссии, № 30, 1906. Раскопки Ю. Г. Гендуне..

²⁶ Отчет о раскопках Репникова у пог. Сарагожа. ИАК, вып. 6, стр. 16.

объяснить стремлением родственников создать умершему благоприятную обстановку для существования в загробной жизни, как бы отделить его, возвысить над окружающей землей.

3. Большая часть курганов Верхней Волги содержит погребения на материке. Обычно скелет лежит вытянуто на спине, лицом вверх, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. Известны отклонения от этого правила: лицо покойника повернуто вправо или влево, а иногда покойник обнаружен лежащим на боку (р. Молога, с. Игнатово, курган № 1).

4. Погребения в грунтовой яме встречаются реже, чем на материке, и не на всей территории Верхнего Поволжья. Они известны в курганах Дмитрова,²⁷ Весъегонска²⁸ и Корчевы.²⁹ Могильные ямы в плане обычно четырехугольные, углы иногда закруглены; глубина 0.5—1.5 м. В яме, так же как и на материке, покойники погребались в гробу или в колоде и без них. В последнем случае яма выложена мохом, берестой или сосновой корой (курганы северной части Московской обл., раскопки Линдемана).³⁰

Разновидностью обряда труположений является погребение умершего в сидячем положении, известное на территории Верхнего Поволжья. Погребение костяков в сидячем положении, наиболее характерное для ржевских курганов, известно в курганах близ Весъегонска³¹ и Бежецка,³² причем в корчевских курганах около костяков была подпорка из груды камней, обычная в курганах новгородских славян, где этот обряд погребения очень част.³³

По найденным в курганах монетам можно сделать вывод, что указанный обычай погребать мертвых появляется на территории Верхнего Поволжья в конце X в., существует весь XI в. и начало XII в. Для более позднего времени такой обряд погребения пока неизвестен. К этому же, примерно, времени относит Спицын и аналогичный обряд погребений в курганах Ленинградской обл. на основании найденных монет (21 шт.), большинство которых XI в.³⁴

Постоянным атрибутом погребений всех типов была глиняная посуда. Иногда в горшках находят зерна злаков. Так, например, в кургане дер. Старый Сиг в глиняном горшке были найдены зерна пшеницы.³⁵ Следует отметить, что в курганах деревень Воробьево³⁶ и Сильменево³⁷ Калининской обл. не найдено ни одного глиняного горшка. Повидимому, население этих деревень не имело обычая снабжать погребенного керамикой. Возможно, что в курганы клали деревянную или берестяную посуду, которая не сохранилась. В Смоленской обл., например, в курганах часто находят железные обручи от деревянных ведерок.

В верхневолжских курганах, как и у всех восточнославянских племен, женские погребения богаче мужских. Однако отдельные мужские погребения в отличие от погребений вятичей, достаточно богаты инвентарем и

²⁷ И. К. Линдеман. Раскопки курганов летом 1904 г. Древности, т. XXII, вып. 1, М., 1909.

²⁸ Ушаков. О древних медалях и вещах. Отечественные записки, т. XXXI, 1843, стр. 13.

²⁹ Раскопки Макаренко. ИАК, вып. 6, стр. 26.

³⁰ И. К. Линдеман. Указ. соч.

³¹ Ушаков. Указ. соч., «Смесь», стр. 13.

³² В. Н. Мальковский. О раскопке (кургана) сопки в с. Рыбинском, Бежецкого у., Тверской губ., произведенной в 1902 г., Тверь, 1905.

³³ А. А. Спицын. Курганы СПб. губ. в раскопках Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 6.

³⁴ Там же, стр. 7.

³⁵ Плетнев. Об остатках древностей и старины в Тверской губ., Тверь, 1903, стр. 44.

³⁶ Отчет о раскопках Н. Е. Макаренко. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 26.

³⁷ Отчет С. А. Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. Там же, стр. 34.

содержат не только орудия труда и оружие, но и предметы украшений — перстни, браслеты, шейные гривны. Последние, правда, несколько иного назначения, но об этом будет сказано ниже.

Наличие предметов украшений в мужских погребениях — явление довольно редкое у восточных славян. Из других племен украшения в мужских погребениях известны у радимичей.³⁸ Возможно, что носители их по своему имущественному или социальному положению отличались от остальной массы населения деревни.

Богатые инвентарем женские погребения дают возможность восстановить облик убора славянской женщины из племени кривичей. На голове — тонкий пластинчатый бронзовый или серебряный венчик; на висках — по три браслетообразных завязанных височных кольца; на шее — ожерелье из бус (стеклянных позолоченных или посеребренных), перемежающихся с привесками и монетами, шейная гривна или цепочка (являвшаяся вместе с тем и украшением груди) с привесками в виде конька, ложечки, колечек, бубенчиков, крестиков, лунниц и т. п. На руках — браслеты и перстни, иногда по несколько штук.

Кроме украшений, в женских курганах найдены орудия труда, керамика и другие предметы быта.

Так как датировке лучше всего поддаются предметы украшений, то на хронологическую таблицу нанесены женские погребения, как наиболее богатые инвентарем. Всего по коллекциям ГИМ мною просмотрено 100 женских погребений, таблица составлена на основании 76 погребений. Время каждой вещи было определено по монетам или вещам, дата которых установлена путем тщательного изучения погребальных комплексов всех восточнославянских племен, у которых данные типы вещей встречаются вместе с монетами.

Каждая стадия погребения на таблице имеет свой знак. Вещи ранние и характерные для первой стадии обозначаются знаком X; поздние, характерные для второй стадии знаком ●; вещи нехарактерные, т. е. те, которые не могут служить для датировок, так как встречаются одинаково часто или одинаково редко в обеих стадиях, — знаком о. Доказательством правильности таблицы служит то обстоятельство, что когда погребения, на основании определенных устойчивых комплексов вещей, были распределены по хронологическим стадиям, то место их как раз совпадало с ранее установленной датировкой погребения.

Обратимся к таблице и рассмотрим вещи, характерные для первой стадии курганов. Сюда относятся, в первую очередь, браслетообразные завязанные височные кольца,³⁹ многочисленные в курганах данной области. В этом легко убедиться, сравнивая количество найденных экземпляров данного типа с количеством других. Из 259 экземпляров браслетообразных височных колец на долю завязанных падает 179, что составляет 70%. В курганах их обычно — 6 (см. табл.). Браслетообразные завязанные височные кольца характерны и для курганов других кривичских областей: Смоленской,⁴⁰ Витебской,⁴¹ Псковской,⁴² Владимирской.⁴³ В первую стадию входят и стеклянные позолоченные и посеребренные бусы в форме

³⁸ Б. А. Рыбаков. Радимичи, Минск, 1932.

³⁹ При характеристике украшений пользуюсь типологией, выработанной А. В. Арциховским в кн. «Курганы вятичей», М., 1930.

⁴⁰ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 206, рис. 41.

⁴¹ Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, вып. 6, табл. II, рис. 10.

⁴² ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903. Раскопки Глазова в Псковской губ., табл. XXII, рис. 9.

⁴³ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 138, рис. 119.

бочонка или цилиндра, составляющие почти в каждом погребении прекрасное ожерелье, иногда из 40—50 шт. Время их определено А. В. Арциховским приблизительно XI — нач. XII в.⁴⁴ П. Н. Третьяков считает бочкообразные бусы более ранними — XI в., цилиндрические — поздними —

Количество браслетообразных завязанных колец, найденных в одном кургане

| № п/п | Название курганной группы | Число височных колец | | | | | |
|-----------------|---------------------------|----------------------|---|---|---|---|---|
| | | 6 | 5 | 4 | 3 | 2 | 1 |
| 1 | Болшево | — | — | — | 1 | 1 | — |
| 2 | Волосово | 1 | — | — | — | — | — |
| 3 | Глинники | 3 | 1 | 1 | 1 | — | — |
| 4 | Дуденево | 1 | — | — | — | — | — |
| 5 | Дятлово | 1 | — | — | — | — | — |
| 6 | Елизарово | 6 | — | 2 | — | — | — |
| 7 | Жуково | — | — | — | 1 | — | 1 |
| 8 | Заборье | 1 | — | 1 | — | 4 | 1 |
| 9 | Загорье | 3 | — | — | — | 1 | 2 |
| 10 | Избережье | 1 | — | 1 | — | — | 2 |
| 11 | Каргашино | 1 | — | — | — | — | — |
| 12 | Кривец | — | — | — | — | 1 | — |
| 13 | Мозгово | — | — | — | — | 1 | — |
| 14 | Могилицы | — | — | — | — | — | 1 |
| 15 | Титовка | 1 | — | — | — | — | — |
| 16 | Хилово | — | — | 1 | — | — | — |
| 17 | Юрьевское | 2 | 1 | — | — | — | — |
| 18 | Кирияново | 1 | — | — | — | 1 | 1 |
| 19 | Кузнецовка | 1 | — | — | — | — | — |
| Итого | | 23 | 2 | 6 | 3 | 9 | 8 |

нач. XII в. Сердоликовые бипирамидальные бусы могут также считаться характерными для первой стадии, так как, судя по таблице, они почти всегда найдены с вещами того времени.

Браслеты, так же как и бусы, являются важным датирующим инвентарем погребений. По коллекциям ГИМ известен 81 экземпляр на 165 погребений. Иногда одно погребение содержит два и более браслетов.

Характерными браслетами для первой стадии являются пластинчатые тупоконечные, пластинчатые и витые завязанные, круглопроволочные разомкнутые и пластинчатые разомкнутые (из узкой пластинки). Первое место по количеству экземпляров, найденных в курганах, занимают пластинчатые тупоконечные (найдено 32 экз., 40%). Они часты также в курганах новгородских славян; в курганах вятичей и других восточнославянских племен они встречаются реже. Почти все найденные браслеты медные. Серебряные украшения вообще редки в курганах Верхнего Поволжья, браслеты насчитываются единицами и только круглопроволочные.

К этому же времени относятся пластинчатые усатые перстни, пластинчатые со слегка заходящими концами и широкосрединные завязанные. Особенно часты в курганах данной территории пластинчатые усатые перстни. Середина их напоминает форму древесного листка, к концам суживающегося в проволочку, завернутую спиралью. Такие перстни часты в курганах Новгородской, Ленинградской и Владимирской областей. Все найденные перстни относятся к XI — нач. XII в. Известны они и дальше

⁴⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 137.

на запад — в юго-западной Латвии, в погребениях начала XII в. (Рижский музей).⁴⁵ Пластинчатые широкосрединные перстни известны во всех курганах Верхнего Поволжья, так же как и в курганах других восточных славян. Они разделяются на широкосрединные, с заходящими концами, завязанные и сплошные. Время первых и вторых — приблизительно XI—XII вв.

Рубчатые перстни, которые известны в курганах первой стадии, не могут, однако, считаться для нее характерными, так как столь же часто найдены и во второй стадии. Вообще перстни датировке поддаются с трудом, за исключением, пожалуй, трех перечисленных типов.

Стадиальность шейных гривен проследить трудно, так как, в отличие, например, от соседнего племени вятичей, курганы верхневолжских кривичей ими бедны. По коллекциям ГИМ известно всего 20 экземпляров гривен. Зато материал их ценнее вятичских: большая часть найденных гривен — серебряные, остальные — бронзовые. Два раза найдены железные гривны. Следует отметить, что, кроме женских погребений, шейные гривны найдены и в мужских. В древней Руси воины-дружинники, или любимые слуги князя, награждались шейными гривнами. Летопись сохранила предания об этом. Например, Владимир I дарит одному из своих дружинников золотую шейную гривну, узнав о выигранном им сражении.⁴⁶ Наградил гривной своего любимого слугу Георгия и князь Борис.⁴⁷ Таким образом, шейные гривны, найденные в мужских погребениях, должны рассматриваться не как украшение, а как знак отличия. В курганах первой стадии встречаются круглопроволочные свободноконечные и круглопроволочные завязанные гривны.

К нагрудным украшениям можно отнести и бронзовые цепочки с подвешенными к ним ложечками, крестиками, стилизованными фигурками животных, бубенчиками, звериными клыками и т. д. Из зооморфных привесок в курганах первой стадии находят пластинчатые коньки и фантастические птички, известные в костромских,⁴⁸ ленинградских,⁴⁹ приладожских курганах⁵⁰ и в погребениях юго-восточной Латвии.⁵¹ Время их бытования — XI — нач. XII в. В первой стадии курганов — бубенчики грушевидные с крестообразной прорезью.

Вторая стадия верхневолжских курганов характеризуется почти полным отсутствием браслетообразных завязанных височных колец. Это и естественно: чем дальше, тем более стираются племенные особенности быта населения. Поздним типом височных колец являются трехбусенные гладкие, частые также в курганах новгородских, костромских и владимирских славян. Само кольцо — бронзовое, бусы — серебряные, гладкие, в виде полых шариков; пространство между ними обернуто тонкой проволокой. Время их — преимущественно XIII в. К тому же времени относятся они и в курганах Костромского Поволжья⁵² и новгородских славян.⁵³ Нидерле считает, что они восточного происхождения, но изготовлялись в местных мастерских, в силу чего были очень распространены.⁵⁴ Место браслетообразных височных колец занимают перстнеобразные, найденные в курга-

⁴⁵ Hausmann. Katalog der Ausstellung zum X. Archäol. Kongress, Riga, 1924.

⁴⁶ Никоновская летопись, стр. 68.

⁴⁷ Летопись по Типографскому списку, стр. 44.

⁴⁸ П. Н. Третьяков. Костромские курганы, Л., 1931, стр. 16, табл. II, рис. 17—18.

⁴⁹ А. А. Спицын. Курганы СПб. губ. в раскопках Ивановского. МАР, № 20, табл. XIV, рис. 18 и табл. VII, рис. 16

⁵⁰ Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18.

⁵¹ Hausmann. Указ. соч.

⁵² П. Н. Третьяков. Костромские курганы, Л., 1931, табл. III, рис. 2

⁵³ МАР, № 20, табл. XII, рис. 9.

⁵⁴ Л. Нидерле. Быт и культура древних славян, Прага, 1914.

нах Верхнего Поволжья, так же как и у всех восточных славян, в большом количестве и разнообразных типов. Всего известно 152 экземпляра, из них 6 серебряных, остальные — бронзовые.

Браслетами, характерными для второй стадии курганов и датирующими в то же время другие вещи, являются витые тройные и витые 2×3 , обычные в курганах вятичей и новгородских славян, частые во владимирских и костромских курганах. Время их — приблизительно XII—XIII вв.

На позднюю дату погребений указывают и пластинчатые загнутоконечные браслеты, являющиеся, как известно, принадлежностью вятичей. В курганах Верхнего Поволжья они немногочисленны. Находки их объясняются, очевидно, близостью племенной границы. Когда они найдены в сочетании с семилопастными височными кольцами (Вороново, ГИМ), то можно безошибочно отнести эти погребения к вятичам. На кривичской земле такие браслеты известны еще в курганах Смоленской и Костромской областей.

Характерным типом бус являются разноцветные стеклянные кольцевые, многочисленные во всех восточнославянских курганах; в погребениях первой стадии на данной территории они редки. Шейные гривны почти не встречаются в курганах второй стадии.

Тип перстней выделить не удастся; попрежнему часты в курганах перстни рубчатые.

Во второй стадии наблюдается большое разнообразие подвесок к ожерелью и нагрудных украшений в виде тонких штампованных и литых жетонов (орнаментированных звездой, ромбом, крестом), решетчатых и зооморфных привесок. Часты здесь и шумящие украшения, среди которых особенно распространены полые птички с колокольчатыми привесками, треугольные подвески с лапчатыми привесками и маленькие подвески в виде трубочек с колокольчиками. Решетчатые привески известны также в курганах новгородских, костромских славян и доходят до Эстонии.⁵⁵ Время их бытования — XIII — нач. XIV в. Штампованные привески также часты в костромских⁵⁶ и владимирских курганах⁵⁷ и датируются Третьяковым XIII—XIV вв.

Важным датирующим материалом является керамика. Как известно, древнейшая славянская посуда сделана без гончарного круга, форма сосудов — почти баночная, в глине примеси дресвы, орнамент, как правило, отсутствует. Такая керамика известна в курганах до X в., но иногда и в курганах с труположениями X и даже XI в. Например, курган № 45, дер. Глинники, раскопки Гендуне: у ног погребенного (мужчина) сосуд баночной формы сделан от руки, глина серовато-бурая с примесью дресвы, без орнамента. Курган датируется аббасидским диргемом X — нач. XI в.⁵⁸ Но данный тип керамики не может считаться характерным для курганов X—XI вв. К этому времени она несколько видоизменяется. Правда, форма зачастую почти баночная, но верхняя часть уже сделана на кругу, края слегка отогнуты и вырисовываются плечики. Сосуды имеют орнамент линейный и волнистый. Например, курган № 32, с. Юрьевское.⁵⁹ Курган датируется браслетообразными завязанными височными кольцами XI в. Наконец, в курганах XI в. появляются типичные сделанные на кругу славянские горшки со звонким обжигом, с линейным и волнистым орнаментом. Характерным для профиля сосуда является пухлый отогнутый венчик и выпуклые плечики, по которым расположен орнамент. Керамика данного

⁵⁵ Hausmann. Указ. соч., табл. 27, рис. 26.

⁵⁶ П. Н. Третьяков. Указ. соч., табл. III, рис. 6.

⁵⁷ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 148, рис. 260; стр. 142, рис. 196.

⁵⁸ Архив ИИМК. Раскопки Гендуне. Дело Археол. комиссии, № 30, 1906.

⁵⁹ Там же.

типа, в отличие от предыдущего, как правило, имеет диаметр горла больший, чем высота сосуда. На днищах горшков появляются клейма в виде колеса, решетки, креста, знака рюриковичей и т. д.⁶⁰ В XI в. клейма еще сравнительно редки. Керамика третьего типа преобладает во всех курганах XI—XIII вв. Кроме линейного и волнистого орнамента, встречается и орнамент, нанесенный зубчатым чеканом, что характерно, главным образом, для курганов Рыбинского Поволжья. Например курган № 25 Пустоши Плавь на р. Мологе (раскопки Ивановского, ГИМ). Встречается этот орнамент и в сочетании с линейным (дер. Кутузово на р. Истре, Московской обл., курган № 2).⁶¹ Кроме горшков, имелась, очевидно, и другая форма сосудов. Так, в кургане № 27 дер. Кстово б. Рыбинского у. найден горшочек, сделанный на гончарном круге, имеющий форму плоски, с точечным и волнистым орнаментом.

Что касается мужских погребений, то вследствие бедности инвентарем они не поддаются делению на хронологические стадии, но все же время их иногда определить удастся.

Наиболее частые находки в мужских погребениях — ножи, поясные пряжки и кольца. Ножи всех восточнославянских курганов одинаковы с X по XIV в. Они имеют прямую спинку и слегка закругленное, суживающееся к концу лезвие. Такие же ножи известны у полабских славян; характерны они и для остального славянского мира.

Поясные пряжки верхневолжских курганов имеют общность с пряжками из курганов Ленинградской, Гдовской, Костромской, Владимирской областей и из приладожских курганов. Ранние — круглые, плоские с пластинчатым язычком и лировидные, частые у всех восточных славян, — датируются приблизительно XI — нач. XII в. К XII в. относятся пряжки с квадратной нижней и круглой верхней частью, аналогичные пряжкам первой стадии костромских курганов. В XIII в. преобладают круглые с завернутыми концами.

Поясные кольца — непременный атрибут почти всех мужских погребений — двух типов: массивные круглые железные и бронзовые в виде колесика. Первые многочисленны у всех восточных славян, вторые редки; изданы Спицыным,⁶² Нефедовым.⁶³ В курганах с Верхней Волги подобные кольца известны из дер. Загорье Калининской обл. (раскопки Гендуне).

Топоры в курганах найдены двух типов. Хронологические рамки некоторых типов топоров по материалам курганов новгородских славян установил Спицын. Легкие боевые широколезвийные топоры относятся к XI в.⁶⁴ Боевые с широким лезвием, глубоким вырезом в нижней части и глубокими выемками в тыльной или без них — к XI—XII вв.⁶⁵

Аналогии этим топорам мы видим в находках из курганов сел Посад и Хрипелево на р. Медведице (ГИМ). Узкие топоры с небольшим вырезом или без него и топоры с равнобедренным вырезом датируются Спицыным XIII—XIV вв.⁶⁶ Такие топоры известны в курганах с. Кривец близ Мышкина, Ярославской обл.

Наконечники копий и стрел в курганах редки и разделить их хронологически трудно.

Частой находкой в мужских погребениях являются кресала — калачевид-

⁶⁰ Дер. Глинники, курган № 54, клеймо в виде трехпалой остроги; дер. Загорье, курган № 1, клеймо — выпуклый круг. Архив ИИМК. Раск. Гендуне. Дело Археол. комиссии, № 30, 1906.

⁶¹ К. Виноградов. Археол. раскопки 1923—1924 гг., Воскресенск, 1925.

⁶² Материалы по археологии России, № 20, табл. XVI, рис. 25.

⁶³ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895—1896 гг. Материалы по археол. вост. губ., т. III, М., 1899, табл. II, рис. 7.

⁶⁴ МАР, № 20, табл. XIX, рис. 20; № 29, табл. XXVI, рис. 6.

⁶⁵ Там же, табл. XI, рис. 6; табл. XIX, рис. 6, 7, 9, 19.

⁶⁶ Там же, табл. XIX, рис. 7, 8, 22.

ные и овальные. Последние более поздние. Несколько раз в курганах найдены остатки кожаных поясов, довольно хорошо сохранившихся, с бронзовыми пряжками, покрытыми растительным и геометрическим орнаментом. Пряжки без поясов встречаются чаще.

Железные гвозди от гроба костыльковые и со шляпками многочисленны в курганах. По мнению Арциховского, первые относятся к более раннему времени.

Найденные при мужских костяках предметы украшений (перстни, браслеты, бубенчики) так немногочисленны, что служить для определения времени кургана не могут, но типы их не выходят за пределы приложенной таблицы.

Таким образом, инвентарь мужских погребений, так же как и женских, укладывается в определенные хронологические рамки; тем самым появляется возможность разделить все курганы с труположениями из Верхнего Поволжья более или менее приближенно на две стадии: первая стадия — XI в. и первая половина XII в.; вторая стадия — вторая половина XII в. и XIII в.

Следует отметить, что в курганах с труположениями Верхней Волги, в отличие от некоторых других областей, например курганов вятичей, довольно четко намечается граница между погребениями на горизонте и в грунтовых ямах. В подавляющем большинстве последние позднее первых и относятся ко времени не ранее второй половины XII в.; обряд этот существует и в XIII в. Подтверждением только что сказанного могут служить следующие обстоятельства: погребения в грунтовых ямах не содержат монет,⁶⁷ стеклянных бочкообразных позолоченных бус; курганы с труположениями в ямах или очень бедны инвентарем, или не содержат его вовсе.⁶⁸ Из 71 погребения в ямах, по отчетам Репникова,⁶⁹ Макаренко,⁷⁰ Гатцука,⁷¹ Третьякова,⁷² Виноградова,⁷³ в 30 не оказалось вещей, в остальных инвентарь очень беден. Инвентарь погребения в ямах не противоречит хронологии составленной таблицы и соответствует второй стадии.

Характерная особенность почти всех погребений в ямах — ориентировка головой на восток; подобный же обряд отмечен и у радимичей,⁷⁴ но там это главным образом мужские погребения, здесь — и женские.

Составленная хронологическая таблица не охватывает всего многообразия инвентаря, найденного в верхневолжских курганах, так как не все типы вещей являются датирующими.

⁶⁷ Как известно, арабские диргемы не поступали на Русь позднее десятых годов XI в., западные почти исчезают в XI в. (Марков. Топография кладов восточных монет, СПб., 1910).

⁶⁸ П. Н. Третьяков установил, что: 1) металлические женские украшения ко времени XIII—XIV вв. начинают выходить из употребления; 2) чем позднее, тем все более отмирает обычай класть вещи в могилу покойного («Костромские курганы», Л., 1930, стр. 11).

⁶⁹ ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 12, 21, 32.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Археол. работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, М.—Л., 1935, Курганы у с. Воздвиженья и около гор. Тутаева, стр. 106.

⁷³ К. Виноградов. Археол. раскопки 1923—1924 гг., Воскресенск, 1925.

⁷⁴ Б. А. Рыбаков. Радимичи, Минск, 1932.

Б. А. КОЛЧИН

ОПЫТ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ

Успехи современной техники связаны с познанием и овладением ее основным материалом — металлом. Для изучения свойств практически применяемых металлов и их сплавов в современной технике создана большая научная дисциплина — металловедение с основным ее отделом — металлографией, изучающей структуру металлов.

Техники, пользуясь законами и методами металлографии, составляют и контролируют необходимый для требуемого изделия технологический процесс изготовления металла и его последующей обработки; мы, археологи, имея в руках уже полученный и обработанный тем или иным способом металл, — археологическую находку с сопровождающим ее комплексом других археологических и исторических сведений, — можем восстановить почти полную картину технологического процесса данного производства.

Мне кажется, что в археологии при изучении вещей уже настало время и возможность перейти от изучения только морфологии предмета к его анатомии и тем самым к изучению процесса создания этих предметов, к изучению технологии производства.

К возможностям металлографии уже обращались некоторые археологи и оружейеды, например: Голубцов, Арендт, Деген-Ковалевский, Сальдау и Гущина. Большой недостаток в их работах заключался в том, что археологические находки они отдавали на исследование инженерам в технические лаборатории, где определяли только формальные признаки структур в отрыве от археологических и исторических данных. Многие авторы за рубежом, в основном историки техники, тоже применяли металлографию в своих работах, но дальше формальных определений единичных предметов они не шли.¹ Исключение представляют работы немецкого металлографа Ганеманна, который при исследовании древних металлов пытается представить кинетику происходящих в них процессов.

Особо необходимо упомянуть инженера Я. С. Голицына, работавшего в 1940—1941 гг. над историей кузнечного производства на территории

¹ В. В. Голубцов. Оковы боярина Мих. Никит. Романова. ИАК, вып. 53, стр. 54; В. В. Арендт. О технике древнего клинкового производства. Архив истории науки и техники, вып. 8, М.—Л., 1936, стр. 161; Б. Е. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья; А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Из истории древней металлургии Кавказа, М.—Л., 1935; П. Я. Сальдау и А. Ф. Гущина. Применение металлографии в археологии. Сообщения ГАИМК, № 3—4, 1932, стр. 49; N. Friend. Iron in Antiquity, London, 1926; В. Neumann. Römisches Eisen. Ztschr. für Elektrochemie, 1923, No. 29, стр. 175; Н. Dickmann. Römischer Damaststahl. Beiträge zur Geschichte der Technik u. Industrie, т. XVIII, 1928, стр. 159; Н. Hanemann. Untersuchung eines eisernen Spitzbarrens aus der vorrömischen Zeit. Prähistor. Ztschr., т. XXI, вып. 3—4, 1930, стр. 271.

СССР и сделавшего металлографические и рентгенографические анализы многих бронзовых и железных предметов, случайно ему подобранных ГИМ. Результаты исследования еще не опубликованы.

Коротко остановимся на том, что же такое металлография.

Твердый металл или сплав в виде необработанного куска или изделия, в зависимости от процесса его получения и дальнейшей механической и тепловой обработки, представляет собой огромное скопление зерен кристаллов и кристаллитов металла и его химических соединений. Наблюдение внутреннего строения на специально подготовленной² поверхности металла, называемой шлифом,³ под микроскопом (микроструктура) или невооруженным глазом (макроструктура), определение структуры и ее фаз⁴ и изучение законов кристаллизации (т. е. процесса перехода металла из жидкого состояния в твердое) составляют предмет металлографии.⁵

При изучении структуры металла изделия мы определяем: распределение структурных зон в изделии, природу фаз, составляющих те или иные структуры, величину зерен, форму их и наличие примесей и включений.

Предмет нашего изучения — железо и сталь представляют собой механическую смесь кристаллов чистого железа с химическим соединением железа с углеродом — карбидом железа (Fe_3C , иначе — цементит). В зависимости от способов кристаллизации железо и сталь образуют разнообразные структурные формы. Определяя их, мы можем восстанавливать процессы, происшедшие в металле, его происхождение, состав и режимы механической и термической обработки.

Автор настоящей статьи свои металлографические исследования производил в металлографической лаборатории Института стали им. Сталина, при участии металлографа кафедры доцента Е. В. Панченко.⁶

Металлографическому анализу были подвергнуты некоторые качественные⁷ «железные» изделия из новгородских раскопок 1947 г. и раскопок в Старой Рязани в 1948 г. Анализы некоторых из них с соответствующими выводами приведены ниже.

С а б л я (№ по описи Новг. 47 — 2585). Обломок конца клинка сабли длиной 10 см найден в Новгороде на Ярославовом дворе. Стратиграфическая дата не позднее XIII в. В сечении у облома она представляет собой клинообразную фигуру длиной 29 мм, шириной у обуха — 5 мм и углом лезвия — около 20° .

Металлографическому анализу на микроструктуру были подвергнуты два шлифа поперечного сечения клинка сабли у обломанного конца (рис. 5—1). Оба шлифа дали две одинаковые структурные зоны (рис. 6—1). Одна зона идет от обуха клинка по середине сечения и не доходит до лезвия. Структура зоны — феррит с шлаковыми включениями, вытянутыми вдоль сечения лезвия (рис. 7—3). Данная структура является типичной для кричного железа и представляет собой полиэдры кристаллов железа (феррита) со шлаковыми включениями между зернами. Содержание углерода (он распределяется в виде цементита между зернами кристаллов железа) в такой структуре доходит лишь до нескольких сотых процента. Вторая структурная зона идет от лезвия по поверхности к

² Путем полировки и травления особыми реактивами.

³ Шлиф может быть сделан на поверхности изделия или на его части в любом сечении.

⁴ Фазой принято называть однородные тела в сплаве. Они могут быть: 1) простыми элементами — чистый металл, 2) раствором, 3) химическим соединением.

⁵ Это определение довольно упрощенно.

⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность зав. кафедрой металлографии проф. Б. Г. Лившицу, любезно разрешившему автору работать в лаборатории кафедры, и доц. Е. В. Панченко за ценные советы при работе автора в лаборатории.

⁷ Качественными изделиями я условно называю такие изделия, к которым предъявляются повышенные требования. К таковым относятся режущие и колющие орудия (ножи, ножницы, серпы, косы, инструменты и т. п.) и оружие (мечи, сабли, копья).

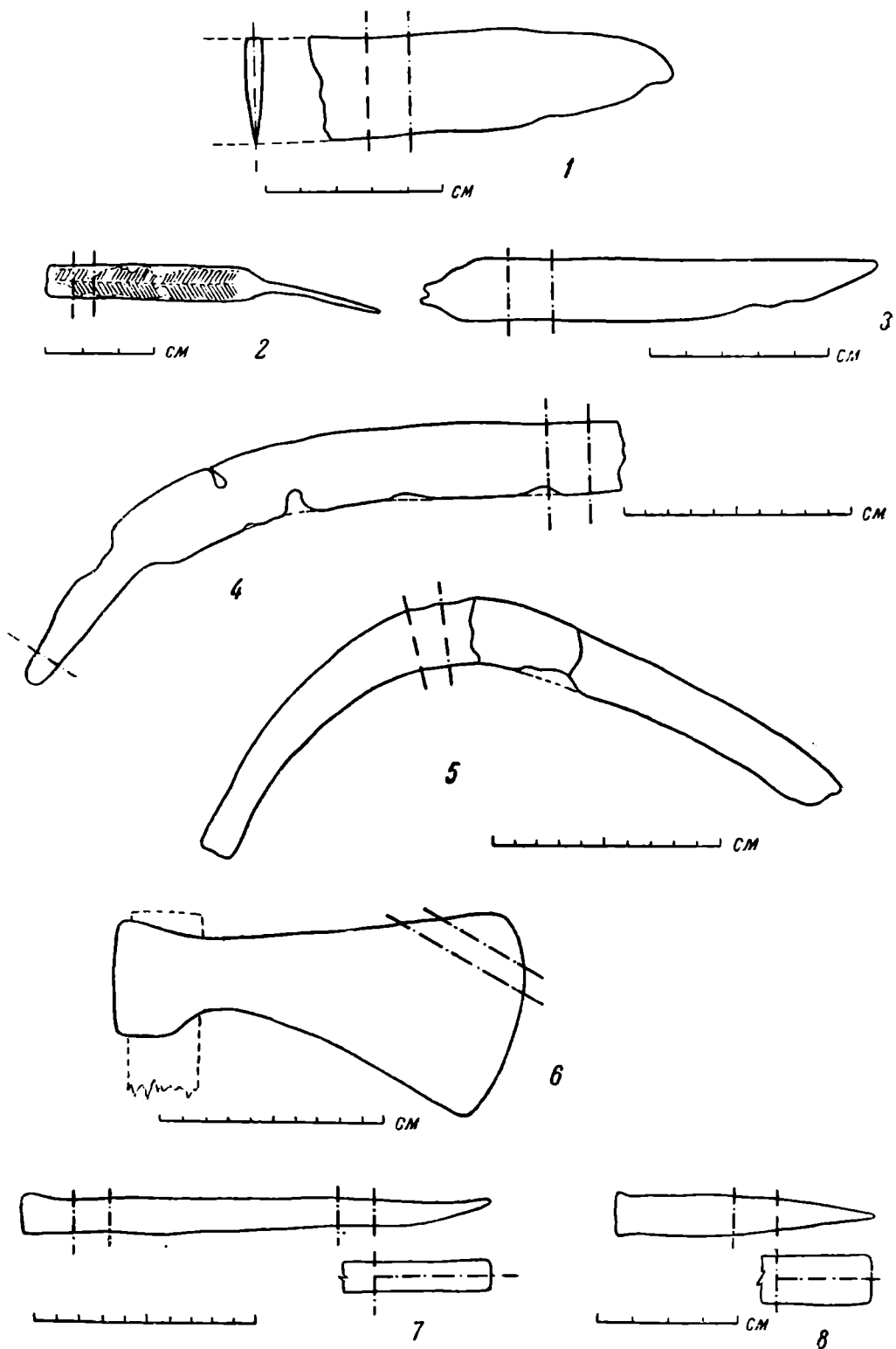


Рис. 5. Расположение шлифов на изделиях

1 — сабля; 2 — напильник; 3 — нож; 4 — новгородский серп; 5 — рязанский серп; 6 — топор; 7 — долото; 8 — зубило

обуху клинка, постепенно уменьшаясь в площади. Она имеет неравновесное состояние, характерное для термически обработанного металла (закалка или закалка с отпуском), и определяется как троостит неполной закалки⁸

⁸ Троостит быстро травится и окрашивается в черный цвет. При неполной закалке остаются белые участки неизмененного феррита.

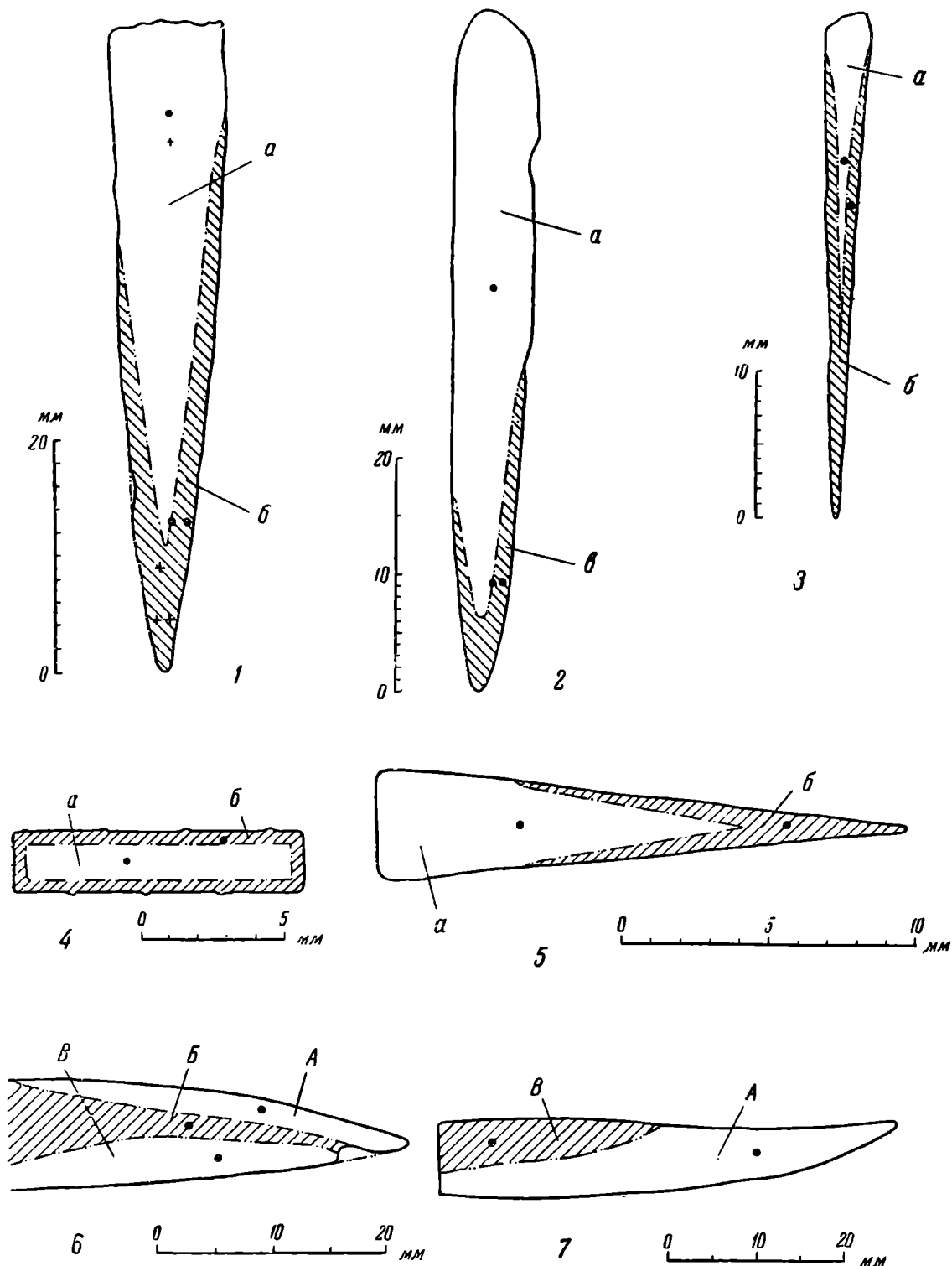


Рис. 6. Структурные зоны на образцах

1 — сабля; 2 — топор; 3 — сера новгородский; 4 — напильник; 5 — нож; 6 — зубило; 7 — долото
 Условные обозначения: а — зона железной основы; б — зона цементации; в — наварка
 стального лезвия; А, В — перлитные зоны; Б — ферритная зона

(рис. 7—1). Описанные выше структуры зон и их расположение в металле клинка позволяют нам полностью восстановить технологический процесс изготовления данной сабли.

Металлу клинка сабли предъявляют три технических условия: 1) максимальную твердость, способную сохранить отточку лезвия, 2) прочность и 3) гибкость. Мастер, изготавливавший саблю, имея исходным материалом

кричное железо, применил самую рациональную (даже с точки зрения современной техники) технологию.

Из имеющегося кричного железа (см. структурную зону у обуха; рис. 7—3) он горячей ковкой изготовил клинок. Железная полоса клинка при ударе гнется, лезвие очень мягкое (твердость, по Бринеллю, 110)⁹ и удерживать отточку не может, необходима дополнительная обработка. Наш мастер успешно применяет довольно сложный процесс — высокой твердости лезвия и поверхности клинка он достигает закалкой.¹⁰

О применении закалки и ее качестве говорит структура лезвия. Но поскольку закаливаться могут лишь стали, необходима сталистость лезвия и поверхности клинка. Достичь этого возможно только двумя путями: наваркой стальной полосы на лезвие или цементацией (науглероживанием) поверхности клинка.

Наш мастер пошел по второму пути. Вторая структурная зона является зоной цементации. На лезвии она имеет глубину около 0.9 мм и совсем пропадает у обуха клинка. На рис. 7—2 можно видеть границу между зоной цементации и железной основой. Произведенный мною отжиг¹¹ второго шлифа дал в этой зоне перлитную структуру, типичную для углеродистой стали, с содержанием углерода у поверхности около 0.75% и совсем исчезающего на границе зон. Процесс цементации железа заключался в следующем: изделие в специальном глиняном сосуде (ящике) засыпали слоем углеродистого вещества (обычно смесь порошкообразного древесного угля с поташем или содой), нагревали до 720° и выдерживали при этой температуре 5—6 часов.¹²

На исследуемом нами образце глубина цементации не везде одинакова. Наибольшую глубину цементация имеет на лезвии, что дает ему большую сталистость. Это можно было сделать лишь путем изоляции обуха клинка от цементирующей среды, что, вероятно, и достигалось путем обмазки глиной верхней части обуха на всем протяжении клинка.

Структура — троостит неполной закалки указывает на высокий уровень техники производства. Сабля была нагрета после цементации приблизительно до 750° и медленно охлаждена,¹³ вероятно, в теплой воде, так как быстрое охлаждение в холодной воде дало бы другую структуру стали — мартенситную.

Описанный выше технологический процесс позволил получить в клинке сабли два противоречащих друг другу качества. Железная основа полосы и расположение по ее бокам закаленных зон давали максимальную вязкость и упругость, а закалкой клинка достигалась максимальная твердость лезвия (500 единиц, по Бринеллю).

Такое совершенство технологического процесса говорит о высокоразвитой технике оружейного ремесла и, может быть, о существовании специализации.

Известные нам клинки (мечей и сабель) кавказских, франкских, японских мастеров изготовлялись лишь наваркой стального лезвия или сваркой всей полосы клинка.¹⁴ В то же время качественные изделия (не только

⁹ В данном образце — это твердость самой мягкой части обуха.

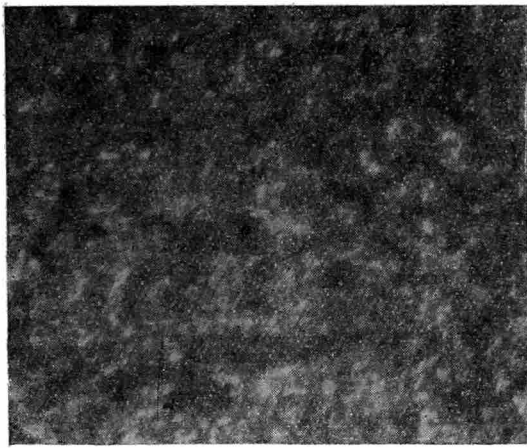
¹⁰ Твердость острья лезвия, измеренная на приборе Виккерса, имеет 550, 535 и 508 единиц, что составляет в переводе на шкалу Бринелля 500, 497, 480 единиц. Такую твердость имеют лучшие сорта современной углеродистой стали, закаленной на троостит.

¹¹ Посредством отжига металл можно привести в дозакаленное состояние.

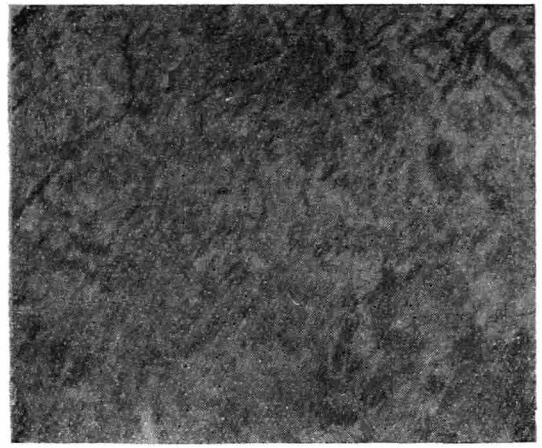
¹² По аналогии с технологией кустарей-металлистов XIX в. Такая же технология применяется в настоящее время и в промышленности.

¹³ На много быстрее, чем естественное охлаждение на воздухе.

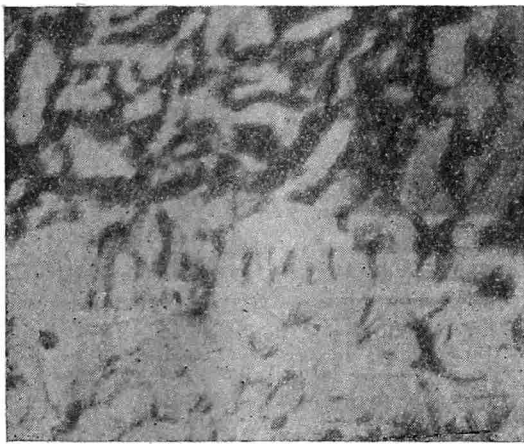
¹⁴ В. В. Арндт. О технике древнего клинкового производства. Архив истории науки и техники, вып. 8, М.—Л., 1936, стр. 161—188.



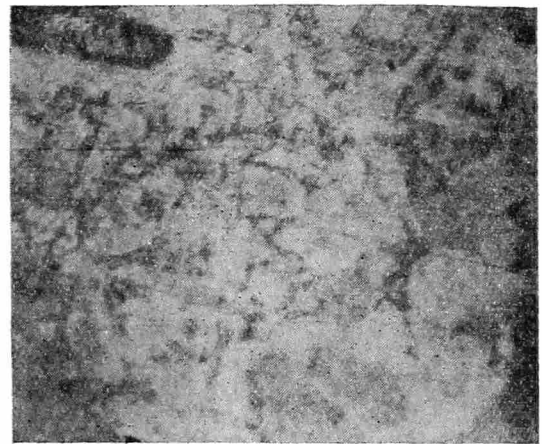
1



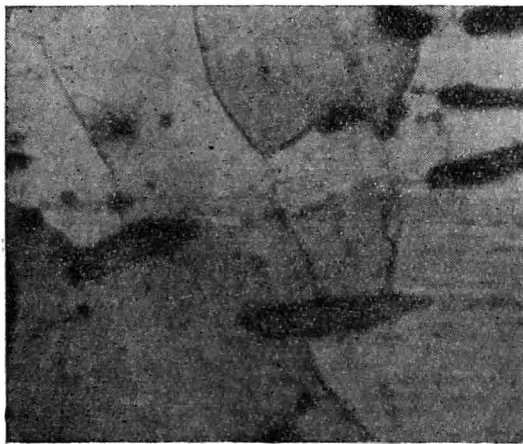
4



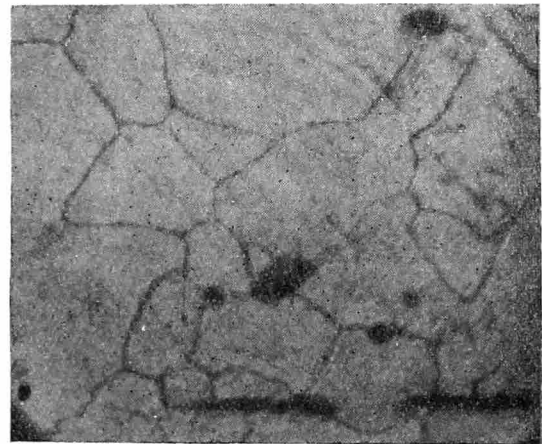
2



5



3



6

Рис. 7. Микроструктура

1 — сабля, лезвие — троостит неполной закалки; 2 — сабля, граница между зоной цементации и железной основой; 3 — сабля, обух — феррит; 4 — топор, наварное лезвие — сорбит; 5 — топор, сварочный шов; 6 — топор, железная основа — феррит — (1—6—увел. 437).

эта сабля, но и ножи, серпы, напильники), изготовленные новгородскими ремесленниками, имеют всюду цементацию с последующей закалкой или наклепом. Это позволяет сделать заключение о высокоразвитом местном новгородском производстве клинков сабель в XII—XIII вв.

Напильник (№ по описи Новг. 47—3051). Найден в Новгороде на Ярославовом дворище (рис. 5—2). Стратиграфическая дата не позднее XIV в. Конец напильника обломан; сохранившаяся рабочая часть 58 мм длины. Судя по профилю (прямоугольный, размером 10×2 мм), она могла быть не длиннее 80 мм. На всех четырех сторонах хорошо сохранилась насечка. На широких плоскостях она имеет елкообразную форму, а на боковых — поперечную, с небольшим наклоном. Насечка ручная, за это говорит неравномерность шага зубьев. Шаг колеблется в пределах 0.5—0.9 мм.

Поперечный шлиф на микроструктуру был взят у обломанного конца. Он обнаружил две структурные зоны (рис. 6—4). Одна, находящаяся в середине напильника, имеет ферритную структуру (рис. 9—5); другая, расположенная у поверхности напильника, дала неравновесное состояние — троостит закалки. Это — зона цементации, глубиной около 0.4 мм, подвергнутая закалке (рис. 9—6).

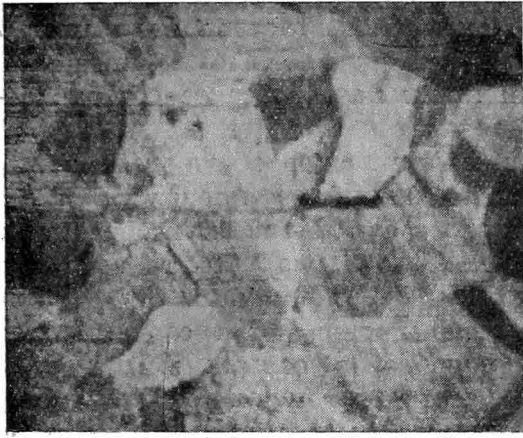
Технология изготовления напильника протекала в следующем порядке. Из кричного железа в горячем состоянии выковывался напильник (за это говорит волокнистость макроструктуры ферритной основы), вручную производилась насечка зубьев, затем рабочую часть подвергали цементации (сталистую структуру получили зубья и поверхностный слой напильника на глубину 0.4 мм). Черенок рукоятки не цементировали — он весь железный. После этого напильник был закален. Мастер применил наиболее рациональную термическую обработку, получив в итоге трооститную структуру. При такой структуре зубья напильника более стойко противостоят истиранию.

Напильник (№ по описи Новг. 47—2033). Найден на Ярославовом дворище; средней сохранности, со следами ручной насечки ромбовидной формы. Длина рабочей части 125 мм. Напильник насекался несколько раз — видны следы прежних зубьев на последней насечке. Так как напильник был найден в слое, нарушенном перекопом XX в., то встал вопрос о том, не является ли он современным. Были сделаны два поверхностных шлифа на микроструктуру на рабочей части и на черенке. Они дали сорбитную структуру (состояние закалки), которая соответствует и твердости напильника. Твердость колеблется в разных местах напильника, по шкале Бринелля, в пределах 310—330 единиц. Поперечный шлиф был сделан на конце черенка, он также дал сорбитную структуру со шлаковыми включениями. Изучение макроструктуры показало наличие сильной волокнистости и сварочных швов. Это позволяет определить сталь напильника. Она не литого и не пудлингового происхождения; это — кричная сталь, т. е. напильник не современного происхождения. Была ли это сталь или цементированное железо, сказать нельзя, так как требуются дополнительные анализы.¹⁵

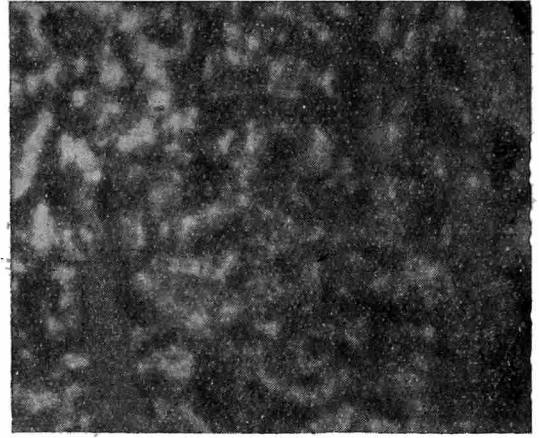
Серп (№ по описи Новг. 47—2996). Найден в Новгороде на Ярославовом дворище; хорошей сохранности, длиной 23 см. Стратиграфическая дата не позднее XIII в. Анализу на микроструктуру были подвергнуты два поперечных шлифа от обломанного конца лезвия серпа и один поперечный — от конца черенка рукоятки (рис. 5—4).

Все шлифы дали по две структурные зоны (рис. 6—3). Так же как в клинке сабли, зона обуха и сердцевины лезвия серпа имеет ферритную

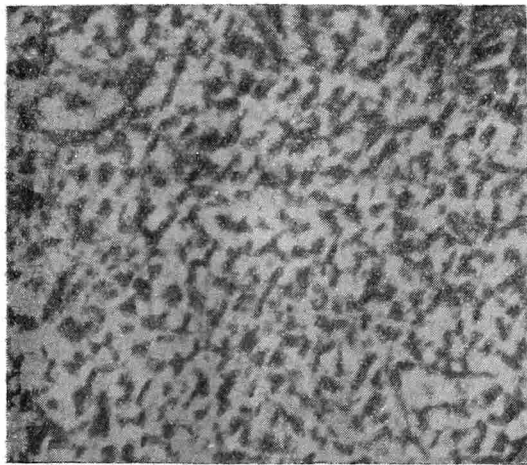
¹⁵ При исследовании было поставлено условие не разрушать напильника.



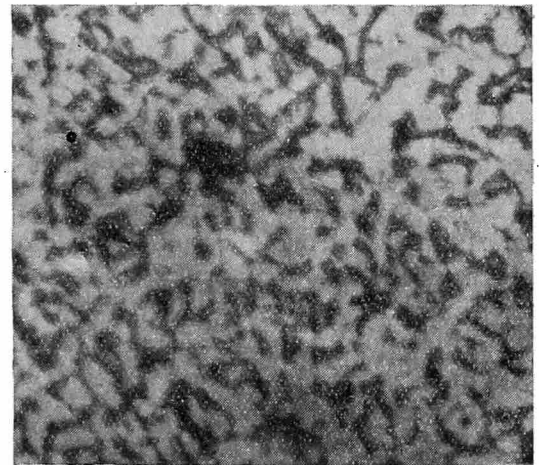
1



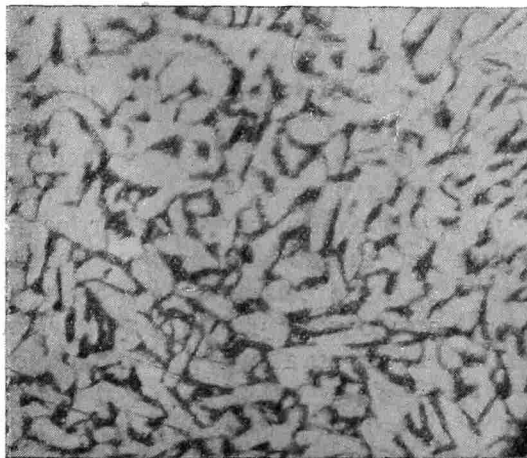
2



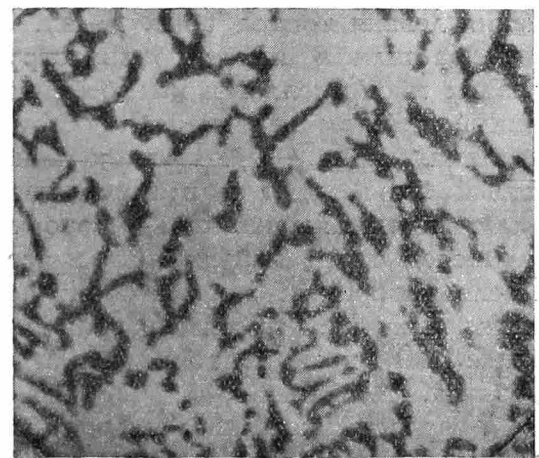
3



4



5



6

Рис. 8. Микроструктура

1 — серп новгородский, обух — феррит; 2 — серп новгородский, лезвие — троостит (вакалки);
3 — серп рязанский, обух — перлит; 4 — серп рязанский, лезвие — перлит; 5, 6 — долото, перлитные зоны.
(1, 2, 5, 6—увел. 437; 3, 4—увел. 29)

структуру со шлаковыми включениями (рис. 8—1). Металл более чистый, чем в сабле (меньше шлаковых включений). Вторая зона в сечении клинка серпа расположена от лезвия к обуху и имеет неравновесное состояние — троостит закалки (рис. 8—2).

Поперечный шлиф конца черенка в продолжении обуха дает зону с ферритной структурой и шлаковыми включениями, а в продолжении лезвия — зону перлитной структуры, т. е. сталь с содержанием углерода у поверхности около 0.3%, постепенно переходящую в феррит. Эта зона приобрела сталистость путем цементации. Наличие уломянутых структурных зон восстанавливает следующую технологию производства серпа. Полоса из кричного железа (твердость, по Бриннелю, в разных местах обуха колеблется в пределах 75—90 единиц), соответствующая размеру будущего серпа, по одной из кромок подверглась цементации. После этого способом горячейковки серпу придали окончательную форму и подвергли закалке. Интересно отметить, что закалили только лезвие серпа, так как черенок рукоятки сохранил перлитную структуру.

После закалки на острие лезвия, возможно, произвели насечку зубьев (зубчатый профиль лезвия наиболее острый). На данном образце плохая сохранность острия, и насечка незаметна, но новгородские кузнецы уже в XI в. насекали серпы. Подобная насечка очень хорошо сохранилась на серпе, датируемом XI в. (из раскопок на Ярославовом дворище в 1948 г.).

Серп (№ по описи Ст. Ряз. 48—639). Найден в Старой Рязани в 1948 г. на дне подпольной ямы; плохой сохранности, поломан в двух местах (рис. 5—5). Стратиграфическая дата не позднее XIII в. Анализу на микроструктуру подвергнут поперечный шлиф из середины серпа (у места излома). Все сечение шлифа имеет однообразную структуру перлита, т. е. стали (рис. 8—3, 4). Содержание углерода — около 0.38%. Лезвие термически не обработано, но имеет повышенную твердость, достигнутую вследствие наклепа в холодном состоянии. Обух и середина клинка лезвия имеют твердость, по Роквеллу, 84, 85, 87 единиц, а острие лезвия — 93, 95 единиц. Твердость для данной стали повышенная, что является результатом наклепа. Острая грань лезвия сохранилась плохо, насечки не видно.

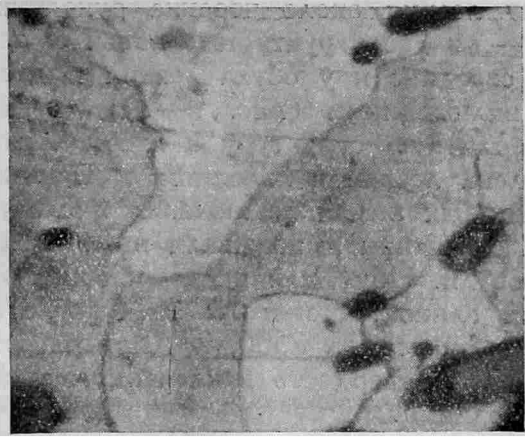
Топор (№ по описи Новг. 47—2846). Найден в Новгороде на Ярославовом дворище; хорошей сохранности. Стратиграфическая дата XIII—XIV вв. Два шлифа на микроструктуру взяты из поперечного сечения лезвия топора (рис. 5—6).

Оба шлифа имеют по две структурные зоны. Одна расположена до лезвия и определяется как ферритная (рис. 7—6) со шлаковыми включениями; другая находится у острия лезвия и дает структуру сорбита — закалки (рис. 7—4). Граница зон проходит очень резко, имеет расплывчатый белый цвет и в нескольких местах заполнена тонко вытянутыми включениями шлака. Это — сварочный шов, довольно чистого строения.

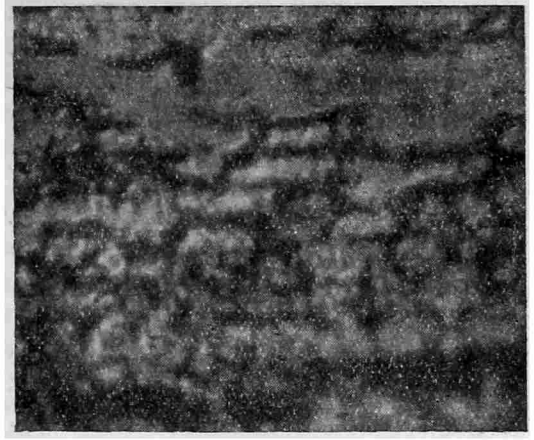
Перед нами наварка стального лезвия на железную основу топора. После наварки и многократной проковки стальное лезвие подвергли закалке. Закалка получилась полная. Это говорит о том, что лезвие нагрели выше 850° и медленно охладили в теплой воде или в струе холодного воздуха.

Твердость железного лезвия, по шкале Бриннеля, колеблется в пределах 90—110 единиц, а наваренного стального лезвия — 220 единиц. Второй шлиф был подвергнут отжигу, после чего наварное лезвие получило перлитную структуру. Содержание углерода около 0.4%. Сталь чистая, без шлаковых включений, и однородного строения.

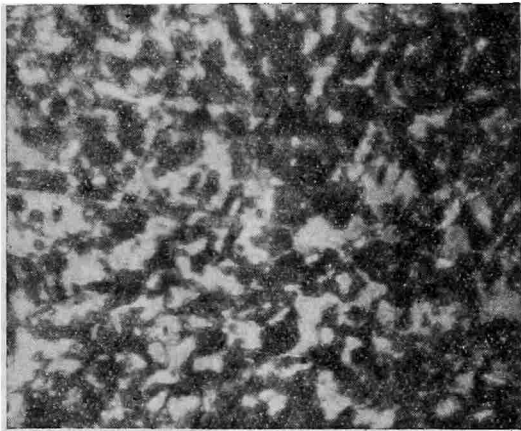
Ножи (№ по описи Новг. 47—2586, 2374, 2870, 2872). Исследованию подвергнуты четыре ножа, все из раскопок в Новгороде на Ярославовом дворище. Стратиграфическая дата XIII—XIV вв. У всех ножей было



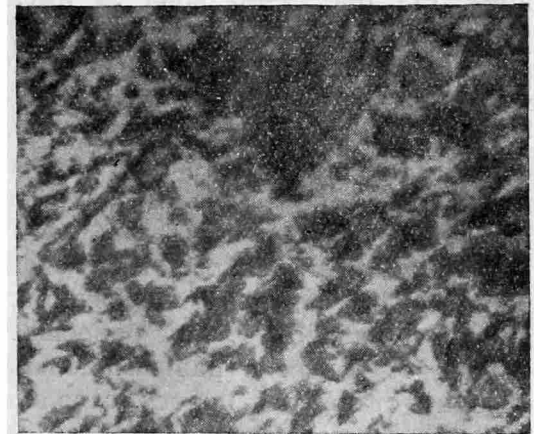
1



2



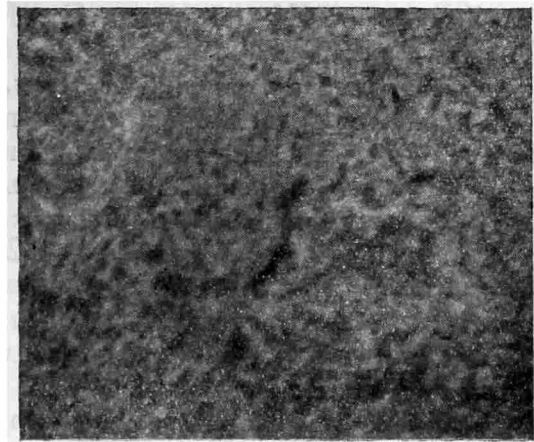
3



4



5



6

Рис. 9. Микроструктура

1 — нож, обух — феррит; 2 — нож, лезвие — перлит; 3 — зубило, структурная зона А — перлит; 4 — зубило, структурная зона В — перлит; 5 — напильник, основа — феррит; 6 — напильник, зона цементации — троостит закалки. (1, 2, 5, 6—увел. 437; 3, 4—увел. 290)

сделано по одному поперечному шлифу лезвия около черенка рукоятки. Все шлифы дали одинаковые строения — по две структурные зоны. У ножа № 2586 одна зона расположена в середине и у обуха лезвия и дает ферритную структуру со шлаковыми включениями (рис. 9—1); другая зона расположена у острия и имеет перлитную структуру с вытянутыми зернами. Это явилось результатом наклепа лезвия в холодном состоянии.

Процесс изготовления всех исследованных ножей заключался в следующем: из кричного железа в нагретом состоянии выковывали нож, после этого режущую часть лезвия цементировали. Обух для предохранения от науглероживания, вероятно, обмазывали глиной. Ножи № 2374 и 2872 после цементации подвергли закалке, а у ножей № 2586, 2870 твердость лезвия улучшали наклепом. У ножа № 2870 твердость наклепанного лезвия достигает, по шкале Бринелля, 170 единиц.

Зубило (№ по описи Ст. Ряз. 48—347). Найдено в Старой Рязани в раскопках 1948 г. Стратиграфическая дата не позднее середины XIII в. Зубило небольшого размера (сечение 15×12 мм, длина 74 мм), хорошей сохранности. Анализ подвергнуты два шлифа продольного и поперечного сечения (рис. 5—8). Каждый шлиф имел по три структурные зоны. На рис. 9—6 зона А имела перлитную структуру с содержанием углерода около 0.7% (рис. 9—3); зона Б дала ферритную структуру очень чистого железа средней зернистости; зона В — перлитную структуру с содержанием углерода около 0.4% (рис. 9—4).

Зоны разделяются четкой границей без каких-либо посторонних включений. Подобные же зоны видны и на поперечном шлифе. Перлитные структуры на всем сечении дают однородное строение, что исключает предположение об их цементации.

Перед нами раскрывается очень интересная технология изготовления зубила. Мастер, зная требования, предъявляемые к зубилу, — твердость острия и вязкость тела, разрешает их сваркой трех полос — железной и двух стальных с разным содержанием углерода. К острию лезвия он выводит стальную полосу с содержанием углерода 0.7%, т. е. лучшего качества. О применении закалки можно говорить только предположительно, так как все перлитные структуры находятся в равновесном, т. е. отожженном состоянии. Является ли это случайным (т. е. зубило попало в пожар и отожглось) или мастер по тем или иным причинам не произвел закалку, сказать пока невозможно. Твердость стальных прослоек колеблется, в единицах по шкале Бринелля, в пределах 170—190.

Долото (№ по описи Ст. Ряз. 48—517). Из раскопок в Старой Рязани в 1948 г. Стратиграфическая дата не позднее середины XIII в. Долото по дереву, длиной 205 мм, сечением 15×14 мм.

Анализ произведен на одном продольном и двух поперечных шлифах (рис. 5—7). Все они обнаружили наличие двух структурных зон (рис. 6—7) перлитного строения, но с разным содержанием углерода. Одна зона — сталь с содержанием углерода около 0.4% (рис. 8—5), другая — сталь с содержанием углерода около 0.2% (рис. 8—6). Перед нами такая же технология, что и в зубиле. Мастер сварил две стальные полосы, выведя к острию долота кусок с повышенным содержанием углерода. Твердость острия, по шкале Бринелля, колеблется от 160 до 170 единиц.

Исследование качественных изделий, изготовленных новгородскими и рязанскими ремесленниками, позволяет сделать¹⁶ общее, очень интересное наблюдение. Новгородские металлурги в XII—XIII вв. исходным материалом своих изделий берут кричное железо с дальнейшей его цементацией и термической обработкой. Рязанские ремесленники для качественных изделий исходным материалом берут сталь с дальнейшей обработкой на-

¹⁶ Пока предположительно, из-за небольшого количества исследованных изделий.

клепом или закалкой. Чтобы убедиться, не является ли выбор материала у рязанских мастеров случайным, металлографическому анализу были подвергнуты пять гвоздей того же времени и одно кольцо. Все они дали ферритную структуру с небольшими шлаковыми включениями, т. е. кричное железо (рязанское железо более чистое, чем в Новгороде), что и соответствовало требованиям, предъявляемым к некачественным изделиям.

Изложенный опыт металлографического анализа далек еще от того, чтобы разрешить множество вопросов технологического процесса изготовления исследуемых изделий.

Для более полного охвата вопроса необходимо чисто структурные исследования взаимно связывать с химическим составом металла (наличие в железе и стали марганца, кремния, серы, фосфора и других примесей) и шлаков, т. е. производить их химический анализ. Кроме того, необходимо применение рентгенографического анализа, позволяющего проникнуть во внутрь кристаллов металла и исследовать их внутренние напряжения.

Применяя эти три анализа в массовом изучении древних металлических изделий, мы можем выяснить следующие вопросы истории материального производства.

1. Установить качество руд (болотных, дерновых, бурых и магнитных железняков и т. п.) и на основании этого получить возможность районирования сырьевых баз и железоделательного производства. Выяснить виды и качества топлива — дерево (его сорта), древесный уголь, каменный уголь. Уточнить состав применяемых в производстве флюсов.

2. Восстановить режим технологического процесса при изготовлении железа и стали, его последовательность и время. При привлечении других археологических данных (остатков печей, домниц, горнов, сопел, обмазок, шлаков, топлива), а также и письменных источников возможно восстановление целиком всей технологии металлодобывающего производства.

3. Установить технологию изготовления изделия: приемы и методы механической обработки металла в горячем (кузнечное производство) и холодном (слесарное производство) состоянии. Выяснить приемы улучшения в изделиях механических качеств посредством термической обработки (закалка, отпуск, отжиг), химико-термической обработки (цементация поверхности изделия) и отбивки режущих граней изделия в холодном виде — состоянии наклепа (заменитель термообработки).

4. Комплексно изучить технику производства по отдельным видам изделий и по районам производства; это позволит районировать древнерусское ремесло, выяснить центры местного изготовления оружия, орудий труда, инструмента и воспроизвести высокую технику древнерусского ремесла по металлу.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ КОНЦОВ
В НОВГОРОДЕ ВЕЛИКОМ В XII—XV вв.

Все исследователи, писавшие о Новгороде, отмечают существование в городе административного деления на концы, сотни и улицы.¹ Некоторые из них считали, что концы представляли собой первоначальные поселки, из которых путем слияния образовался Новгород.

При такой ясно выраженной организации Новгорода естественно было предположить и военную организацию, которая имела бы в своей основе также улицы, сотни и концы. Особенно ясно эта мысль была высказана Покровским, который, с обычной для него склонностью к преувеличению, всю новгородскую организацию рассматривает как военную. Вече он, модернизируя, называет «солдатским митингом»,² тысяцкого — главным генералом Новгорода, а основой городской организации считает сотни, которые, по его мнению, были торговыми дворами купеческих корпораций. «Очевидно,— пишет он,— что первоначально такой купеческий поселок представлял собой нечто вроде немецкого двора, все население которого было связано единством дисциплины и командования, и потом постепенно обратился в один из городских кварталов».³ Основанием для таких далеко идущих положений Покровскому послужил, очевидно, устав Ивашьского «Купеческого ста» и устав Ярослава о мостах, в котором названы сотни по именам сотников.

Признавая правильность утверждения Покровского, что сотня была и военной организацией, мы не можем согласиться с его главным положением о том, что сотни были исключительно купеческими организациями, развившимися из торговых дворов.

Гораздо более близкой к истине нам кажется точка зрения Б. А. Рыбакова. Сопоставляя названия сотен из «Устава о мостах» с реальными географическими названиями, Рыбаков доказывает, что в XIII в. в Новгородской земле существовало административно-территориальное деление на сотни, причем городским сотням соответствовали сельские сотни, или полупятины. Он считает далее, что сотни могли существовать и значительно ранее XIII в. и что военная организация города соответствовала территориальной. «Поэтому,— пишет он,— начальник ополчения — тысяцкий. Ему подчинены десять сотских, каждому сотскому подчинено десять десятских».⁴

¹ Ср. И. Белаяев. Рассказы из русской истории, кн. II, М., 1866, стр. 148—183; В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. II, М., 1923, стр. 65—68 и др.

² М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 69.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. ИЗ, вып. II, М., 1939, стр. 137, 150—151.

В Новгородской земле, однако, тысяцкий не был начальником всего ополчения, а первичной ступенью организации были, повидимому, не десятки, а улицы. В источниках по истории Новгорода мы не встречаем указаний на существование в городе десятков и на руководящую роль десятских. Уличанская организация оставила в наших источниках довольно отчетливые следы. Уже в начале XIII в. мы встречаем в летописях «прусов», т. е. уличан Прусской улицы, выступающих в защиту посадника Твердислава. Называя имена новгородцев, летописец нередко присовокупляет к ним указание, с какой улицы они были. Напр.: «Негутин с Лубяницы», «Гостилец с Кузмодемьянской улицы»,⁵ «Павел с Нутной улицы».

Деление войска на сотни восходит к глубокой древности. В X и XI вв. и позднее мы встречаем уже сотских в качестве должностных лиц. Они были не только представителями местной власти, но зачастую исполняли важные дипломатические и военные поручения. В 1197 г. «идоша из Новгорода прежние мужи и съзкийи и пояша Ярослава всею правдою и честью».⁶ В 1229 г. князь Мстислав «послал Еремея попа, Пантелея сотского от смолян в Ригу» для заключения знаменитого договора, именуемого обычно Мстиславовой грамотой.⁷ «По всему вероятно,— пишет Беляев,— сотским принадлежал непосредственный надзор за порядком и тишиною в своей сотне; он же, конечно, должен был водить сотню на вече...»⁸ Думается, что сотский водил сотню не только на вече, но и в бой. Некоторые разночтения летописей указывают на то, что городское войско Новгорода могло строиться по сотням,⁹ которыми, очевидно, командовали сотские. Сотские, таким образом, были командирами отдельных частей Новгородского полка. Когда в 1230 г. в Новгороде поднялось восстание против посадника Семена Водовика и были разгромлены дворы Водовика и Семена Борисовича, «добиток семеновъ и водовиковъ по стом разделиша».¹⁰ Здесь, несомненно, сотни выступают как военно-территориальные единицы, участвовавшие в вооруженных столкновениях концов. Сотенная организация новгородского войска отразилась в наших источниках недостаточно полно, очевидно потому, что между сотнями и городским полком стояла еще одна, гораздо более значительная, ступень организации войска — городской конец.

С конца XIII в. перед нами отчетливо выступает организация новгородского войска по концам. Самостоятельность и административная обособленность концов подчеркиваются всеми авторами, писавшими о Новгороде; некоторые из них предполагали и военную самостоятельность (например, Никитский, который основывался на примере Пскова, где 12 концов объединялись 6-ю воеводами).¹¹ Концы и стороны Новгорода выступают как самостоятельные военные организации. Часто какой-нибудь конец проводит свои решения на вече вооруженной рукой. Распри между концами длятся иногда по две недели. Помирившиеся концы заключают между собой договоры. Еще в 1157 г., при изгнании из Новгорода князя Мстислава Юрьевича, «търговый пол сташа в оружии по нем».¹² В 1287 г. «бысть мятежь велик в Новгороде» на Семена Михайловича: «вста на него всь Новгород... поидоша на него изо всех концов, яко сильная рать, всякий

⁵ Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV, стр. 363.

⁶ Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, стр. 178.

⁷ Договор Мстислава Смоленского с Ригой и Готским берегом. Русские достопамятности, ч. II, стр. 247.

⁸ И. Беляев. Указ. соч., стр. 175.

⁹ Новгородская IV летопись, стр. 200: «и оурядившеса на 10 полков».

¹⁰ Новгородская I летопись, стр. 235—237; то же в Тверской летописи (стр. 357) под 1231 г.

¹¹ А. И. Никитский. Военный быт в Великом Новгороде XI—XV ст. Русская старина, 1870, т. I.

¹² Новгородская I летопись, стр. 142.

в оружии, силою великою». ¹³ В 1359 г. «сотворися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть: занеже славяне в доспесе подселе бяху, и разгониша заричан (т. е. Софийскую сторону.— *М. Р.*), а они без доспеха были и бояр многих побиле и полупили... и доспеша тогда обе стороне противу себе: Софейская страна хотя мьстити беществе братъи своей, а Славенская от живота и от голов; и стояша три дни межю себе, уже бо славяне и мост переметаша». ¹⁴

В 1384 г., когда в Новгороде поднялись разногласия по поводу жалобы пригородов на хозяйничанье князя — «кормленщика» Патрикея Наримонтовича, последний сумел подкупить «посулом» Славенский конец. «Славяне» созвали вече на Ярославовом дворе и хотели разорить двор тысяцкого Есифа, но им не дали этого сделать «плотничане». Плотницкий конец отразил нападение Славенского и вступил в связь с тремя концами Софийской стороны — Неревским, Загородским и Гончарским, созвавшими в это время другое вече у Софии. Как видно, Плотницкий конец договорился с ними о совместных действиях против Славенского, но на другой день «не потягнуша плотничане на славян с тремя концы». Тогда концы Софийской стороны «списаша три грамоты в одина слова обетныи», т. е. заключили военный союз. Распря длилась две недели. ¹⁵

Подобных примеров можно привести еще множество. ¹⁶ Все они косвенно указывают на существование в каждом конце собственной военной организации. В самом деле, если один конец мог тайно от других явиться на вече в доспехах, если возможны были организованные военные выступления одного конца или группы концов против других, если можно и нужно было, наконец, заключать договоры о военном союзе между концами, то для всего этого каждый конец непременно должен был иметь свою военную организацию.

И такая организация существовала. Правда, первое известие о наличии в концах военной организации, восходящее к середине XII в., недостаточно надежно, так как дошло до нас только в малодостоверной редакции религиозной повести о знамении богородицы. Там говорится, что в 1169 г. «новгородци совещаешася на Двину даника своего, дани собиратьи, яко же бе им обычай, и с ним послаша от пяти конец по сту мужу». ¹⁷ Летописные редакции того же известия не содержат указаний на то, что в этой рати были кончанские отряды. Но в начале XIII в. мы имеем уже вполне достоверное летописное известие о кончанской военной организации в повествовании о распре князя Всеволода с посадником Твердиславом в 1220 г. Когда разногласия дошли до вооруженного столкновения города с князем, вокруг Твердислава «скоптившася пруси и Людин коньц и затородци, и сташа около него пълком, и урядивше 5 пълков» соответственно 5 концам города. ¹⁸

В середине XIV в. кончанская организация определенно подтверждается новыми данными. Во всех больших походах новгородским полком командуют пять военачальников. Эта пятерка «воевод новгородских», как называет их летопись, водит войско в большие походы, ставит важные крепости, заключает договоры и т. п.

В летописях и актах сохранились списки новгородских воевод, которые мы приведем здесь полностью ввиду большой важности этого материала.

В 1340 г., когда новоторжцы обратились в Новгород за помощью про-

¹³ Новгородская I летопись, стр. 301.

¹⁴ Там же, стр. 355.

¹⁵ Новгородская IV летопись, стр. 90—91.

¹⁶ Ср. Новгородская I летопись, стр. 208, 374; Новгородская II летопись, стр. 136—137, 140; Новгородская IV летопись, стр. 96, 120, 196, 246, 288 и др.

¹⁷ Памятники старинной русской литературы, т. I, стр. 241.

¹⁸ Новгородская I летопись, стр. 212; та же редакция в Тверской летописи (стр. 333) под 1221 г. В Новгородской IV летописи: «и оурядившеся на 10 полков».

тив князя Симеона, новгородцы послали во главе войска «Матвея Валфромеевича, и Терентия Даниловича с братом, и Валфромея, посадница сына Остафьева, и Федора Авраамова». ¹⁹

В 1350 г. в поход на Выборг новгородское войско пошло во главе «с Борисовым сыном наместницким, с тысяцким с Иваном Федоровичем, с воеводами — с Михаилом с Даниловичем, с Юрьем с Ивановичем, с Яковом с Хотовым». ²⁰

В 1384 г. «Ехаша из Новгорода на Яму город ставити воеводы: Есиф Захарьинич, Юрьи Онцифорович, Иван Федоров, Федор Тимофеев, Степан Борисов». ²¹

В 1393 г. в поход на Двинскую землю были посланы при князьях: «воеводы новгородцкия: Тимофей посадник Юрьевич, Юрьи Онцифорович, Василий Синець, Тимофей Иванович, Иван Александровичь...». ²²

В 1435 г. летопись называет во главе новгородского войска шесть воевод: «Ездиша воеводы новгородцкыи зиме посадник новгородчкый (разрядка наша.— М. Р.) Иван Васильевичь, и посадник Григорий

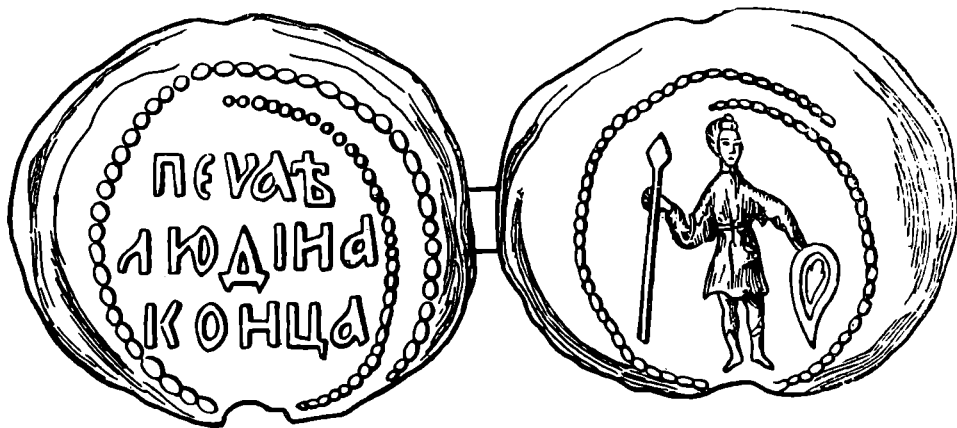


Рис. 10. Печать Людина конца Новгорода Великого (XV в.)

Кириловиць, и тысяцкой Федор Олисиевичь, Есиф Васильевичь, Онанья Симеоновиць, Остафей Есифовиць и бояре новгородский, и новгородчов много... с рушаны... и порховице...»

Шестой воевода здесь особо отмечен. Он — посадник новгородский, т. е. степенной посадник, командующий, как и обычно в таких случаях, всем ополчением волости, включавшим не только новгородцев, но и рушан, и порховичей.

Таковы известия о походах, совершенных Новгородским полком под начальством пяти воевод. Эти данные получают вполне определенный характер, если их сопоставить с имеющимися в актах и летописных известиях XIV в. сведениями о пяти (или десяти) представителях Новгорода Великого, ведущих дипломатические переговоры и заключавших договоры от имени пяти концов Новгорода Великого. В договоре Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем (1314 г.) читаем: «а повелеша печати приложити изо всех пяти кончев к сей грамоте». ²³

К грамоте действительно привешены 11 печатей, причем первая из них, «Новгородская печать и посаднича», была, как видно, печатью представителя всего Новгорода, а остальные 10 — печатями представителей пяти

¹⁹ Новгородская I летопись, стр. 339.

²⁰ Там же, стр. 350.

²¹ Новгородская IV летопись, стр. 94.

²² Там же, стр. 100.

²³ Собр. гос. грамот и договоров, т. I, М., 1813, № 12, стр. 17.

концов. Вот эти печати: печать Матфея Фалелеевича, тысяцкого новгородского; печать Сильвестрова; Филипа тысяцкого печать; Яковля печать, посадника новгородского; печать Ондrejaнова, посадника Новгородского; Юрьева печать Ивановича, посадника новгородского; печать Олисиева, тысяцкого новгородского; печать Евана Еремича; Семенова печать Оньдревича; Степанова печать.

В 1456 г. договор с Васильем Васильевичем и Иваном Васильевичем заключили «от Великого Новгорода посадник ноугородский Григорей Данилович, посадник неугородский Федор Яковлич, посадник неугородский Василей Степанович, тысяцкой ноугородский Яков Иванович, тысяцкой ноугородский Василей Пантелеевич; а от житых: Офонос Микулич, Иван Юрьевич, Яков Иванович, Еремей Кузмич, Василей Захарьинич».²⁴

В 1471 г. договор с Иваном III заключали: «от посадника новгородского Тимофея Остафевича и от тысяцкого новгородского Василья Максимовича и от всего Великого Новгорода посадники новгородские: посадник Иван Лукинич, посадник Яков Александрович, посадник Феофилат Захарьинич, посадник Лука Феодорович, посадник Иван Васильевич; а от житых — Лука Остафевич, Александр Клементьевич, Феодор Иевлич, Окиф Васильевич, Дмитрий Михайлович».²⁵

В 1380 г. новгородцы отправили к Дмитрию Донскому посольство, которое возглавлял владыка Алексей. С ним были посадник Юрий и посадник Михаил «и бояре ис концев».²⁶

В 1391 г. «Послаша новгородцы на съезд с немцы в Изборск посадника Василия Федоровича, посадника Федора Тимофеевича, посадника Богдана Обакуновича, Есифа Фалелеевича, Василья Борисовича...»²⁷

В 1420 г. на съезд с немцами при наместнике великого князя и служебных князьях послали: посадника Василия Есифовича, посадника Офонаса Есифовича, Якова Дмитриевича, Михаила Юрьевича, Наума Ивановича...»²⁸

В 1447 г. во время перемены денег «весь Новгород уставиша 5 денежников и начаша переливати старые деньги...»²⁹

Наконец, в 1478 г. в третьем посольстве Новгорода к Ивану III участвовали «черные люди» от концов Неревского — Аврам Ладожанин, Гончарского — Кривой, Славенского — Захар Брех, Загородского — Харитон, Плотницкого — Федор Лытка.³⁰

Итак, в важные походы новгородское войско водили 5 бояр-воевод. Такая же пятерка бояр заботится о строительстве новгородских крепостей, ведет дипломатические переговоры, заключает государственные договоры. В последнем случае мы ясно видим, что пять представителей города представляют его концы. Здесь число представителей увеличивается иногда до десяти, причем другая пятерка состоит из житых людей, также представителей концов.

Эти обстоятельства позволяют заключить, что войско Новгорода Великого, когда отправлялось в поход в полном составе, возглавлялось пятью воеводами, бывшими, очевидно, командирами отрядов, выставляемых пятью концами города.

Меньшим числом воевод возглавлялись отряды, отправлявшиеся «без новгородского слова» и не представлявшие всего городского полка.

²⁴ Акты Археографич. экспедиции, т. I, стр. 42.

²⁵ Собр. гос. грамот и договоров, т. I, стр. 26.

²⁶ Новгородская IV летопись, стр. 91.

²⁷ Там же, стр. 98.

²⁸ Там же, стр. 119.

²⁹ Там же, стр. 125.

³⁰ Никоновская летопись, ч. IV, ПСРЛ, т. XII, стр. 180.

Несколько раз в летописях встречено меньшее число воевод (2—3). Но в каждом из этих случаев особо отмечается, что в поход ходило неполное войско. Так, в 1348 г. в поход против Магнуса Шведского «послаша Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михайлу Феофилатова с малою дружиною».³¹

В 1366 г. также «ездиша из Новаграда люди молодые на Волгу без новгородского слова, а воеводою Есиф Валфромеевичь, Василий Федоровичь, Олександр Обакуновичь».³²

Таким образом, полное ополчение города, как правило, возглавляется пятью воеводами.

Все это были люди именитые, видные политические деятели. Имена их были известны не только в Новгороде; их неоднократно упоминает и московский летописец. Так, Юрий Онцифорович, новгородский посадник и воевода, упоминается в Никоновской летописи в качестве посла в Москве (1414). Его смерть (1417) особо отмечается московским летописцем. Хорошо был известен москвичам и воевода Василий Борисович Синец, причинивший много зла московским войскам в Двинской войне. Тысяцкий Федор Олисиевич, водивший войска в 1435 г., в 1440 г. был новгородским посадником, а его товарищ по походу 1435 г.— воевода Есиф Васильевич заключил в 1440 г. от его имени мир с Казимиром Великим. Ездивший в 1420 г. на съезд с немцами в Изборск посадник Василий Есипович за 10 лет до того, будучи тысяцким, приложил свою печать к договору с городом Колыванью (Ревелем) о нейтралитете последнего в борьбе Новгорода с немцами и шведами. На том же договоре есть и печать посадника Ивана Александровича, бывшего в 1393 г. одним из кончанских воевод в борьбе за Двину с Василием Дмитриевичем.³³

Само, довольно позднее, появление указаний на пять городских полков и на пятерку воевод объясняется тем, что система пяти концов сложилась в Новгороде лишь в XIII в. До этого времени в Новгороде было всего четыре конца.³⁴

Персональное же упоминание пяти бояр-воевод, возглавляющих войско города, могло появиться в летописи лишь с XIV в. в связи с усилением роли бояр в войске. До того времени летопись персонально упоминает лишь главного воеводу городского полка и всей волости — посадника.

Пять воевод Новгородского полка не могли быть командирами подразделений, характерных для великокняжеского войска: большого полка, полка правой руки, передового полка, сторожевого полка и полка левой руки. Эта система пяти полков, тесно связанная с местничеством,³⁵ получила свое развитие лишь в конце XIV в. в Великом княжестве Московском.

Зародыш этой системы, заменившей прежние ополчения вассальных князей, можно проследить еще в середине XIV в. В 1340 г. Иван Калита послал в поход на Смоленск «Князя Константина Васильевича Суздальского, князя Константина Ростовского, князя Иоанна Ярославича Юрьевского, князя Иоанна Дроутского, князя Феодора Фоминского, а с ними великого князя воеводы Александр Иванович и Федор Окинфович».³⁶

³¹ Новгородская I летопись, стр. 347.

³² Там же, стр. 359; Новгородская IV летопись, стр. 248, 277, 291, 292; Новгородская III летопись, стр. 231; Новгородская I летопись, стр. 365, 384—387; Никоновская летопись, ч. III, ПСРЛ, т. XI, стр. 6.

³³ Никоновская летопись, ч. III, стр. 170—171, 225, 232; Договор Новгорода с Казимиром Великим 1440 г. Акты Западной России, т. I, № 39, стр. 52—53; Договор Новгорода с Колыванью 1410 г. ЧОИДр, 1897, кн. 2, стр. 2—3.

³⁴ И. Красов считал, что «еще в начале XIII ст. было не более 4-х концов» (О местоположении древнего Новгорода, Новгород, 1851, стр. 21—22). Того же мнения придерживается и Б. Д. Греков (Россия, История, стр. 384).

³⁵ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 182—183.

³⁶ Типографская летопись. ПСРЛ, т. XXII, стр. 117.

В конце XIV в. и московские князья и татары ходили в поход пятью полками. Царевич Арапша в 1377 г. ударил на русских «вборзе разделишася на 5 пълков». ³⁷ В походе Дмитрия Ивановича против Мамаея впервые упоминаются названия большого (великого) и сторожевого полков. Первым сражением, в котором русское войско было построено по системе пяти полков, может считаться Куликовская битва. ³⁸

В дальнейшем полки правой руки и левой руки, а также большой полк упоминаются почти исключительно в московских летописях и в связи с московским войском. ³⁹ Передовой и сторожевой полки упоминаются и в новгородских летописях, но здесь этот термин зачастую обозначает просто разведывательные и охранные отряды, высылаемые по мере надобности, а отнюдь не постоянные войсковые подразделения. Указанные выше пять полков никогда не упоминаются в связи с перечисленными пятью воеводами.

Деление новгородской рати на пять полков возникло, как мы видели, по крайней мере, на 120 лет раньше московской системы и носило совершенно иной характер. Военная организация здесь была теснейшим образом связана с территориальной и политической. Каждый конец выставлял свой отряд с особым воеводой во главе. В XV в. изображения вооруженных воинов появляются на печатях концов (рис. 10), как бы символизируя их военную организацию.

Итак, военная организация Новгорода Великого была территориальной. В основе ее лежала территориальная сотня и конец. Летописные данные говорят о преобладании ремесленников в составе новгородского полка в XI—XIII вв. Эти выводы подтверждаются и данными о расселении ремесленников в Новгороде.

А. В. Арциховский, на основе анализа писцовых и лавочных книг XVI в., пришел к выводу о вполне сложившейся локализации ремесел по определенным районам Новгорода Великого. ⁴⁰

Археологические раскопки в Новгороде, как и письменные источники, говорят о расселении ремесленников по всем концам, причем наблюдается иногда определенная группировка специализированных ремесленников по улицам. ⁴¹ Славенский конец был заселен сапожниками уже с XII в. Арциховский предполагает также, что заселение Гончарского конца гончарами восходит «по меньшей мере к XII веку», а Плотницкого плотниками — к XI—XII вв. ⁴²

Сопоставление данных о расселении ремесленников с кончанской и сотенной организацией войска особенно напрашивается, потому что и в городах Западной Европы в то время достоверно известна организация городского войска по кварталам и ремесленным корпорациям.

Все эти соображения позволяют предположить, что ремесленники Новгорода объединялись уличанскими организациями и входили затем в ополчения сотен и концов.

Белов в своей работе говорит, что военная организация средневекового города складывалась различно, в зависимости от исхода развернувшейся в XIII и XIV вв. борьбы ремесленных цехов с патрициатом. Ремесленники расселялись по определенным районам города. «Но едва ли можно согла-

³⁷ Воскресенская летопись, ПСРЛ, т. VIII, стр. 25.

³⁸ Н. С. Голицын. Русская военная история, ч. I, СПб., 1877, стр. 188.

³⁹ Воскресенская летопись, ПСРЛ, т. VIII, стр. 230, 231, 237; Никоновская летопись, ч. IV, стр. 174, 240, 242, 250.

⁴⁰ Новгородский истор. сб., вып. 6, Новгород, 1939.

⁴¹ Новгородская летопись, стр. 244; А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки в Новгороде, на Славне, СА, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 182; А. А. Строков. Раскопки Холопьевой улицы древнего Новгорода. Новгородский истор. сб., вып. 1, Новгород, 1936.

⁴² Новгородские ремесла, стр. 4—5.

ситься,— пишет Белов,— чтобы на какой-нибудь улице жили исключительно представители одного ремесла». ⁴³ Цеховая организация ремесленников не могла, таким образом, вполне совпадать с территориальной организацией города, поэтому цехи стремились сломать эту территориальную организацию и заменить ее цеховой.

«Где патрициям удавалось утвердить свое господство,— пишет Белов далее,— там военное ополчение делилось применительно к топографическим группам, к городским кварталам. Где одержали верх цехи, там они свои корпорации превращали в военные отряды; если цеховая организация была не вполне проведена, то оба деления уживались вместе». ⁴⁴ Эта мысль Белова, не подтвержденная, к сожалению, никакими ссылками или примерами, особенно интересна для нас именно в связи с описанной выше военной организацией новгородского полка. Социальный строй Новгорода Великого характеризуется как раз господством аристократии, состоявшей не из крупных купеческих семей, как это бывало в городах Западной Европы, но из феодальных боярских родов, и захватившей в свои руки экономическое и политическое господство в городе. Ремесленные же корпорации были, очевидно, настолько слабо развиты, что не оставили сколько-нибудь отчетливого следа в имеющихся в распоряжении исследователя источниках.

Но отсутствие письменных сведений само по себе отнюдь не исключает возможности существования в Новгороде ремесленных корпораций. Можно надеяться, что дальнейшее изучение письменных и вещественных источников по истории Новгорода Великого даст, наконец, возможность проследить организацию ремесленников этого крупнейшего русского города средневековья. Мы же видим пока только слабый намек на какую-то профессиональную организацию новгородских ремесленников в их военной организации по улицам, сотням и концам.

⁴³ Г. Белов. Городской строй и городская жизнь в средневековой Германии. М., 1912. стр. 42.

⁴⁴ Там же, стр. 77.

Э. А. РИКМАН

ТОПОГРАФИЯ КАШИНА В XIV—XV вв.

Изучение древнерусских городов XIII—XV вв.—одна из насущных задач советской исторической науки; только вскрыв развитие и рост города в этот период, можно с должной конкретностью представить себе процесс возрождения Руси, успех ее борьбы с татарами и образование Русского государства. Одним из путей этого исследования является историко-топографическое изучение городов, с большей или меньшей полнотой раскрывающее их рост и особенности их развития.

Предлагаемая работа посвящена топографии Кашина, одного из второстепенных городов древней Руси, упомянутого летописью впервые в 1237 г. Исследование такого «провинциального» центра интересно тем, что вскрывает развитие рядового города.

Для реконструкции облика Кашина XIV—XV вв. мы пользуемся планами города XVII—XVIII вв., сочетая их данные с изучением ныне существующих в городе земляных сооружений. Этот путь исследования вполне законен, так как изучение тверских городищ — древних крепостей — показывает, что их земляные сооружения сложились в XIV—XV вв., а последующие столетия лишь незначительно изменили их внешний вид.¹ Однако пользоваться поздними планами надо с большой осторожностью, выявляя в них то, что действительно относится к XIV—XV вв.

Кашин расположен на р. Кашинке. Здесь петля реки ограничивает нечто вроде «полуострова» (рис. 11), который расширяется и сходит на-нет к северо-западу, соединяясь с равниной сравнительно узким перешейком шириной 40 м. Перешеек — господствующий по высоте участок; его уровень превышает уровень сев.-зап. края «полуострова» на 16 м, снижение происходит равномерно, а с сев.-вост. и юго-зап. сторон перешеек круто сбывается.

На перешейке и находилась крепость Кашина. Остатки ее рвов и валов имеются в Кашине до сих пор. Три отрезка вала сохранились на сев.-зап. стороне перешейка, где начинается медленное снижение площадки «полуострова». Таким образом, с сев.-зап. стороны доступ на перешеек был прегражден: края вала и рва смыкались с берегами реки (на сев.-вост. крае это видно сейчас; юго-зап. вал отстоит от берега примерно на 100 м, но первоначально он тоже смыкался с берегом). Валы насыпаны из глины, из которой в разрушенных частях кое-где торчат бревна, видимо признаки городен. Высота вала от уровня внутренней поверхности городища 4.5 м, а с внешней стороны — 10.5 м. Угол склона вала колеблется в пре-

¹ Это положение подробно аргументируется в главе «Топография тверских городов» моей диссертации «Города Тверского княжества».

делах 25—40°. Ясные признаки сев.-зап. рва сохранились,— он раструбом выходил к реке.

Земляные укрепления Кашинской крепости, в том числе их сев.-зап. линия, видны на планах Кашина № 1² (рис. 11) и № 2³ (рис. 12) конца XVII в. План № 1 издан.⁴ Датировку его — XVII в.⁵ — можно значительно уточнить. План № 2 не издан и не датирован. Оба плана по манере

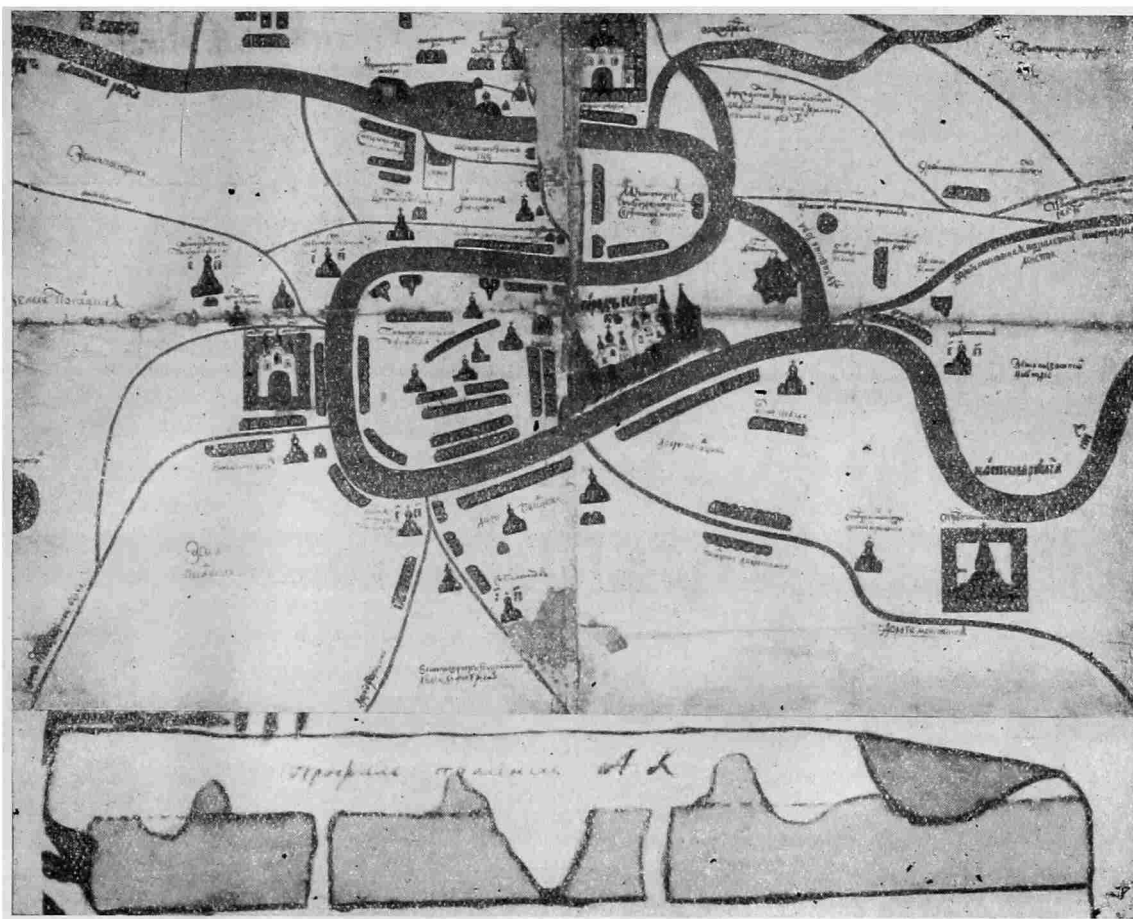


Рис. 11.

В верхней части — план гор. Кашина конца XVII в. (1684—1691 гг.); в нижней части — профиль земляных укреплений Кашина (крепости и посада) по чертежу второй половины XVIII в.

изображения обнаруживают сходство с планом Владимира 1715 г., исполненным в иконописной манере XVII в.⁶ План № 1, исполненный в несколько красок, ближе к владимирскому, нежели одноцветный № 2. Оба довольно четко ориентированы. За принадлежность к XVII в. плана Кашина № 1 говорят почерк и филигрань.⁷ Изображенные на чертеже № 1

² ЦГАДА. Обозначен в описи среди карт Тверской губ.: «План гор. Кашина с его слободами», № 3.

³ Картографический фонд рукописного отдела б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № 524.

⁴ И. Виноградов. Археол. экскурсия в с. Кожино и города Кашин, Калязин и Углич, Тверь, 1901.

⁵ И. Виноградов. Указ. соч.; И. Завьялов. Город Кашин, СПб., 1909, стр. 86.

⁶ Н. Н. Воронин. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и чертеж 1715 г.; СА, вып. 8, стр. 146.

⁷ Родственная у Н. Лихачева. Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве, СПб., 1891, табл. 55, № 475; см. также стр. 77.

соборные церкви монастырей Сретенского — еще деревянная, Дмитровского и Клобуковского — каменные. Каменные соборные церкви в этих монастырях появились в 1691, 1684, 1682 гг.;⁸ из этого следует, что чертеж № 1 был исполнен между 1684 и 1691 гг. Чертеж № 2 выполнен черной

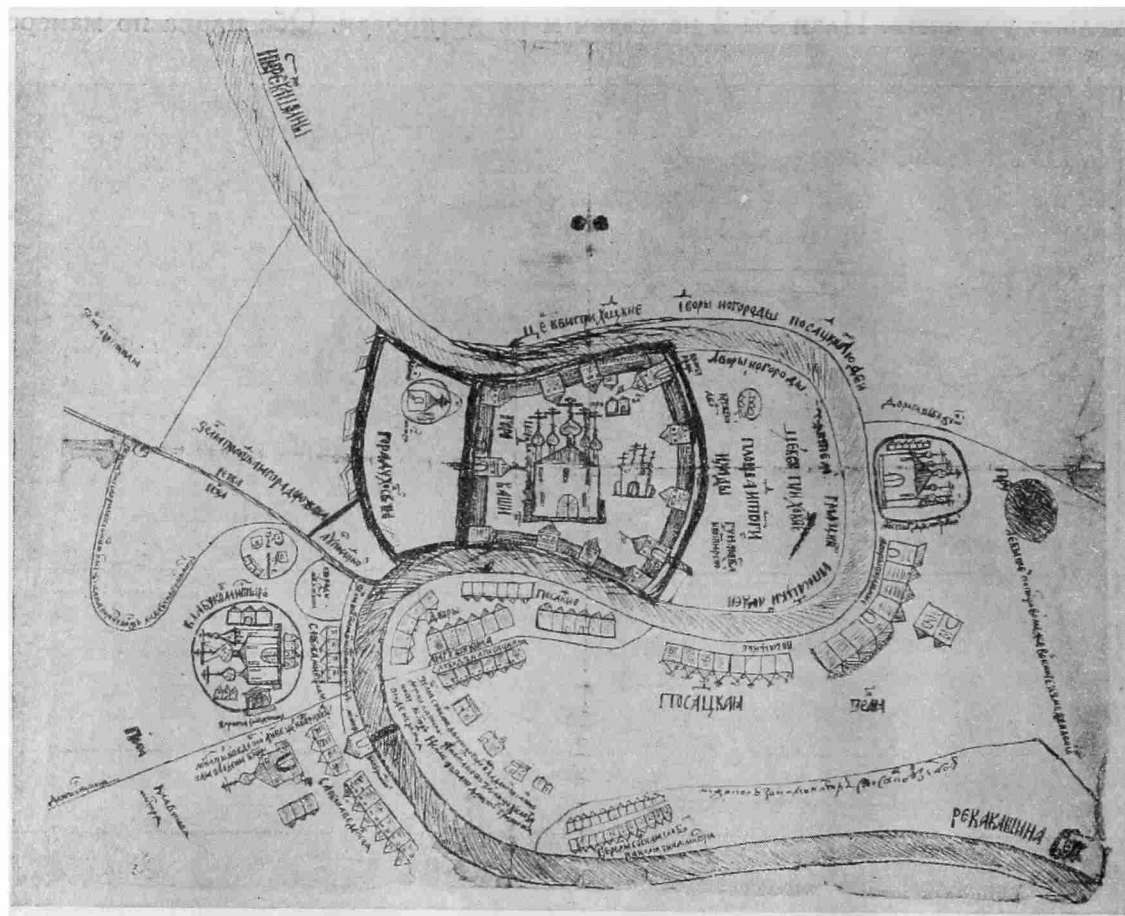


Рис. 12. План гор. Кашина конца XVII в. (80-е годы)

краской, размер его 47.5×40 см. От владимирского чертежа и кашинского № 1 он отличается эскизностью, проявляющейся в небрежности начертания линий, в особенности в изображении всего, что не относится к крепости.

План по назначению межевой, почему составитель и уделяет большое внимание межевым границам городских и монастырских земель. Филигрань бумаги аналогична филигране бумаги псалтири 1697 г.⁹ Почерк надписей относится к XVII в. или самому началу XVIII в.¹⁰ Из надписей плана особенно интересны для датировки три. Они относятся к земельным владениям и постройкам Клобукова монастыря, изображенным, так же как и крепость, особенно подробно, и фиксируют спорные между монастырем и посадом земли. В 1686 г. возник и продолжался в последующее время спор о межах земель между Кашинским посадом и Клобуковским монастырем.¹¹ Очевидно, исполнение чертежа № 2 надо отнести к 80-м

⁸ И. Завьялов. Указ. соч., стр. 32, 40, 46.

⁹ К. Я. Тромонин. Знаки писчей бумаги, М., 1844, № 1356 и стр. 22.

¹⁰ Приношу благодарность проф. В. Г. Гейману за помощь в датировке почерка.

¹¹ И. Кункин. Два спорных дела Кашина посада с Дмитровским и Клобуковским монастырями о земле, Тверь, 1906. Извлечение из дела посадских людей города Кашина с Клобуковским монастырем о земле. Моск. гл. арх. Мин. ин. дел, № 39, 1686 (7 авг.).

годам XVII в., ко времени этого спора. О том, что такие чертежи делались, свидетельствует документ 1678 г.¹² Из содержания обоих чертежей видно, что авторы их придавали значение реальному воспроизведению природы; на это указывает и сравнение чертежей с реальной топографией города, планами Кашина XVIII в. и данными письменных источников. Покончив с датировкой обоих планов Кашина XVII в., обратимся снова к крепости города.

На чертеже Кашина № 1 вал и ров сев.-зап. стороны, подступающие к берегу реки, даны как бы в профиль. Ров сев.-зап. стороны с переброшенными через него мостами показан на плане № 2 весьма эскизно. Он хорошо виден на плане из Атласа Тверской губ. 1825 г.¹³

С ЮВ, со стороны равнины, перешеек посередине также ограждался валом и рвом. От вала сейчас ничего не осталось, а ров, частично засыпанный в 1813 г.¹⁴ так, чтобы создать дорогу, хорошо виден и сейчас. Дно его незначительно превышает уровень реки. Ров мог наполняться водой не только в вешнее время. Юго-вост. вал и ров даны в профиль на чертеже Кашина № 1. Ров и мост показаны на плане № 2, плане из Атласа и плане Кашина 1791 г.¹⁵

Профиль валов и рвов Кашинской крепости, а также юго-вост. части посада, рассматриваемых ниже подробнее, воспроизводится с плана города XVIII в. (рис. 11, 2).¹⁶ Профиль взят по продольной линии, пересекающей с СЗ на ЮВ все три ряда укреплений. Здесь же дан и профиль перешейка, на котором располагалась крепость. План особенно ценен фиксацией юго-вост. вала крепости, не отмеченного другими источниками. Этот вал показан такой же высоты, как сев.-зап., т. е. 4,5 м.

На валах крепости располагались бревенчатые стены. Под 1392 г. летопись сообщает, что сгоревший город Кашин «срублен бысть».¹⁷ Крупные работы по реконструкции крепости производил тверской великий князь Борис Александрович. Эти работы ярко рисует инок Фома в похвальном слове князю. Оказывается, что после долгой войны между кашинскими и тверскими князьями «город» запустел так, что «ни основанию градскому знатися».¹⁸ Не осталось и следа от городских валов.¹⁹ Князь Борис «создал великий град запустевший именем Кашин», «единым летом воздвигнувший его».²⁰ Очевидно, князь Борис применил для Кашинской крепости систему городен, как он в середине XV в. применял ее для Тверской крепости.

В 1709 г. конструкция крепостной стены Кашина определяется так: «а по валу и по горе город рублен в сосновом лесу клетски»,²¹ т. е., видимо, с применением городен. Стена была крыта тесом.²² В XVII в. крепость располагалась тремя проездными башнями, одной тайницкой и один-

¹² Там же. Спорное дело Кашинского Дмитровского монастыря архимандрита Сергия с посадскими людьми города Кашина о земле. Моск. гл. архив Мин. ин. дел, 1676 (4 сент.) — 1678 (12 июля), стр. 12 и др.

¹³ Военно-историч. архив, № 19097.

¹⁴ И. Виноградов. Указ. соч., стр. 44.

¹⁵ ЦГАДА. Архив Межевой канцелярии, № 93.

¹⁶ Судя по надписи «Московской губернии Углицкой провинции город Кашин» и планировке города, план создан между 1719 и 1775 гг. и относится к периоду подготовки «высочайше утвержденного» плана Кашина 1777 г. Обозначен в описи ЦГАДА, среди карт Тверской губ., «План гор. Кашина», № 4.

¹⁷ ПСРА, т. XV, стр. 446.

¹⁸ Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче, СПб., 1908, стр. 26, 27 и л. 260, 260 об.

¹⁹ «Основания градские», по мнению Н. Н. Воронина, — валы. Благодарю Н. Н. Воронина за предоставление мне этих сведений.

²⁰ Н. П. Лихачев. Указ. соч., л. 260.

²¹ И. Виноградов. Указ. соч., стр. 34.

²² И. Завьялов. Материалы для истории и археологии по городу Кашину, Тверь, 1901. Выпись из дозорных книг 1621 г., стр. 7; И. Кункин. Город Кашин. Материалы для его истории, вып. II, М., 1905. Сметный список 1668 г., стр. 9.

надцатью глухими.²³ Проездные башни с их верхними и нижними «боями», упоминаемыми документом 1668 г., может быть, и показаны на плане Кашина № 2. Чертежник изображает ворота, бревенчатые стены и крытую тесом шатровую кровлю башен. Глухие башни также бревенчатые, с шатровыми тесовыми кровлями, нижними и верхними боями (рис. 12).

Из проездных башен XVII в. две, несомненно, существовали в XIII—XV вв. Воскресенская, видимо, и тогда стояла неподалеку от Воскресенского собора Кашина (известного с 1382 г.), прорезая юго-зап. оконечность сев.-зап. вала; второй была башня на перешейке. Обе башни были совершенно необходимы для сообщения с прилежащими частями Кашинского посада. В Твери расположение крепостных башен XIV—XV в. дожило до XVII в. Если так же было в Кашине, то план № 2 намечает расположение третьей башни на сев.-зап. валу.

Таким образом, небольшая крепость Кашина (расстояния между юго-зап. и сев.-зап. валами 300 м, между концами сев.-зап. вала около 200 м) отлично защищалась со всех сторон.

Прекрасные боевые качества Кашинской крепости обнаружались уже в 1288 г., когда в течение 9 дней ее осаждала и не могла взять рать четырех князей во главе с тогдашним великим князем владимирским.²⁴

В топографии внутреннего пространства крепости проявляется ее роль как родового гнезда кашинских князей. В 1382 г. упоминается в первый раз «соборная церковь Воскресения» «во граде Кашине», как раз в связи с погребением в ней, в его «отчине», кашинского князя Василия Михайловича.²⁵ Современный Воскресенский собор, вблизи которого надо искать древний, располагается на сев.-зап. оконечности территории крепости, там, где перешеек образует довольно просторную площадку в 50 м от сев.-зап. крепостного вала. Поблизости надо искать и княжеский терем. В этом отношении показательно название Теремной башни²⁶ кремля, находившейся рядом с Воскресенской проездной и, следовательно, рядом с Воскресенским собором.

Существовавший до недавнего времени неподалеку от Воскресенского собора Успенский собор находился на том же месте, очевидно, и в XV в. В житии Ефрема Перекомского сказано, что он родился в 1412 г. в селеении близ Кашинского Успенского монастыря,²⁷ который исследователи единодушно считают предшественником Московского Успенского собора. В отношении сообщения жития о столь характерном для древнерусского города внутрикрепостном, как будто княжеском монастыре (связываемом преданием XVII в. с княгиней Анной, женой тверского великого князя Михаила Ярославича), очевидно можно доверять житию Ефрема Перекомского, ибо составитель жития ставил имена лиц и мест сообразно жизни Ефрема, в остальном механически переписывая житие другого святого, Александра Свирского.^{27а}

В 1368 г. «внутри града» появилась еще одна церковь — Пречистой богородицы.²⁸

Культурный слой в небольшой кашинской крепости всего 70 см толщины (близ сев.-вост. вала).²⁹

²³ И. Кункин. Город Кашин, стр. 9—10.

²⁴ ПСРЛ, т. XV, стр. 406.

²⁵ Там же, т. XI, стр. 71.

²⁶ И. Кункин. Указ. соч., стр. 10.

²⁷ Амвросий. История российской иерархии, т. V, М., 1807, стр. 467. Месяцеслов преосвященного Димитрия, вып. IX, ч. 2, стр. 69.

^{27а} В. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник, М., 1871, стр. 262—263.

²⁸ ПСРЛ, т. XI, стр. 12.

²⁹ И. Д. Поиселков. Ледниковый период и человек каменного века в Кашинском крае, Кашин, 1928, стр. 11.

Под защитой крепости Кашина расположились его посады. В письменных источниках они прямо упоминаются только в 1453 г., когда князь Дмитрий Шемяка в Кашине «посади пожегл». ³⁰ Но кажется возможным привлечь и более раннее известие летописи 1367 г., которые может косвенно указывать на существование посада в Кашине уже в XIV в. После заключения мира между князьями тверским Михаилом Александровичем, московским Дмитрием Ивановичем и кашинским Василием Михайловичем «радовались бояре их (т. е. князей, в том числе Василия Михайловича кашинского.— Э. Р.), и все вельможи их, также и гости и купцы и все работники... все они един род и племя Адамово, и цари, и князья, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесвенницы и работные люди». ³¹ Известно, что «гости», «купцы», «работные люди», ремесленники, и образовали посады под стенами крепостей. Конечно, приведенный текст может говорить в первую очередь о населении столиц Москвы и Твери, но он относится в какой-то мере и к Кашину.

Известие 1453 г. говорит о «посадах» в Кашине уже во множественном числе; следовательно, здесь имелись различные посадские районы. Одна часть посада, примыкавшая к юго-вост. стене крепости, топографически выражена совершенно отчетливо. Ограничивая площадь перешейка, примерно равную площади кремля, здесь и сейчас сохранился ров глубиной 7.5 м и вал высотой 6.5 м. Углы наклона скатов вала 24—28°. Эта линия укреплений показана на обоих планах XVII в. Отделенный от княжеской крепости валом и рвом, данный участок является не чем иным, как укрепленным посадом города. Укрепление посадов в Старице и Микулине произошло в XIV в. Можно думать, что и в Кашине, втором по значению после Твери городе княжества, посад был укреплен примерно в это же время. Валы посада, вероятно, имели острог, т. е. тыновую ограду и проездные башни. ³²

Другая часть посада располагалась в петле Кашинки у сев.-зап. стены крепости. Здесь был и центр посадской жизни — торг. Кашинский торг в письменных источниках не упоминается. В них имеются лишь факты, свидетельствующие о роли города как ремесленного и торгового центра. Этот вывод мы сделали из известия 1367 г. В начале XV в. кашинские князья стали чеканить свою монету, ³³ учитывая торговые потребности населения своего княжества, в первую голову ремесленников и купцов Кашина, обслуживавших сельскую округу. Под 1424 г. летопись указывает на повышение цен в Кашине, ³⁴ явно на торгу. Торг в небольшом городке был, конечно, один. На планах Кашина XVII в. он показан под сев.-зап. стеной крепости, на низменной части «полуострова». От торговой площади расходятся улицы с деревянными домами и церквями, огородами посадских людей. Более чем вероятно, что торг XIV—XV вв. находился здесь же. Для многих русских и западноевропейских феодальных городов, в том числе и Москвы XIV—XV вв., ³⁵ характерно расположение торгов под стенами княжеских крепостей — для удобства сбора тамги и других торговых пошлин с продававшихся на торгу товаров. А такие пошлины в Кашине собирались и в XV в. и раньше. ³⁶ Расположение это было удобно вследствие

³⁰ ПСРЛ, т. XV, стр. 495; Н. Лихачев. Указ. соч., л. 311, 312 об.

³¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 8.

³² Некоторые документы XVII в. отличают в Кашине «город», т. е. крепость, и «острог». Так, в грамоте 1663 г. предписывается воеводе: «ты б город и острог, и ключи городовые и острожные... отдал...». И. Кункин. Город Кашин. Материалы для его истории, вып. I, М., стр. 83.

³³ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., М., 1896, стр. 69.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стр. 488.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947. См. план города Москвы XIV—XV вв. Lavedan P. L'histoire de l'urbanisme, Paris, Laurens. 1926.

³⁶ ААЭ, т. I, стр. 57; АЗР, т. I, № 33, 51, 79.

хорошей защищенности торгов рекой и крепостью. В непосредственной близости от рядов торгова в 1612 г. находилась церковь Параскевы Пятницы, покровительницы торговли. Эта церковь упоминается дозорными книгами.³⁷ В начале XIX в. она также была у торгова.³⁸

Таким образом, основная часть Кашинского посада располагалась на низменной площади в петле реки, примыкая к крепости, которая по своему местоположению господствовала над посадом. Крепость и посад вписаны в защитную петлю реки. Считаю возможным видеть в таком удобном выборе местности, учитывающем потребности княжеской крепости и посада, сознательную мысль градостроителя. В аналогичных условиях создавались крепости тверских городов: Клина,³⁹ Нового городка (Погорелое), Скнятина. Подобное местоположение вполне соответствовало потребностям небольшого феодального города с княжеской крепостью, с ограниченным рынком и площадью самого посада (основная часть Кашинского посада с торгом занимала территорию 1000 м длиной и 200—350 м шириной).

Слободки, которые в древних русских городах обычно примыкали к посадам с внешней стороны, находились за пределами кашинского «полуострова», но в непосредственной близости от него, устанавливая приблизительную границу посада. В 1401 г. великий князь тверской Иван Михайлович отнял у кашинского князя Василия Михайловича и отдал князю Ивану Борисовичу «Вход Иерусалим». ⁴⁰ Это Иерусалимская слободка, так и названная жалованной грамотой 1437—1461 гг. великого князя Бориса Александровича и поступившая, согласно грамоте, во владение Сретенского монастыря. ⁴¹ Слободка получила название от расположенной на ее территории Входа-Иерусалимской церкви. ⁴² Она показана на плане Кашина XVII в. № 1. В 1513 г. упоминаются церкви Флора и Лавра и Федора Стратилата, ⁴³ приходские церкви за посадских слободок. На самом посаде также были церкви. Взяв посад в 1453 г., «князь Дмитрий (Шемяка.— Э. Р.) церкви божие огневи предаючи». ⁴⁴

Город был застроен «дворами», включавшими жилые дома, службы. При дворах были приусадебные участки, «поляны». Такой двор на «посаде» упоминается в 1465 г. ⁴⁵ Кашинские посадские люди не порвали связи с сельским хозяйством. Огороды, а на окраинах поля, представляли характерную черту городского ландшафта.

Ввиду того, что крепость и главные части посада располагались в извилине р. Кашинки, для их связи с окружающей местностью нужны были мосты, которые и упоминаются в 1514 г. ⁴⁶ На реке находились мельницы, одна из которых близ Клобуковского монастыря была выстроена еще при Макарии Калязинском (в первой половине XV в.). ⁴⁷ Она помещена на плане Кашина № 2, конца XVII в.

³⁷ И. Завьялов. Город Кашин, стр. 54.

³⁸ План Кашина из Атласа Тверск. губ. 1825 г. Военно-историч. архив, № 19097.

³⁹ Сходство и своеобразие планировки Кашина и Клина отмечены Н. Н. Ворониным в работе «Русские крепостные сооружения XIII—XV вв.».

⁴⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 184.

⁴¹ ААЭ, т. I, стр. 27.

⁴² И. Завьялов. Входиерусалимский приходский храм, СПб., 1901, стр. 13—14.

⁴³ Его же. Город Кашин, стр. 66, 67. Упоминаются в жалованной грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича. На плане Кашина № 2 XVII в. показана Лягушкина слобода, где находились эти церкви.

⁴⁴ Н. Лихачев. Указ. соч., л. 311, 312 об.

⁴⁵ В жалованной грамоте великого князя тверского Михаила Борисовича Троице-Сергиевскому монастырю. ААЭ, т. I, стр. 57.

⁴⁶ Жалованная грамота кн. Юрия Ивановича Сретенскому женскому монастырю. ААЭ, т. I, стр. 128.

⁴⁷ Упоминается в жалованной грамоте кн. Юрия Ивановича Клобукову монастырю 1511 г. и в списке с грамоты 1573 г. об утверждении выстроенной преподобным Макарием мельницы и 4 огородов за Клобуковым монастырем. С. Архангелов. Описание Кашинского Николаевского Клобукова монастыря, Тверь, 1899, стр. 67, 72—74.

В тесной близости к посаду и городским слободам создавались монастыри. Клобуковский монастырь известен из жития Макария Калязинского под 1420 г.⁴⁸ Дмитровский монастырь, отделенный от сев.-зап. части посада только рекой Кашинкой, упоминается лишь в 1521 г., но, по крайней мере, в XV в. он уже существовал.⁴⁹ К началу XV в. относится основание Сретенского монастыря.⁵⁰ В XIV в. существовал монастырь с церковью Пречистой богородицы, находившийся близ Клобуковского монастыря.⁵¹ Все четыре монастыря стояли у важных дорог, ведущих в Кашин из Углича, Бежецкого Верха и Москвы.⁵² В XIV—XV вв. монастыри были деревянными, с небольшими храмами и кельями. Хорошее представление о них дает изображение Сретенского монастыря, с его шатровой церковью и низкой оградой, на плане № 1. Такие монастыри характерны для панорамы небольшого русского средневекового города. Кольцо монастырей вокруг Кашина вряд ли играло военную роль.

Исследование топографии древнего Кашина позволило нам на основе сопоставления планов XVII в., реальных остатков городских укреплений и отрывочных сведений письменных источников восстановить основные черты топографии города Кашина XIV—XV вв. Становится ясным, что этот город, возникший на рубеже XII—XIII вв., продолжал жить и развиваться в тяжелых условиях монгольского ига и последующих междукняжеских усобиц. Уже в конце XIII в. он обладал сильной крепостью, расположенной горододельцами с замечательным пониманием условий местности. Рост его посада отмечен насыпкой новой линии валов. Второй посадский район с торгом расположился в петле р. Кашинки. В XIV—XV вв. складывается и окружающее город кольцо монастырей, стоящих на важнейших дорогах к Кашину.

С середины XIV в. русские земли переживают экономический подъем.⁵³ Это вызывает рост городов. Укрепляясь, растут посады Москвы, Новгорода и Пскова. Растут и посады тверских городов. В XIV в. новые линии укреплений прикрывают разросшиеся посады Старицы и Микулина. Рост посада Твери вызвал в середине XV в. работы по его укреплению. То же наблюдается в одном из второстепенных городков Тверского княжества — Кашине, подчеркивая глубину и общерусский характер процесса возрождения и развития русских городов в XIV—XV вв.

⁴⁸ И. Завьялов. Город Кашин, стр. 39.

⁴⁹ Арсений. Описание Кашинского Дмитровского монастыря, Тверь, 1901, стр. 9.

⁵⁰ И. Баженов. Кашинский Сретенский женский монастырь, СПб., 1893, стр. 10.

⁵¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 12.

⁵² Вопрос о существовании в XIV—XV вв. этих дорог рассматривается в главе моей диссертации: «Историческая география Тверского княжества и место в ней городов».

⁵³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 781.

Г. Б. ФЕДОРОВ

МОСКОВСКИЕ ДЕНЬГИ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ
ИВАНА III И ВАСИЛИЯ III

Важнейший в истории Руси период княжения Ивана III и Василия III нашел свое яркое отражение и в нумизматике. Создание Русского государства при Иване III и укрепление его при его преемнике было периодом не только политического могущества, но и расцвета всех видов духовной и материальной культуры. События эпохи наложили отпечаток на изображение, вес, надписи и обращение русских монет.

ДЕНЬГИ ИВАНА III

Достоверных монет Ивана III (1462—1505) издано 798 экз.,¹ из них денег (новгородок) 278 экз., полуденег (московок) 452 экз., медных пул 67 экз. и 1 золотая монета.

Д е н ь г и (новгородки) Ивана III разделяются на два типа, средний вес 0.74 г, при колебаниях в пределах 0.80—0.62 г.²

Тип I, серия 1. Л. С.— в точечном ободке московский ездец с занесенным мечом или саблей. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». О. С.— четырехстрочная надпись: «Осподарь всея Руси». 5 экз. Ср. вес 0.71 г.³ Все монеты одинакового веса. Появившийся на монетах Василия Темного после 1450 г. титул «Осподарь всея Руси» продолжал чеканиться и на монетах Ивана III.

Тип I, серия 2. Л. С. и О. С.— то же, что и на монетах 1 серии, но под конем буква А. 24 экз. Ср. вес 0.74 г, при колебаниях от 0.78 до 0.58 г.⁴ Буква А — контрольная, для повышения ответственности за добросовестность чеканки.

Тип I, серия 3 — то же, но под конем контрольная буква Б. 32 экз. Ср. вес 0.77 г, колебания от 0.80 до 0.68 г.⁵

Тип I, серия 4 — то же. Под конем контрольная буква Г. 3 экз. Ср. вес 0.80 г. Все монеты одного веса.⁶

¹ В настоящей статье рассматриваются только серебряные монеты.

² Для всех денег учтен вес, указанный Орешниковым и Чапским, так как весовые данные, приводимые Солнцевым и другими, сомнительны.

³ Ор. Оп. № 856; Шод. № 182; Солн. Д. и П. № 111; Солн. Нум. иссл., № 16, стр. 15; Рейх. № 354.

⁴ Ор. Оп. № 650 (10); Ор. Уст. клад, 4 экз.; Чап. № 512, 514; Жизн. № 1401; Шуб. № 307; Шод. № 180; Рейх. № 342; Сах. № 140; Солн. Д. и П. № 100, 106, 110.

⁵ Ор. Оп. № 657 (3); Чап. № 505; Шод. № 171; Шуб. № 310; Сах. № 121; Солн. Д. и П. № 108; Ор. Уст. клад, деньги серий 3, 4, 5, 7, 9, 10 — 24 экз.

⁶ Ор. Оп. № 658; Солн. Д. и П. № 109, 2 доп., стр. 58, № 17.

Тип I, серия 5 — то же. Под конем контрольная буква К. 16 экз. Ср. вес 0.70 г, колебания от 0.77 до 0.62 г.⁷

Тип I, серия 6 — то же. Под конем контрольная буква Л. 16 экз. Ср. вес 0.54 г, колебания от 0.60 до 0.44 г.⁸

Тип I, серия 7 — то же. Под конем контрольная буква М (в двух начертаниях: М и М). 60 экз. Ср. вес 0.75 г, колебания 0.80 до 0.66 г.⁹

Тип I, серия 8 — то же. Под конем контрольная буква О (в двух начертаниях: О и о). 13 экз. Ср. вес 0.75 г, колебания от 0.80 до 0.62 г.¹⁰

Тип I, серия 9 — то же. Под конем буква С. 24 экз. Ср. вес 0.79 г, колебания от 0.80 до 0.71 г.¹¹

Тип I, серия 10 — то же. Под конем буква Ю. 60 экз. Ср. вес 0.73 г, колебания от 0.80 до 0.62 г.¹²

Всего денег I типа 253 экз. со средним весом 0.75 г. при колебании в весе от 0.80 до 0.44 г.¹³

Поскольку из 10 серий I типа 8 имеют максимальный вес 0.80—0.77 г, этот вес и был, следовательно, начальным весом денег Ивана III. Таким образом, при Иване III вес московских денег был восстановлен до нормального, предшествующего кризису второй четверти XV в. Следует отметить, что восстановленный вес московских денег был равен весу новгородок, включенных после 1456 г. в объединенную денежную систему.

Московские деньги Ивана III и по весу и по надписям соответствовали чеканенным при нем новгородкам. За 43 года княжения Ивана III вес московских денег упал с 0.80 до 0.60 г, т. е. на 25%, среднегодовой процент падения веса был равен немногим более 0.5, что является вполне нормальным для средневековой денежной системы. Из 253 денег I типа 9 серий из 10, или 248 экз., имеют под изображением коня различные буквы: А, Б, Г, К, Л, М, О, С, Ю. Трудно установить, являются ли эти буквы инициалами или ремарками денежников, или денежных дворов, но это, безусловно, контрольные буквы, чеканка которых повышала ответственность за сохранение нормального веса и качества монеты. Ранее ремарки денежников встречались на московских монетах лишь эпизодически, а при Иване III их имело подавляющее большинство денежных единиц — денег. Явное сходство этих контрольных букв с контрольными буквами, чеканенными на новгородских деньгах после реформы 1447 г., дает возможность предполагать, что московский князь учел и осуществил в Москве меры, предпринятые новгородцами для сохранения полноценности денег.

Таким образом, при Иване III денежная система была полностью стабилизирована, нормальный вес денег восстановлен и чеканка их поставлена под строгий контроль. Восстановленная в весе 0.80—0.78 г деньга, соответствующая по весу новгородской, в общерусской денежной системе получила наименование «новгородка». На всех, без исключения, деньгах Ивана III помещен титул «Осподарь всея Руси». Ввиду единообразия изображений, надписи и веса, трудно установить хронологическую преемствен-

⁷ Ор. Оп. № 659 (6); Ор. Уст. клад 5 экз.; Жизн. № 1398; Шод. № 175; Сах. № 133; Рейх. № 310; Солн. Д. и П. № 102.

⁸ Ор. Оп. № 651 (3); Рейх. № 342—353; Шуб. № 360 (фр.), № 570.

⁹ Ор. Оп. № 652, 653, 660 (6), 661 (10); Ор. Уст. клад, 30 экз.; Чап. № 507, 508; Жизн. № 1400; Солн. Д. и П. № 104, 105; Шуб. № 291—293; Рейх. № 311; Сах. № 136.

¹⁰ Ор. Оп. № 654 (5), 655; Чап. № 509, 513; Солн. Д. и П. № 106; Шод. № 169, 177; Сах. № 137; Рейх. № 345.

¹¹ Ор. Оп. № 622 (7); Ор. Уст. клад, 9 экз.; Солн. Д. и П. № 103, 107 (?); Жизн. № 1399; Чап. № 510; Шуб. № 290; Шод. № 178; Рейх. № 312; Сах. № 138.

¹² Ор. Оп. № 664 (8); Ор. Уст. клад, стр. 23, № 2 и еще 42 экз.; Чап. № 511; Жизн. № 1396, 1397; Шуб. № 289; Шод. № 179; Рейх. № 313.

¹³ Следует отметить, что монеты весом ниже 0.60 г. встречаются редко (единичные экз.), и все они сильно потерты, чем и объясняется низкий вес.

ность чеканки различных серий I типа. Судя по весу, серия 6 чеканена в последние годы княжения Ивана III.

Тип 2. Л. С. — в линейном ободке московский ездец в короне, поражающий копьем дракона. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». О. С. — в центре татарская надпись: «Ибан», т. е. Иван, и круговая надпись: «Осподарь всея Руси». 26 экз. Средний вес 0.73 г, колебания от 0.75 до 0.71 г.¹⁴ Судя по весу наиболее тяжелых экземпляров, считая среднегодовой процент падения веса от 0.80 г в 0.5%, эти монеты чеканены около 80-го года XV в. Это — единственный тип денег-новгородок Ивана III, на которых имеется татарская надпись. Уже при Василии II татарские надписи почти полностью исчезли (всего 5% таких денег). При Иване III, в период создания Русского государства и полного освобождения от татарского ига, эти надписи совершенно исчезают, и русские монеты приобретают ярко выраженный национальный характер и по изображениям и по надписям. Имеется всего один тип денег-новгородок с татарскими надписями, однако значение их коренным образом изменилось.

В 1487 г. Казань была взята русскими войсками. Алихан был сослан на Белоозеро, и Казанью стал управлять от имени Ивана III его ставленник Мухамед-Эмин. Казань, по выражению Маркса, «лежит у ног Ивана III». Татарские надписи на монетах Ивана III — это уже не выражение покорности татарскому хану, не подражание, а титул и имя государя, помещенные на монетах, предназначенных для употребления в землях подвластных и зависимых от него народов и вообще для восточной торговли (в Казани чеканка собственной монеты прекратилась в середине XV в.). Об этом значении татарских надписей на монетах Ивана III (II типа) указывает и их вес, и датировка, и смысл надписей, и топографии кладов, так как монеты этого типа были найдены именно в Казани и близ нее.¹⁵

Одновременно с чеканкой денег-новгородок в Московском княжестве продолжалась и чеканка московок, являвшихся одной половиной новгородок, или полуденьгами (по их весу, существовавшему около 1450 г.).

Полуденьги-московки. Средний вес их 0.34 г, колебания от 0.43 до 0.20 г. Они делятся на 10 типов.

Тип I, вариант 1. Л. С. — в точечном ободке ездец с высоко занесенной саблей. Под конем буква Ю. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». О. С. — четырехстрочная надпись: «Осподарь всея Руси». По изображению и надписи эта московка тождественна деньге Ивана III типа I, серии 10. 1 экз., вес 0.35 г.¹⁶

Тип I, вариант 2. Л. С. — то же изображение. Под конем буквы СЛ. Круговой надписи нет. О. С. — в точечном ободке трехлепестковый цветок. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». 100 экз. Ср. вес 0.34 г, колебания от 0.37 до 0.34 г.¹⁷

Тип I, вариант 3. Л. С. — то же изображение. Под конем буква А. Надписи нет. О. С. — пятистрочная надпись: «Князь великий Иван Васильевич». 5 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.35 до 0.31 г.¹⁸ Как и на деньгах-новгородках, буквы на Л. С. являются контрольными. Чеканка I типа московок, судя по весу и аналогии с новгородками, началась с первых же годов княжения Ивана III, и все три варианта I типа чеканены, вероятно, в первой половине его княжения.

¹⁴ Ор. Оп. № 648 (9); Ор. Уст. клад, 10 экз.; Чап. № 515; Жизн. № 1417, Сах., стр. 154; Шуб. № 326; Шод. № 189; Рейх. № 338; Солн. Д. и П. № 125 и несколько экз. в Басихинском кладе — Толстой. Три клада...

¹⁵ Ильин. Топогр. кладов — клад № 1 в Казани. Толстой, Три клада — клад в Басихино.

¹⁶ Ор. Оп. № 663. Орешников сомневается в подлинности монеты.

¹⁷ Ор. Оп. № 669 (29); Ор. Уст. клад, 64 экз.; Жизн. № 1391; Чап. № 498; Шуб. № 281; Шод. № 162; Рейх. № 282; Сах. № 123; Солн. Д. и П. № 95.

¹⁸ Ор. Оп. № 670 (3); Толстой, Три клада, № 17; Рейх. № 355.

Тип II. Л. С. (два варианта) — четырех- или пятистрочная надпись: «Князь великий Иван Васильевич» или человеческая голова в профиль и такая же круговая надпись. О. С. — трехстрочная надпись: «Государь всея Руси». 23 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.43 до 0.20 г.¹⁹ Судя по весу наиболее тяжелых экз., этот тип московок Ивана III чеканился в первой половине его княжения. Несколько экземпляров монет весом 0.20—0.22 г, возможно, являются московками-полуденьгами (четвертцами).

Тип III. Л. С. — ездец в профиль направо, с мечом в правой руке и каким-то продолговатым предметом (щитом?) в левой. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». О. С. — трехстрочная надпись латинскими буквами: «Ornistoteles». 27 экз. Ср. вес 0.34 г, колебания от 0.40 до 0.22 г.²⁰

Карамзин прочел надпись на О. С. как «Aristoteles» и приписал изготовление этих денег известному итальянскому зодчему Аристотелю Фиоравенти, приехавшему в Москву из Италии в 1497 г.²¹ Аристотель, как известно, отличался ярким, многосторонним талантом, причем самое наименование его — Аристотель было прозвищем, полученным за его мастерство: «и хитрости ради его Аристотелем зваху его».²²

Об умении Фиоравенти чеканить монету говорит и то обстоятельство, что в 1473 г. в Риме он был обвинен Болонским правительством в связи с изготовлением фальшивых монет и лишен звания инженера.²³ Эти данные сделали предположение Карамзина вполне убедительным. Оно получило признание многих историков и нумизматов (Чапский, Шодуар и др.). Однако Карамзин неправильно прочел надпись. Чертков, Солнцев, Шуберт и Толстой читали надпись как «Orristoteles» и также считали ее принадлежащей Аристотелю. Только Рейхель и Орешников прочли надпись правильно: «Ornistoteles».²⁴

Бесспорно, что надпись на О. С. есть имя денежника итальянца Орнистотеля. Судя по весу, деньги этого типа чеканены в 70—80-х годах XV в., т. е. именно тогда, когда много итальянских мастеров было вызвано в Москву. Вполне вероятно, что среди них был и денежных дел мастер Орнистотель, тем более, что известен по летописи и другой итальянский денежник при дворе Ивана III — Иван Фрязин.

Тип IV. Л. С. — ездец с саблей (или мечом). Под конем буква О. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич». О. С. — четырехстрочная надпись: «Мастер Александро...» 16 экз. Ср. вес 0.31 г, колебания от 0.37 до 0.20 г.²⁵ Судя по весу, этот тип денег чеканен в 80—90-х годах XV в. Чертков прочел имя мастера как «Александров», Чапский — как «Александро», считая его итальянцем. Мнение Черткова более убедительно, так как мастера-итальянцы чеканили свое имя латинскими буквами, а не русскими. Имена русских мастеров (Офонасьев, Орефьев и др.) часто встречаются на московских и тверских монетах второй половины XV в. и почти всегда в сокращении.

Тип V. Л. С. — ездец с саблей (или мечом) в профиль направо. Под конем звездочка. Круговая надпись: «Князь великий Иван Васильевич».

¹⁹ Ор. Оп. № 665 (9), 666; Ор. Уст. клад. 6 экз.; Шуб. № 284; Чап. № 499, 500; Шод. № 194; Рейх. № 294; Солн. Д. и П. № 100; Сах. № 125.

²⁰ Ор. Оп. № 667 (8); Ор. Уст. клад. 5 экз.; Жизн. № 1395; Толстой. Три клада, № 14; Шуб. № 286 (фр.), № 559; Солн. Д. и П. № 99; Шод. № 203; Чап. № 502; Сах. № 151; Рейх. № 300—305.

²¹ Карамзин. Книга 2, гл. 2, стр. 50.

²² ПСРЛ, IV, стр. 199.

²³ См. Уваров. Древности (Аристотель). МАО, т. VI.

²⁴ Рейх. — примеч. к № 300—305; Ор. Оп. — примеч. к № 667 и ст. А. В. Орешникова «Орнистотель — денежник Ивана III».

²⁵ Ор. Оп. № 668 (6); Ор. Уст. клад. 5 экз.; Жизн. № 1394; Шуб. № 286; Солн. Д. и П. № 98; Шод. № 204; Чап. № 503; Рейх. № 306; Сах. № 156.

О. С.— круговая татарская надпись между двумя линейными ободками: «Это деньга московская». 39 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.35 до 0.31 г.²⁶ Судя по весу, этот тип московок чеканен в конце княжения Ивана III и предназначен для употребления в зависимых от Ивана III татарских землях.

Тип VI. Л. С.— в точечном ободке две семилучевые звезды и розетка. Круговая надпись: «Князь великий Иван». О. С.— в точечном ободке пятилепестковый цветок. Круговая надпись: «Деньга московская». 44 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.37 до 0.31 г.²⁷ Судя по легкому весу и сходству с монетами Василия III, этот тип московок чеканен в конце княжения Ивана III.

Кроме московок, имеется ряд монет безусловно московских великого князя, без имени, только с титулом, но относящихся и по весу, и по изображению, и по стилю именно к Московскому княжеству. Большинство из них чеканено при Иване III, часть — при Василии III. Чеканка монет без имени князя могла быть осуществлена только после окончательного уничтожения удельного чекана и объединения денежного дела в руках московского великого князя, т. е. после 1485 г., года падения самостоятельности Твери.

К безыменным московкам Ивана III относятся:

Тип VII. Л. С.— в линейном или точечном ободке ездец с мечом (или саблей). Под рукой буква О, под конем буква В. О. С.— воин по пояс анфас, в панцире, со шлемом на голове, с мечом в правой руке и со щитом в левой. Круговая надпись: «московско Новгородзор». 54 экз. Ср. вес 0.34 г, колебания от 0.37 до 0.31 г.²⁸ Судя по весу и стилю, эти монеты чеканены после 1478 г., т. е. после потери Новгородом самостоятельности. Буквы «ор» в конце надписи, возможно, являются начальными буквами имени мастера, может быть того же Орнистотеля. Вполне возможно, что эти монеты чеканены в честь присоединения Новгорода к Москве (в походе Ивана III на Новгород мастера, например Аристотель, принимали участие). В нумизматической литературе деньги этого типа получили наименование «дозор».

Тип VIII. Л. С.— в точечном ободке такой же ездец, как и на монетах предыдущего типа. Под конем буква В. О. С.— в линейном ободке четырехстрочная надпись: «Князь великий Иван Васильевич». 1 экз. Вес 0.38 г.²⁹ Полное сходство изображения с предыдущим типом позволяет отнести чеканку к последним годам княжения Ивана III.

Тип IX, вариант 1. Л. С.— ездец О. С.— в линейном ободке пятилепестковый цветок. Круговая надпись: «Осподарь всея Руси». 6 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.42 до 0.27 г.³⁰

Тип IX, вариант 2. Л. С.— то же. О. С.— четырехстрочная надпись: «Государь всея Руси». 11 экз. Ср. вес 0.32 г, колебания от 0.36 до 0.27 г.³¹ Оба варианта IX типа, судя по весу и сходству изображений на О. С.

²⁶ Ор. Оп. № 649 (20); Ор. Уст. клад, 10 экз.; Сах. № 154; Чап. № 501; Жизн. № 1392; Солн. Д. и П. № 96, 97; Шуб. № 283; Шод. № 165; Рейх. № 287, Сах. № 155.

²⁷ Ор. Оп. № 671 (12); Ор. Уст. клад, 16 экз.; Ор. Тверской клад, 9 экз.; Чап. № 497; Жизн. № 1390; Шуб. № 280; Шод. № 196; Рейх. № 271; Солн. Д. и П. № 94; Сах. № 122.

²⁸ Ор. Оп. № 679 (4), 680 (14); Жизн. № 1425; Чап. № 532—535; Шуб. № 302—305; Рейх. № 407—413; Солн. Д. и П. № 114, 115; Шод. № 214; Сах. № 164; Ор. Уст. клад, 15 экз. Чертков прочел надпись как «масковсконовогородзор», Шуберт — «МасковскоНовогородзор», Толстой — «осковскоНовоавоьзор», Орешников, Чапский и Рейхель — «дсцовавоноводозор».

²⁹ С. И. Чижев. Новый тип денег в к. Ивана III. Н. С. I.

³⁰ Ор. Оп. № 689 (4); Ор. Уст. клад, 1 экз.; Толстой. Три клада, № 22.

³¹ Ор. Оп. № 690 (3); Ор. Уст. клад. 3 экз.; Чап. № 527; Сах. № 141, Шуб. № 298; Шод. № 184; Рейх. № 378.

с изображениями на деньгах Василия III, чеканены в конце княжения Ивана III.

Тип X, вариант 1. Л. С.— ездец с мечом (или саблей) направо. Между ногами коня миниатюрная человеческая головка в профиль налево.³² О. С.— по всему полю монеты надпись вязью XV в.: «Государь всея Руси». 73 экз. Ср. вес 0.33 г, колебания от 0.36 до 0.22 г.³³

Тип X, вариант 2. То же, что и на первом варианте, но на Л. С. под конем вместо человеческой головы буква П. 18 экз. Ср. вес 0.31 г, колебания от 0.33 до 0.24 г.³⁴

Тип X, вариант 3 — то же, но под конем буква М. 22 экз.³⁵ Все три варианта X типа, судя по весу и аналогии с монетами Василия III, чеканены в самом конце княжения Ивана III или в начале следующего княжения.

Тип XI. Л. С.— московский ездец с мечом (или саблей) направо. О. С.— погрудное изображение человека анфас, в венке или в круглой шляпе с широкими полями. Круговая надпись: «Осподарь всея Руси». 12 экз. Ср. вес 0.22 г, колебания от 0.30 до 0.27 г.³⁶ Чапский считает, что изображение на О. С. заимствовано с монеты венгерского короля Владислава IV и ссылается при этом на издание его монет в «Hungaria», XXI, 1. Сходство весьма относительное, однако такое заимствование допустимо, так как в эпоху Ивана III и Василия III венгерские монеты имели хождение на Руси. Судя по весу и стилю, данные монеты, как и монеты предыдущего типа, чеканены на рубеже княжений Ивана III и Василия III.

По стилю, характеру изображений и надписей московки Ивана III близки к его новгородкам. В отличие от основной денежной единицы — деньги (новгородки), московки, в особенности после завершения объединения русских земель вокруг Москвы, т. е. с конца XV в., чеканятся без имени московского князя, так как он сделался единственным русским князем, от имени которого могла чеканиться монета. Кроме того, московки, в отличие от новгородок, вообще имеют менее «официальный» характер: на них чеканятся не только контрольные буквы, но и полные имена денежников, и колебания в весе у московок значительно больше, чем у новгородок.

В княжение Ивана III наступает полная стабилизация в чеканке серебряных денег. Они имеются двух видов: новгородки весом 0.80—0.60 г и составляющие их половинную часть — московки весом 0.40—0.27 г. И те и другие чеканятся в Москве, так что наименование их условно и связано с традицией, перешедшей от времени последних годов княжения Василия II, когда вес чеканенных в Новгороде денег (0.80—0.78 г) вдвое превышал вес денег, чеканенных в Москве (0.40—0.31 г). Катастрофическое падение веса денег, имевшее место в предыдущее княжение, полностью приостановлено при Иване III. Чеканка поставлена под строгий контроль — подавляющее большинство монет снабжено контрольными буквами. Падение веса не превышает нормы, обычной для средневековой монетной системы. К концу княжения Ивана III новгородки достигают веса 0.66—0.60 г, а московки — 0.33—0.27 г. Помимо объединения всей русской чеканки в руках московского князя, происходит и унификация монетных изображений. На всех,

³² Иногда и на Л. С. и на О. С.— линейный ободок.

³³ Солн. Д. и П., (примеч. к № 112) считает, что эта надпись «в арабском стиле». Ор. Оп. № 682 (32), 685; Ор. Уст. клад. 33 экз.; Жизн. № 1419; Чап. № 528; Солн. Д. и П. № 112; Шуб. № 299; Рейх. № 384; Шод. № 185; Сах. № 160.

³⁴ Ор. Оп. № 683 (4); Ор. Уст. клад. 8 экз.; Толстой, Три клада, № 29; Жизн. № 1420, 1421 (вариант О. С.— всадник); Шуб. № 300; Шод. № 198; Рейх. № 392.

³⁵ Ор. Оп. № 684 (4); Ор. Уст. клад. 6 экз.; Шод. № 186, 187; Жизн. № 1422—1424; Чап. № 530, 531; Сах. № 161; Рейх. № 393, 394; Шуб. № 301; Солн. Д. и П. № 113.

³⁶ Ор. Оп. № 687 (5); Ор. Уст. клад. 3 экз.; Шод. № 206; Рейх. № 368; Солн. Д. и П. № 118; Чап. № 525.

без исключения, основных единицах — новгородках и на 95%, т. е. на подавляющем большинстве, московок на Л. С. изображен московский ездец. Таким образом, все монетные типы Ивана III представляют по существу различные варианты одного и того же изображения. В противоположность княжению Василия II, когда ездец в основном изображался с копьем и драконом, при Иване III он в подавляющем большинстве (на 689 из 730 денег и полуденег, или на 97%) изображен с мечом или саблей. Установленный при Иване III порядок чеканки серебряных денег и разделение их на две основные единицы — новгородку и московку, а также весовое соотношение между ними продолжали существовать и в княжение его преемника и сына Василия III.

ДЕНЬГИ ВАСИЛИЯ III

Всего серебряных денег Василия III (1505—1533) издано (не считая безыменных московок, рассмотренных в предыдущем разделе) 150 экз.—119 новгородок и 31 московка.

Новгородки Василия III имеют средний вес 0.71 г, колебания от 0.80 до 0.53 г. Все они одного типа и делятся на шесть серий.

Серия 1. Л. С.—ездец с мечом, в профиль направо. Под конем буква О. Круговая надпись: «Князь великий Василий Иванович». О. С.—четырехстрочная надпись: «Осподарь всея Руси». 18 экз. Ср. вес 0.77 г. Все монеты почти одинакового веса.³⁷

Серия 2. То же, но под конем буква Д (в двух начертаниях: Д и Δ). 25 экз. Ср. вес 0.73 г, колебания от 0.77 до 0.69 г.³⁸

Серия 3. То же, но под конем буква Θ. 36 экз. Ср. вес 0.73 г, колебания от 0.80 до 0.69 г.³⁹

Серия 4. То же, но под конем буквы ИВА. 24 экз. Ср. вес 0.70 г, колебания от 0.75 до 0.64 г.⁴⁰

Серия 5. То же. Под конем буква М. 5 экз. Ср. вес 0.60 г. Все монеты одного веса.⁴¹

Серия 6. То же, но без круговой надписи на Л. С. Под конем буква Ж. 1 экз., вес 0.53 г.⁴²

Первые четыре серии, судя по весу, относятся к первой половине княжения Василия III, последние две — ко второй половине.

Московки. Все московки с именем Василия III (издано 31 экз.) — одного типа. Л. С.—в точечном ободке две семилучевые звезды и розетка. Круговая надпись: «Князь великий Василий». О. С.—в центре пятилепестковый цветок. Круговая надпись среди двух линейных ободков: «Деньга московская». Ср. вес 0.34 г., колебания в весе от 0.36 до 0.33 г.⁴³ Судя по весу и сходству изображений с деньгами Ивана III, этот тип московок чеканен в начале княжения Василия III. При Василии III продолжалось последовательное развитие монетно-денежной системы. Официаль-

³⁷ Ор. Оп. № 676 (3); Ор. Уст. клад, 3 экз.; Рейх. № 327—337; Толстой. Три клада, № 11.

³⁸ Ор. Оп. № 673 (3); Ор. Уст. клад, 16 экз.; Рейх. № 328; Чап. № 517; Жизн. № 1403; Солн. Д. и П. № 120.

³⁹ Ор. Оп. № 675 (10); Ор. Уст. клад, 18 экз.; Чап. № 516; 518; Жизн. № 1402; Шуб. № 313; Шод. № 223; Рейх. № 329; Сах. № 170; Солн. Д. и П. № 120.

⁴⁰ Ор. Оп. № 677(7); Уст. клад, 11 экз.; Чап. № 519; Шуб. № 312; Шод. № 222; Рейх. № 337; Сах. № 167; Солн. Д. и П. № 119.

⁴¹ Ор. Оп. № 674; Ор. Уст. клад., 2 экз. (варианты); Солн. Д. и П., стр. 97, № 120—3; Толстой. Три клада, № 11.

⁴² Ор. Оп. № 678.

⁴³ Ор. Оп. № 672 (17); Уст. клад, 5 экз.; Чап. № 478; Толстой. 3 клада, № 19. Жизн. № 1382; Шуб. № 269; Шод. № 151; Рейх. № 269; Сах. № 11; Солн. Д. и П. № 55.

ная монетная стопа, судя по весу наиболее тяжелых экземпляров, и для Ивана III и для Василия III оставалась неизменной. Произошло только незначительное уменьшение среднего веса новгородок — с 0.74 до 0.71 г, т. е. снижение вполне нормальное и закономерное. Судя по весу монет, во второй половине княжения Василия III темп падения веса денег ускорился. Ни одна из монет Василия III не имеет татарских надписей, что объясняется повсеместным распространением русской денежной системы. Русские деньги становятся широко известными. Установлено единообразие изображений и надписей. Все новгородки Василия III отличаются только контрольными буквами, которые имеются на всех без исключения монетах и свидетельствуют о строгом контроле над чеканкой. Московский ездец и титул. «Осподарь всея Руси» прочно утверждаются на московских монетах.

Основой монетной стопы в Московском великом княжестве с самого начала чеканки служил серебряный рубль — слиток, представлявший собой в период своего зарождения половину скаловой весовой гривенки в 48 зол., или одну четверть русского фунта. Вес этого рубля-слитка постепенно понизился со 102.378 г. (24 зол.) до 97.5 г в начале XIV в. В связи с началом чеканки денег и клеймением вес рубля-слитка понизился со второй половины XIV в. до 92 г. Клейменный рубль-слиток весом 92 г стал соответствовать по весу и ценности рублю, состоящему из 100 денег весом каждая 0.92 г.

В течение второй половины XIV и первой половины XV в., в связи с постепенным падением веса денег появился и все более возрастал разрыв между фактическим весом и фактической ценностью рубля-слитка и денежного рубля. Денежный кризис второй четверти XV в. довел этот разрыв до того, что рубль-слиток стал фактически соответствовать уже не 100, а 200 московским деньгам. Из-за архаичности рубля-слитка при широко развитой монетной системе он к середине XV в. прекратил свое существование и вследствие неустойчивости своего веса перестал быть основой монетной стопы.

В связи со стабилизацией денежной системы со второй половины XV в. в конце княжения Василия II должна была появиться новая основа монетной стопы, отличающаяся неизменными весовыми данными. Нет никаких оснований предполагать, что в развивающейся денежной системе принципиально изменилась основа монетной стопы. Наиболее естественным было восстановление прежней монетной стопы — части русского фунта — гривенки, но уже в качестве неизменной весовой категории, а не устаревшего и подверженного колебаниям в весе рубля-слитка.⁴⁴

Основой монетной стопы должна была стать и стала неизменная весовая единица — скаловая, весовая гривна, весом в одну вторую часть фунта, или 204.756 г. Этот переход к весовой гривне в качестве основы монетной стопы (или, вернее, восстановление ее после денежного кризиса и уничтожения рубля-слитка) должен был совершиться при стабилизации московской денежной системы в последние годы княжения Василия Темного. Однако ввиду отсутствия указания письменных источников этот вывод для княжения Василия Темного является пока гипотетическим.

⁴⁴ В первой четверти XVI в. рубли-слитки упоминаются в летописях как древние, существовавшие много лет назад. Новгородская летопись (ПСРЛ, IV, стр. 541) под 1524 г. сообщает, что во время ремонта церкви святой Параскевы Пятницы на торговой стороне «начаша в левом крыле церковном почишавати и понеже преже были голбцы во крылах, и начаша голбцы разрушати, якобы церкви пространство имети, и начаша помост возрывать, и ту обратоша сокровище, от много лет сокровенно, а не могущу никому ведати о[т]коле се бысть; а сокровище сребра древних рублев новгородских литых сто и семьдесят, а полтин литых же четыре десять и четыре. И поведоша сия наместником Великого Новгорода и велможам, они же приехавши видевши сия, и повелеша вложити в сосуд и запечаташа».

В княжение Ивана III был восстановлен нормальный, докризисный вес московских денег, соответствующий весу новгородских денег, получивших хождение в московских землях в связи с присоединением Новгорода к Москве. Таким образом был восстановлен стопденежный рубль. Эти деньги весом 0.80—0.78 г — и новгородки, и соответствующие им по весу чеканившиеся в Москве деньги — получили общее наименование «новгородки». Одновременно, как показывает нумизматический материал, продолжалась чеканка московских денег того веса, которым они обладали к 1450 г. — началу стабилизации московской денежной системы, т. е. 0.40—0.32 г. За этими деньгами, игравшими роль полуденьги по отношению к новгородке, закрепилось название «московок», или «московских денег». Обе эти денежные единицы входили в единую московскую денежную систему и находились между собой в соотношении 2 : 1.

Основная денежная единица — новгородка весом 0.80—0.78 г и ее половинная часть — московка весом 0.40—0.34 г должны были, разумеется, иметь общую основу монетной стопы, роль которой играла весовая гривна 204.756 г. Для эпохи Ивана III и Василия III об этом имеется ясное и бесспорное указание письменных источников.

В Новгородской IV летописи в сообщении о денежной реформе 1535 г. имеется следующее показание: «А по указу отца его великого князя Василия Ивановича (Василия III.— Г. Ф.) всея Руси ис тое же гривенки делали полтретья ста денег новгородских и 10, а в московское число полтретья рубля з гривною, а при великом князе Василье Ивановиче бысть знамя на деньгах князь Великий на коне, а имея мечь в руке». Другие летописи существенно дополняют это указание. Львовская летопись под 1535 г.⁴⁵ сообщает: «...а в старых деньгах в добрых, в новгородских и в московских в гривенке полтретья рубля с гривною», т. е. утверждает равенство новгородок и старых, «добрых», т. е. докризисных московок, вес которых как показывает нумизматический материал, был восстановлен Иваном III. Софийская II летопись⁴⁶ называет гривенку скаловой, т. е. весовой, уточняя, таким образом, что основой монетной стопы была именно весовая гривенка весом 204.756 г.

Из приведенных свидетельств летописей явствует, что сущность указа Василия III заключалась в следующем:

1. Основой монетной стопы и для новгородских и для равных им по весу московских денег (вес восстановлен Иваном III) была скаловая, т. е. весовая, гривна, или одна вторая часть фунта.

2. Из этой гривны весом 204.756 г должны были выделять 260 новгородок, что по московскому счету составляло 2.5 рубля плюс гривна, т. е. 10 денег-новгородок или 20 полуденег-московок.

3. Следовательно, по московскому счету («в московское число») в рубле было сто новгородок (или московок нормального, восстановленного Иваном III веса, также называвшихся «новгородками»), так как при делении 260 новгородок на 2.5 рубля плюс 10 денег или 250 новгородок на 2.5 рубля получается именно такое число. Московский рубль из 100 денег полноценного новгородского веса (0.80—0.78 г) был восстановлен.

4. При делении веса гривны — 204.756 г на количество чеканившихся из нее денег-новгородок получается нормальный вес новгородки — 0.78—0.79 г. Этот вес точно совпадает с фактическим весом новгородок, чеканившихся в Москве при Иване III и Василии III. Так как вес полноценных денег Ивана III и Василия III совпадает, и этот нормальный вес был восста-

⁴⁵ ПСРЛ, т. XX.

⁴⁶ Там же, т. VI, стр. 296. Те же сведения, но менее точные, — в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VIII, стр. 289). «... а в старой гривенке было полтретья рубли...», а также в Никоновской летописи

новлен при Иване III, то вполне очевидно, что вся эта реформа была осуществлена именно в его княжение. Реформированная при Иване III и существовавшая при Василии III единая русская денежная система Московского государства может быть представлена в следующей таблице:

| Рубль | Новгородка | Московка |
|---|---|--|
| Вес 80—78 г = 100 новгородок = 200 московок | Вес 0.80—0.78 г = 2 московки = 0.01 часть рубля | Вес 0.40—0.34 г = $\frac{1}{2}$ новгородки = $\frac{1}{200}$ часть рубля |

Провинциальный новгородский счет может быть выражен в следующей таблице:

| Новгородский рубль | Новгородская деньга |
|--|--|
| Вес 182—184 г = 216 новгородок = 232 московки = 2 московских рубля | Вес 0.80—0.78 г = $\frac{1}{216}$ часть новгородского рубля = 2 московки |

Сохранение отдельного новгородского рубля было только следствием пережиточной традиции, создавшейся в период феодального раздробления Руси. Московские князья стремились уничтожить существование отдельных денежных единиц и свели их в единую и простую денежную систему. Первой серьезной реформой в этом направлении было проведенное Иваном III восстановление 100-денежного московского рубля с включением в него новгородки в качестве деньга и московки в качестве полуденьга, а также установление твердой основы монетной стопы — гривенки скаловой, весом 204.756 г. Эта реформа была проведена с большой осторожностью и с учетом фактически существовавших денежных единиц — новгородок и московок, причем вес их и соотношение между ними были сохранены.

В княжения Ивана III и Василия III все процессы эволюции московской и удельной денежных систем достигли своего логического завершения. Московская денежная система, укрепленная и стабилизированная под главенством Москвы, охватила всю территорию Древней Руси и завоевала монопольное положение. Вес монет, изображения и надписи приобрели устойчивость и единообразие. Изображения и надписи отражали создание и укрепление единого Московского государства, возросшую власть московского великого князя и превращение его в государя земли русской.

Русские монеты приобрели ярко выраженный национальный характер и полностью освободились от подражания татарским надписям. На немногих монетах, на которых печатались татарские надписи, они имели значение прямо противоположное начальному и предназначались для зависимых от Ивана III татарских земель. Именно на монетах (медных) появился впервые двуглавый орел, сделавшийся затем гербом Русского государства, отражавшим всемирно-историческое значение Москвы, как преемника политического и культурного наследия Византии.

Московская денежная система отличалась широким развитием и большим количеством дифференцированных денежных единиц, при помощи которых могли быть произведены любые платежные операции. Была сделана попытка чеканки золотых монет. Серебряные деньги, служившие основными

денежными единицами, имели две категории: новгородки и московки (полуденьги). Кроме них, для мелких расчетов чеканилась находившаяся в определенном соотношении с серебряными деньгами (1:64) медная монета «пуло», также разделявшаяся, по крайней мере, на две денежные единицы, которые находились в определенном соотношении одна с другой (1:3).

В тесной связи с политическими и военными успехами, объединением русских земель вокруг Москвы и созданием Московского государства находится и топография кладов монет Ивана III и Василия III. Топография кладов монет Василия II показала значительное расширение района экономического влияния Москвы, которое, однако, охватывало в основном удельные княжества и вне их увеличивалось по направлению только на северо-восток, захватив великое Суздальско-Нижегородское княжество и часть татарских земель.

Совершенно иным становится экономическое влияние Москвы при Иване III и Василии III. Прежде всего, почти в три раза возросло (по сравнению с Василием II) количество кладов московских монет (Василия Темного — 9, а Ивана III — 27), колоссально расширился район экономического влияния Москвы. Семь кладов найдено в самой Москве и на территории собственно Московского великого княжества.⁴⁷ Московские монеты распространялись по всем направлениям, причем топография кладов дает возможность сделать важный вывод о том, что экономическое завоевание новых областей предшествовало или, во всяком случае, происходило одновременно с завоеванием военным и политическим.

В 1480 г. была установлена фактическая власть Ивана III над Казанью, и три клада монет Ивана III найдено в Казани, свидетельствуя о широком проникновении в татарские земли московской денежной системы.⁴⁸ В 1471 г. новгородцы потерпели жесточайшее поражение в Шелонской битве, а в 1478 г. Новгород был окончательно включен в состав Московского государства. Именно при Иване III московские монеты, притом в значительном количестве, проникают в Новгород и новгородские земли.⁴⁹ В 1485 г. происходит падение самостоятельности Твери, и московские монеты проникают в тверские земли, причем в сферу распространения их включена и сама Тверь.⁵⁰ Иван III вел длительную борьбу за Смоленск, закончившуюся уже при сыне его Василии III присоединением Смоленска к Московскому государству в 1514 г., и московские монеты проникают в Смоленск.⁵¹ В сферу распространения московских монет включаются и псковские и рязанские земли, полное присоединение которых к Москве происходит именно в эпоху Ивана III и Василия III.⁵² Помимо этого, московские монеты широко распространяются на юг,⁵³ доходя до Черниговской области.

⁴⁷ Ильин. Топогр. кладов. Клад № 41, Моск. обл., Богородицкий у., дер. Мшинево; клад № 45, Москва; № 49, Москва; № 50, Моск. обл., близ Чесменского пруда; № 48, Москва; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 300; клад № 11, Владимирская обл., Муромский у., дер. Новые Котлицы; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. Сообщ. ГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 299, клад № 26; Московск. губ. Мещовский уезд, дер. Тимошаева — монеты: Василия II, Ивана III и Василия III.

⁴⁸ Ильин. Топография кладов. Клады № 16, 17, 18 в гор. Казани.

⁴⁹ Там же. Клад № 10 близ Вятки, дер. 2-я Аршинская; клад № 62, гор. Новгород; клад № 70, близ Гдова, дер. Малые Рожки; Р. Р. Фасмер, ук. соч. т. I, стр. 297, клад № 6, Старая Ладога; стр. 298, клад № 10 — Новгород.

⁵⁰ Там же. Клад № 144, Тверь; клад № 137, 140, 141 в гор. Старице.

⁵¹ Там же. Клад № 109, гор. Смоленск.

⁵² Там же. Клад № 79, гор. Псков; № 95, с. Козари, ю.-в. Рязани, и клад № 96, с. Морозовы-Горки, ю.-в. Рязани; Р. Р. Фасмер, указ. соч. т. I, стр. 297, клад № 9, Торопецкий уезд, Псковск. губ.

⁵³ Там же. Клад № 104, с. Рынок близ Сталинграда (то же. Тр. Саратов. уч. арх. ком. за 1915 г., вып. 32, стр. 162); клад № 148, с. Павловки, ю.-в. Тулы; клад № 151, с. Гордеевка, с.-в. Чернигова.

В княжение Василия III все старые районы экономического влияния Москвы закрепляются;⁵⁴ московские монеты в большом количестве проникают в бывшие новгородские колонии — вятские и вологодские земли, окончательно закрепленные за Москвой при Василии III.⁵⁵

Возросшая и окрепшая московская монетная система при Иване III и Василии III, отражая ликвидацию феодальной раздробленности, распространилась по всей территории единого Московского государства. В район экономического влияния Москвы оказались включенными все земли, объединенные под властью московского государя. Нумизматические данные в сочетании с данными топографии кладов дают яркое отражение борьбы за соби́рание русских земель и победоносного завершения ее, выразившегося в создании единого Русского государства.

Список сокращений к статье «Московские деньги...»

- Долг.—С. В. Долгоруков. Описание неизданных русских монет. Записки Археол. общества, т. III, СПб., 1851, стр. 33—50.
- Жизн.—А. К. Жизневский. Описание Тверского музея, Тверь, 1888.
- Ильин, Топогр. кладов—А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода, Ленинград, 1924.
- Корзинкин—А. А. Корзинкин. Материалы по русской нумизматике, М., 1893.
- Л. С.—Лицевая сторона.
- Н. С. I—Нумизматический сборник, т. I, М., 1911.
- Ор. Оп.—А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г., М., 1896.
- Ор. Уст. клад—А. В. Орешников. Устюженский клад. Труды Московского нумизматического общества, т. II.
- О. С.—Оборотная сторона.
- Рейх.—Я. Я. Рейхель. Die Reichliche Münzsammlung in St. Petersburg, СПб., 1842 и «Дополнение к русской нумизматике среднего века». Записки Археологического нумизматического общества, т. II, СПб., 1849, стр. 20—42 и 61—77.
- Савельев—П. Савельев. Монеты джунидов, джагатаев... Тр. Вост. отделения Археол. общества, ч. III, СПб., 1858.
- Сах.—И. Сахаров. Летопись русской нумизматики, изд. 2, СПб., 1851.
- Солн. Д. и П.—Д. П. Солнцев. Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные, М., 1860—1862.
- Солн. Нум. иссл.—Д. П. Солнцев. Нумизматические исследования славянских монет, ч. I, М., 1865; ч. II, М., 1867.
- Толстой. Три клада—И. И. Толстой. Три клада русских денег XV и нач. XVI в. Записки Археол. общества. т. IV. Новая серия, СПб., 1890, стр. 30—49.
- Чап.—Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси, М., 1875.
- Шод.—С. Шодуар. Обзорение русских и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, т. I—II, СПб., 1835—1841.
- Шуб.—Ф. Ф. Шуберт. Описание русских монет и медалей собрания генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта, СПб., 1843 (фр.)—Monnaies et médailles russes, Leipsic, 1858.

⁵⁴ Там же. Клад 22, дер. Кибич, с.-в. Казани; № 32, дер. Кулешево, ю.-в. Калуги; № 33, дер. Сукромля, с.-в. Калуги; № 35, Галич, с.-в. Костромы; № 61, Крестцы, ю.-в. Новгорода; № 64, гор. Новгород; № 134, дер. Старица, ю.-в. Твери; № 152, с. Дариевичи, с.-в. Чернигова. Р. Р. Фасмер, ук. соч., т. I, стр. 299, клад № 26, дер. Тимошаева, Моск. обл.; клад № 28—гор. Трубчевск, Орлов. обл.

⁵⁵ Там же. Клад № 8, дер. Исакова, с.-в. Вологды; № 11, с. Таборы, сев. Вятки; № 12, с. Таборы, там же; № 149, дер. Шагануар, юж. Вятки; № 15, р. Пижма близ гор. Яренска, юж. Вятки. Всего кладов Василия III—14.

П. А. РАППОРТ

ОЧЕРК ХРОНОЛОГИИ РУССКОГО ШАТРОВОГО ЗОДЧЕСТВА

История русского каменного шатрового зодчества представляет собой поразительную по яркости и своеобразию картину. Появившись в первой половине XVI в., каменные шатровые храмы продолжали строиться лишь немногим более столетия и уже в середине XVII в. подверглись патриаршему запрету. Но, несмотря на сравнительно кратковременный период развития, шатровое зодчество обогатило русское искусство подлинными шедеврами, выделяющимися совершенством своих форм и яркостью образа даже среди лучших произведений русской архитектуры.

Несмотря на то, что эти памятники уже издавна привлекали внимание исследователей, история развития русского шатрового зодчества изучена еще недостаточно. Наибольший интерес вызывало происхождение каменных шатровых памятников. Впервые решение этой проблемы дал еще Забелин, отметивший несомненную зависимость каменных шатров от народного деревянного зодчества.¹ Отдельные попытки установить зависимость шатровых памятников от западноевропейской архитектуры оказались совершенно неубедительными,² и в настоящее время происхождение каменных шатровых памятников от народных форм деревянного зодчества уже не вызывает сомнений.³

Значительно менее разработан вопрос о дальнейшей судьбе шатрового зодчества. Правда, еще Л. В. Даль, а за ним Н. В. Султанов и другие исследователи установили в общих чертах время, когда церковные власти запретили дальнейшее строительство шатровых церквей.⁴ Однако произошел ли при этом внезапный перелом в строительстве или же еще раньше начался упадок шатрового зодчества и вытеснение его другими архитектурными типами,— до сих пор еще не выяснено.

Некоторые исследователи считают, что в конце XVI в. в развитии русского зодчества происходит поворот, выдвинувший на первое место старые архитектурные формы взамен шатров; таким образом, именно этот период

¹ И. Е. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900, стр. 108; см. также А. В. Арциховский. Забелин-археолог. Историко-археол. сб., М., 1948, стр. 10.

² А. И. Некрасов. Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов. Тр. кабинета истории материальной культуры I МГУ, V, М., 1930, стр. 45.

³ М. А. Ильин. Русское зодчество XVI столетия. КСИИМК, вып. XIII; Н. Н. Воронин. Памятники русской архитектуры и их охрана, М., 1944, стр. 32; М. М. Рязанин. Русская архитектура, М., 1947, стр. 34; Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства, 1946, стр. 119.

⁴ Н. В. Султанов. Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям. Тр. V Археол. съезда, М., 1887.

и является временем, когда начинается упадок каменного шатрового зодчества.⁵

Несомненно, что правильное решение этого вопроса может быть получено только установлением хронологической последовательности строительства шатровых памятников. Между тем значительная часть шатровых церквей до сего времени не изучена, и датировка их во многих случаях даже приблизительно не установлена. В литературе до сих пор не было попыток изучить последовательность строительства церквей шатрового типа хотя бы по известным датированным памятникам. Поэтому хронологический обзор каменных шатровых памятников совершенно необходим для дальнейшего изучения этого замечательного явления в истории русской архитектуры.

* * *

Вопрос о ранних шатровых памятниках еще мало разработан. Имеются указания на то, что в каменном гражданском зодчестве шатры применялись уже в XV в.⁶ В первой половине XVI в. появляются и каменные шатровые церкви. Существует предположение, что шатровыми были церкви в Спасо-Каменном и Песношском монастырях, а также Никольская церковь в Ивангороде.⁷ Однако это предположение не может еще считаться полностью доказанным. Более достоверным памятником является Покровская церковь Александровской слободы, хотя датировка ее первой половиной или началом XVI в. еще требует подтверждения. Ранее принятая датировка этого памятника основывалась на том, что в одном сборнике XVI в. под 1513 г. было записано: «в новом селе Александровском священа бысть церковь Покров святыя богородицы, тогда же князь великий и во двор вшел».⁸ В настоящее время некоторые исследователи считают это указание относящимся не к шатровой Покровской церкви, а к Троицкому собору Александровской слободы, ранее носившему название Покровского.⁹ Обследование Покровской церкви показало, что сомкнутый свод под ее шатром оказался более поздним, а после его разборки в самом шатре были обнаружены фрески, судя по стилю относящиеся к началу XVI в.¹⁰ Памятник этот требует еще дальнейшего изучения и пока не может считаться точно датированным.

Построенные в первой половине XVI в. церкви Григория Армянского в Хутыньском монастыре и Иоанна Предтечи в с. Дьяково являются типологически совершенно иными — столпообразными церквями, поэтому, несмотря на большое композиционное сходство и несомненную идейную близость, они не должны рассматриваться как собственно шатровые памятники.¹¹

Первым точно датированным памятником шатрового зодчества является церковь Вознесения в с. Коломенском, построенная в 1530—1532 гг. Церковь эта была освящена 3 сентября 1532 г., причем освящение было отмечено летописцем как крупное событие: «свершена бысть в Коломенском церковь камена Възнесение господа бога и спаса нашего Иисуса Христа; бе же церковь та велми чудна выотою и красотою и светлостью: такова не бывали преже сего в Руси».¹²

⁵ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, М., 1936, стр. 289; М. А. Ильин. Указ. соч., стр. 169.

⁶ М. А. Ильин. Из истории гражданского зодчества ранней Москвы. КСИИМК, вып. XIV, стр. 90.

⁷ А. И. Некрасов. Проблема происхождения..., стр. 35—38.

⁸ Леонид. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского монастыря в гор. Александрове, СПб., 1884, стр. 5.

⁹ Доклад М. К. Каргера в ГАИМК в 1925 г.; Н. В. Малицкий. К вопросу о датировке Тверских врат Александровской слободы. ИГАИМК, т. V; Н. Воронин и М. Ильин. Древнее Подмосковье, М., 1947, стр. 38.

¹⁰ А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 21.

¹¹ Н. Н. Воронин. Хутынский столп. СА, вып. 8. М.—Л., 1946.

¹² ПСРЛ, т. XIII, стр. 62.

Следующая известная нам датированная шатровая церковь была построена только двадцать лет спустя, в 1552 г. Это — Успенская церковь Брусенского монастыря в Коломне, дата которой отмечена в сохранившейся каменной надписи.¹³

Еще через пять лет, в 1557 г., была построена Сергиевская церковь Богоявленского монастыря в Московском кремле.¹⁴ В начале XIX в. эта церковь была уничтожена, но сохранился ее рисунок, сделанный в XVII в., довольно реалистически передающий ее формы.¹⁵

Никитская церковь в Елизарове (близ Переяславля-Залесского) была построена воеводой Алексеем Басмановым, и «над жертвенником» в ней имелась надпись с именами людей, погибших под Казанью, с завещанием их помянуть.¹⁶ Очевидно, постройка этой церкви должна была быть совершена вскоре после взятия Казани, т. е. еще в 50-х или в начале 60-х годов XVI в.

Во второй половине 50-х годов XVI в. в честь Казанской победы строится памятник, в значительной степени определивший собой весь дальнейший процесс развития шатрового зодчества, — церковь Покрова на Рву в Москве, иначе называемая собором Василия Блаженного.¹⁷ Строительство церкви, начатое, видимо, в 1555 г., было закончено в 1559 г.: «В лето 7068 месяца октября в 1 день, освящена бысть церковь Макарием митрополитом всея Руси, со множеством священного собора, иже поставлена премудро и дивно разные церкви на едином основании, надорвом близь Фроловских ворот...».¹⁸

Несколько позже, в 1558—1561 гг., была построена церковь Бориса и Глеба в Старице. В 1803 г. она была уничтожена, но перед этим был сделан ее схематический обмер и тогда же была записана изразцовая надпись под ее карнизом, дающая точную датировку памятника.¹⁹

Две шатровые церкви — Алексея митрополита и Покровская — существовали в Солотчинском монастыре близ Рязани. Обе они уже давно уничтожены, причем Алексеевская церковь известна нам по сохранившимся изображениям, а Покровская — лишь по кратким упоминаниям. Церкви эти были построены по завещанию коломенского епископа Феодосия (умершего в 1560 г.), как это видно из записи в приходе-расходной книге монастыря.²⁰ Обе эти церкви построены, вероятно, в начале 60-х годов XVI в.²¹ Несколько менее определена датировка Козьмодемьянской церкви в Муроме, сохранившейся в полуразрушенном виде до настоящего времени. При разборке престола в этой церкви были обнаружены древние антимины, относящиеся к 1541, 1565 и 1618 гг. Сопоставление этих дат с историческими событиями, а также анализ форм самого памятника делают наиболее правдоподобным вывод, что антиминос 1541 г. принадлежал еще деревянной церкви, а каменная церковь была построена в 50—60-х годах и освящена в 1565 г.²²

¹³ Текст этой надписи: «Лета 7060-го поставлена бысть сия церковь Успения пресвятая богородицы при благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче и при епископе коломенском Феодосии». Впрочем, полной уверенности, что данная плита с надписью первоначально относилась именно к этой шатровой церкви, не имеется.

¹⁴ Е. Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский, М., 1909, стр. 339.

¹⁵ Рисунок опубликован у И. Грабаря (История русского искусства, т. II, стр. 71). Очень схематичные изображения этой же церкви имеются на планах Москвы нач. XVII в. (см., например, С. П. Бартенев. Московский кремль в старину и теперь, М., 1912, т. II, стр. 36, 46, 58, 263).

¹⁶ ИАК, вып. 26, стр. 86; В. Г. Добронравов. Историко-статистич. описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. II, стр. 147.

¹⁷ ПСРА, т. XXI, стр. 651.

¹⁸ Там же, стр. 674.

¹⁹ Тр. II Обл. тверского археол. съезда, Тверь, 1906, отд. 2, стр. 460.

²⁰ Македоний. Солотчинский монастырь, Рязань, 1886, стр. 24.

²¹ Публикация этих памятников подготовлена автором к печати.

²² Н. Н. Воронин. К истории русского зодчества XVI в. (Бюро по делам аспирантов ГАИМК, Сб. 1, Л., 1929, стр. 88). За более раннюю датировку высказывается только Монгайт (А. Л. Монгайт. Муром, М., 1947, стр. 11).

К 60-м же годам (вероятнее всего к 1565 г.) относится постройка церкви-колокольни в Александровской слободе.²³

Еще позже была построена в Рязани церковь Николая Чудотворца, по прозвищу «Долгошея», о которой в описи 1568 г. сказано, что она еще «не доделана».²⁴ Церковь известна нам по сохранившимся фотографиям.

В 1570 г. была построена Введенская церковь трапезной Успенского монастыря в Старице, сооруженная Иваном Грозным в память смерти сына.²⁵ Постройкой этого памятника заканчивается первый период строительства шатровых церквей. Шатровых памятников 70-х годов XVI в. нам совершенно не известно; первые шатровые церкви, построенные после этого перерыва, относятся уже к середине 80-х годов. Наличие такого перерыва в шатровом строительстве объясняется, повидимому, не какими-либо идеологическими причинами, а исключительно экономическими трудностями, связанными с «кризисом» 70—80-х годов, когда строительные возможности резко уменьшились. В это время не строились не только шатровые церкви, но и вообще почти совершенно прекратилось монументальное каменное строительство во всей России. С середины же 80-х годов начинается некоторое оживление каменного строительства и одновременно с этим возобновляется строительство и шатровых памятников.

Очевидно, к 1584 г. относится постройка церкви Петра митрополита в Переславле-Залесском. В церкви еще в XIX в. хранились два древних антиминса, относившихся к 1584 и 1599 гг.²⁶ Можно предполагать, что первый антиминс относится ко времени постройки, а второй указывает какую-то перестройку или ремонт церкви. Местная традиция также относилась постройку этой церкви ко времени Ивана Грозного. Через несколько лет после этого была построена Преображенская церковь в с. Спасском (Тушино). Первоначально эта церковь называлась во имя Андрея Стратилата и упомянута в описи 1584—1586 гг.: «да церковь камена святого мученика Ондрея Стратилата, ставят ново, не доделана». В конце XVII в. соседняя церковь Спаса-Преображения была уничтожена, и ее престол был перенесен в шатровую Андреевскую церковь, которая в связи с этим была переименована в Спасскую.²⁷ Церковь эта в настоящее время уже не существует, но сохранились ее изображения и чертежи.

В 90-х годах XVI в. количество шатровых церквей несколько увеличивается. В 1592 г. «царем и великим князем Тверским» Симеоном Бекбулатовичем была построена церковь Смоленской богородицы в с. Кушалино.²⁸ К тому же году относится постройка Богоявленской церкви в вотчине Бориса Годунова — Красном Селе. Правда, документально эта дата не удостоверяется, но она была записана в клировых ведомостях церкви и полностью подтверждается всеми историческими данными.²⁹

Георгиевская церковь трапезной Владычного монастыря в Серпухове также не имеет никаких прямых данных для ее датировки, но связь собы-

²³ Леонид. Указ. соч., стр. 80—82; Н. Воронин и М. Ильин. Древнее Подмосковье, стр. 40.

²⁴ И. Ф. Диттель. Святыня, древности и достопримечательности гор. Рязани. ЧОИДР, 1859, кн. 3, отд. 1, стр. 130.

²⁵ Арсений. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря, Тверь, 1896, стр. 10—11.

²⁶ П. В. Ильинский. Петромитрополитская церковь в гор. Переславле-Залесском. Тр. Владимирской Ученой архивной комиссии, кн. VI, стр. 95, Владимир, 1904.

²⁷ Г. Есипов. Тушинский вор. Русские достопамятности. Изд. Мартынова, М., 1877, т. I, разд. IX; И. Ф. Токмаков. Село Спас-Тушино, М., 1905.

²⁸ С. С. Чижев. Памятник шатровой архитектуры конца XVI в. Ежегодник Музея архитектуры, 1, М., 1937, стр. 149.

²⁹ А. И. Некрасов. Костромской край в истории древне-русского искусства. Тр. Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXX (Третий исторический сборник), стр. 99 и 103; И. Грабарь. История русского искусства, т. II, стр. 96.

тий 1598 г. (когда войско Годунова стояло в Серпухове для отражения татар) с историей монастыря позволяет предположить, что церковь была построена непосредственно после этих событий, т. е. в 1599 г. Это подтверждается также идентичностью строительной техники и близостью архитектурных форм Георгиевской церкви с надвратной церковью того же монастыря, относительно которой эта дата документально засвидетельствована.³⁰ К 1600 г. относится постройка Никольской церкви б. Покровского монастыря в Балахне. Относительно этой церкви мы также не имеем документального подтверждения даты ее постройки, но в нескольких сочинениях авторы, основываясь, видимо, на церковных летописях (в настоящее время утерянных), называют дату — 1600 г.³¹ Эта дата подтверждается еще рядом косвенных данных.

Завершает серию шатровых церквей XVI в. замечательная Борисоглебская церковь в Борисове-Городке. Церковь эта уничтожена в начале XIX в., однако сохранилось несколько ее описаний, рисунки и даже чертежи. Освящение церкви было произведено в 1603 г. в присутствии самого царя Бориса и его семьи.³²

Бурные события «Смуты» более чем на десятилетие полностью приостановили всякое каменное строительство в России. Только в 20-х годах XVII в. вновь начинается некоторое оживление строительства, и начинается новый период в развитии шатрового зодчества.

* * *

В процессе своего развития шатровое зодчество претерпело значительные изменения, как типологические, так и стилистические. Четкое разделение на периоды, отграниченные перерывами в строительстве, позволяет отчетливо определить особенности шатровых памятников на различных этапах их истории.

Во всех шатровых памятниках XVI в. основой композиции является шатер, который подчиняет себе всю постройку; создавая динамику масс, устремленную кверху, он обеспечивает исключительное единство всей композиции здания. Несмотря на это, памятники первого периода (т. е. 50—60-х годов XVI в.) отличаются очень большим разнообразием композиционных приемов. Наряду с одношатровыми строятся и такие памятники, где вокруг центрального шатра расположены завершенные главы «столты» (собор Василия Блаженного) или небольшие боковые шатры (церковь Бориса и Глеба в Старице). Особенно разнообразны планы шатровых церквей первого периода, — здесь встречаются и квадратные постройки с 1 или 3 абсидами, и постройки восьмиутельные, и крестообразные. Декоративное оформление этих церквей обычно включает очень сочную профилировку, дающую сильную игру светотени и создающую общее живописное впечатление.

Шатровые памятники второго периода (80—90-е годы XVI в.) отличаются гораздо большей стандартностью.³³ Единство композиции в них становится еще более строгим, и боковые шатры уже совершенно не применяются, а боковые главы (в Красном Селе и в Кушалине) имеют очень незначительный размер. Планы подавляющего большинства церквей этого

³⁰ В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского Владычного монастыря, М., 1866, стр. 127.

³¹ Волга от Твери до Астрахани. Изд. Об-ва «Самолет». СПб., 1862, стр. 151; Ф. Рерберг. Балахна. Светильник, 1915, № 9—12, стр. 10.

³² П. Раппопорт. Годуновская церковь в Борисове-Городке. КСИИМК, вып. XVIII.

³³ П. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в. КСИИМК, вып. XXV.

периода имеют один и тот же тип — квадрат с тремя абсидами. Декоративное их убранство отличается очень малой рельефностью профилировки и графичностью. Завершение основной части здания — четверика — почти во всех шатровых храмах этой поры, в отличие от более ранних памятников, имеет традиционную форму трех закомар, хотя в шатровых постройках закомары являются часто декоративным мотивом, так как не отвечают внутренней структуре здания. В этом приеме нельзя не видеть попытки вернуться к традиционной схеме оформления крестовокупольных церквей. Наконец, в шатровых памятниках второго периода появляется своеобразный прием убранства основания шатра одним рядом маленьких кокошников.

Выяснение основных архитектурных особенностей шатровых памятников 1 и 2 группы дает возможность ориентировочно датировать еще несколько шатровых церквей, относительно времени постройки которых никаких данных не имеется.

Так, несомненно, к 50—60-м годам XVI в. относится постройка Воскресенской церкви в с. Городня, упоминаемой в документах не ранее 1577 г.³⁴ Как плановое решение, так и стилистические особенности определяют эту церковь как один из ранних памятников шатрового зодчества. К тому же раннему периоду, возможно, относится и Преображенская церковь в с. Остров, относительно которой письменные свидетельства имеются только с XVII в. Исследование этого памятника показало, что его нижняя часть относится к еще более раннему времени, возможно к самому началу XVI в.³⁵

В писцовой книге 1577 г. впервые упоминается Ильинская церковь в с. Прусы.³⁶ Сам памятник был значительно переделан в XVII в., однако некоторые особенности сближают его с шатровыми памятниками 50—60-х годов. Характерной особенностью этой церкви является отсутствие восьмерика под шатром. Подобный пример постановки шатра непосредственно на четверике является очень редким и встречается лишь в ранних шатровых памятниках — в рязанской церкви Николая Долгошея и церкви Брусенского монастыря, которая особенно близка к церкви в Пруссах не только общей схемой композиции, но и такой деталью плана, как срезанные углы основного помещения внутри церкви.³⁷ К тому же типу церквей с шатрами, непосредственно расположенными на четверике, относится и церковь Евфимия Великого в Кирилло-Белозерском монастыре; поэтому несомненно правильно, что Ф. Горностаев отнес этот памятник к середине XVI в.³⁸

Преображенская церковь в с. Спасском на р. Угре впервые упоминается в писцовой книге 1626 г.,³⁹ но всеми своими архитектурными формами и особенно стилистическим характером эта церковь теснейшим образом связана с шатровыми памятниками второй группы, т. е. конца XVI в. Не менее определенно на основании стилистического характера можно отнести

³⁴ Писцовые книги XVI в., СПб., 1872, отд. 1, стр. 384.

³⁵ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества, М., 1936, стр. 269.

³⁶ Писцовые книги XVI в., отд. 1, стр. 492, а также упоминание на стр. 297.

³⁷ Судя по писцовой книге 1577 г., с. Прусы принадлежало Коломенскому епископу. Ильинская церковь называлась «архиерейской» — см. Метрика № 3651 (архив ИИМК). Быть может, она была построена тем же коломенским епископом Феодосием, с именем которого связана и постройка церкви в Брусенском монастыре.

³⁸ И. Грабарь. История русского искусства, т. II, стр. 73. Существует более поздняя датировка этого памятника — 1653 г. (Амвросий. Описание Кирилло-Белоозерского монастыря, СПб., 1811). Однако вероятнее, что эта дата относится не к постройке, а к ремонту или перестройке церкви.

³⁹ В. М. Кашкарев. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии. Калужская старина, т. III, ч. 3, стр. 13.

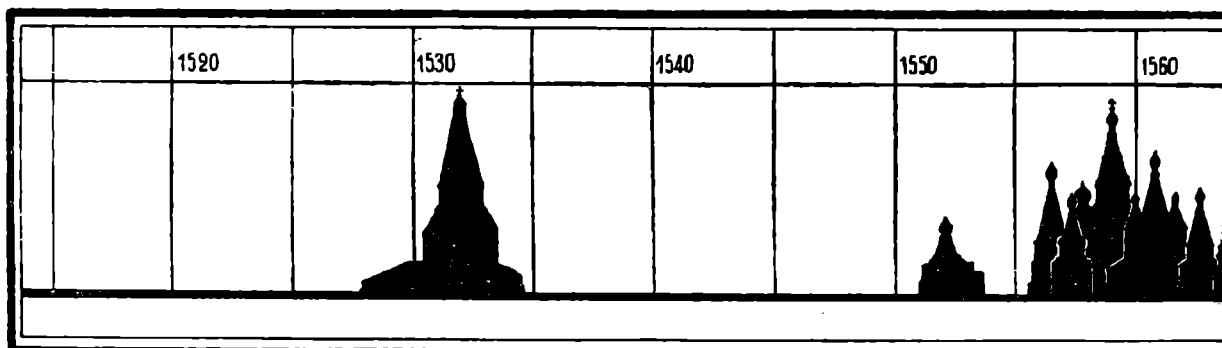


Рис. 13. Схема хронологического распр

к этому же времени и шатровые церкви в Лютиковом и Болдином монастырях. Эта датировка косвенно подтверждается также и историческими событиями, связанными с жизнью обоих этих монастырей, достигших своего расцвета к концу XVI в. и запустевших после «Смуты». ⁴⁰ Менее определенно можно датировать Рождественскую церковь в с. Беседы и Успенскую церковь Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Несомненно только, что оба эти памятника относятся к XVI, а не к XVII в. ⁴¹

Шатровых памятников, существовавших в XVI в., было значительно больше, чем это нам известно в настоящее время. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в писцовых книгах неоднократно встречаются указания на шатровые каменные церкви, до нас не дошедшие. Так, например, в писцовой книге гор. Можайска 1595—1598 гг. при описании Лужецкого монастыря перечислено: «да на монастыре ж церковь Введение преч. богородицы да предел Федора Стратилата с трапезою, камена, вверх, трапеза и перед трапезою паперть подписана стенным письмом». ⁴² Несомненно поэтому, что шатровые церкви, которые мы имеем возможность датировать, являются лишь очень небольшой частью из общего числа этих церквей, построенных в течение XVI в. Однако хронологический обзор даже этих памятников все же отражает в известной степени действительный процесс развития и интенсивность шатрового строительства в различные периоды XVI в. (рис. 13).

Несмотря на стилистические различия между шатровыми памятниками 1 и 2 группы, все шатровое зодчество XVI в. объединяется, однако, тем, что архитектурный образ шатровой церкви со времени возникновения этого типа и до первых лет XVII в. в основном остается неизменным. Шатровые храмы XVI в. не только культовые сооружения, но почти гражданские «столпы» — памятники, теснейшим образом связанные с идеями становления централизованного Русского государства, с идеями мощи и величия Руси. ⁴³

* * *

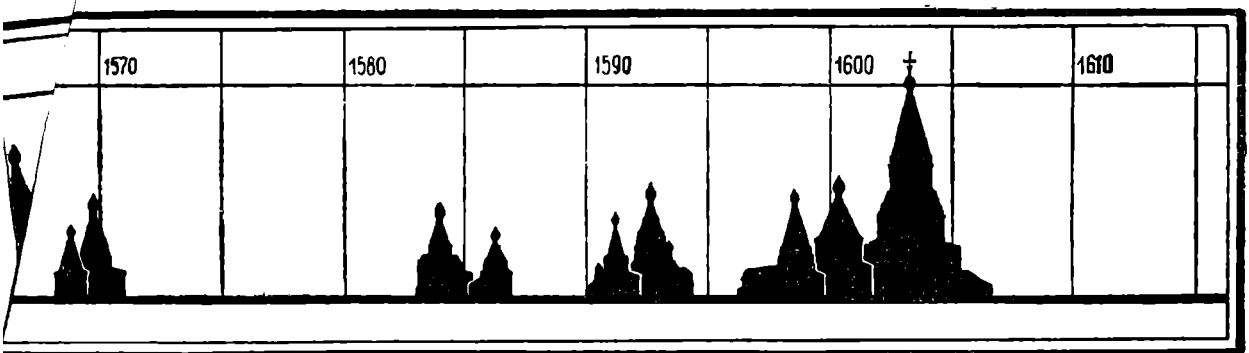
После бурных событий «Смуты», в 20-х годах XVII в., вместе с общим оживлением каменного строительства в России, вновь начинается и строительство шатровых церквей. Некоторые шатровые церкви XVII в. сохра-

⁴⁰ Леонид. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Историко-статистическое описание Смоленской епархии, СПб., 1864, стр. 296.

⁴¹ Подмосковная старина. Изд. А. Мартынова, М., 1889, стр. 47; А. Варганов. Суздаль, М., 1944, стр. 26.

⁴² Писцовые книги XVI в., ч. I, отд. 1, стр. 612.

⁴³ Н. Н. Воронин. Древнерусские города, М.—Л., 1945, стр. 91—92; П. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в. КСИИМК, вып. XXV.



деления памятников шатрового зодчества

няют основную композиционную схему, характерную для шатровых памятников XVI в., т. е. наличие лишь одного шатра. К таким памятникам XVII в. относятся Архангельский собор в Нижнем Новгороде, церкви в Медведкове и в Вешняках, надвратная церковь нижегородского Печерского монастыря, а также шатровые церкви в Троице-Сергиевой лавре, в Сийском и Ферапонтове монастырях.⁴⁴ К тому же типу одношатровых церквей относились ныне не существующие московские памятники: Преображенская церковь «что в Копье», Ирининская церковь при доме Нарышкина, а также Гостинодворская церковь в Казани.⁴⁵ Последними памятниками этого типа, повидимому, являлись Успенская церковь в Нижегородском Печерском монастыре (1648),⁴⁶ надвратная церковь Троицкого монастыря в Муроме (1648)⁴⁷ и Троицкая церковь в Саввино-Сторожевском монастыре (1652).⁴⁸

Очень характерно, что в этих последних шатровых церквях шатры имеют уже настолько небольшие размеры по сравнению со всем объемом здания, что являются по существу не центром композиции, а лишь декоративным завершением. Таким образом, к середине XVII в. схема шатровой композиции, которая так ярко расцвела в зодчестве XVI в., продолжала развиваться уже на совершенно иной стилистической основе и привела к полному перерождению этой композиции при сохранении, однако, центрального шатра как иконографической формы.

⁴⁴ Собор Михаила Архангела в Нижнем-Новгороде построен в верхней, т. е. шатровой, части в 1624—1631 гг. (Нижегородские епархиальные ведомости, 1888, № 4, 5 и 6). Церковь в Медведкове построена после 1624 г., когда она упомянута в писцовой книге как деревянная (ЧОИДР, 1886, кн. 1, стр. 11), но до 1646 г. (Подмосковная старина. Изд. А. Мартынова, М., 1889, стр. 9). Церковь в Вешняках построена в 1644 г. (А. Барсуков. Род. Шереметевых, СПб., 1883, кн. 3, стр. 274). Надвратная Евфимиевская церковь Нижегородского Печерского монастыря построена в 1645 г. (ИАК, вып. 61, стр. 142, а также ЧОИДР, 1898, кн. 1, стр. 37). Церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевской лавре относится к 1635—1637 гг. (В. Суслов. Памятники древне-русского зодчества, СПб., 1898, вып. 3); Благовещенская церковь при трапезной в Антониевом-Сийском монастыре — к 1638—1644 гг. (ЧОИДР, 1878, кн. 3, стр. 17), а церковь Мартириана в Ферапонтовом монастыре — к 1640—1641 гг. (ИАК, вып. 28, стр. 152).

⁴⁵ Церковь Преображения «что в Копье» на Неглинной была построена, повидимому, в 1623 г. (А. Мартынов. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества, тетрадь 10). Церковь Ирины при доме Нарышкина, судя по стилистическим признакам, относится к первой половине XVII в. (М. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского зодчества, М., 1911, стр. 194). Гостинодворская церковь в Казани была построена, вероятно, в 1634 г. (Памятники древнего русского зодчества, СПб., 1908, вып. I, стр. 30).

⁴⁶ ИАК, вып. 16, стр. 142; ЧОИДР, 1898, кн. 1, стр. 37.

⁴⁷ В. Суслов. Памятники древнего русского зодчества, СПб., 1898, вып. IV.

⁴⁸ С. Смирнов. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря, М., 1877, стр. 51.

Наряду с этими памятниками в XVII в. появляются и другие, в которых по сторонам центрального шатра имеются еще несколько боковых, причем, в отличие от Борисоглебской церкви в Старице, в этих храмах боковые шатры настолько велики или же так далеко отодвинуты от центрального, что совершенно разбивают этим единство композиции. К подобному типу относятся так называемая Дивная церковь в Угличе и церковь в Троицком-Голенищеве.⁴⁹

Параллельно с этим в XVII в. строятся и такие шатровые церкви, в которых два или три декоративных шатра одинакового размера расположены над сомкнутым сводом основного помещения церкви, имеющего удлиненную с севера на юг форму. В XVI в. такие постройки совершенно не встречаются; первые известные нам подобные памятники относятся к 20—30-м годам XVII в. Одним из наиболее ранних образцов таких церквей являлась двухшатровая церковь в Алексеевском монастыре в Москве, законченная строительством в 1634 г.⁵⁰ Постепенно число подобных двух- и трехшатровых церквей значительно увеличивается, и их становится даже больше, чем одношатровых памятников.⁵¹

Не может быть никакого сомнения в том, что тип двух- и трехшатровых церквей также теснейшим образом связан своим происхождением с формами деревянного народного зодчества. В XVI в. (а возможно, и значительно раньше) подобный тип покрытия часто встречался над воротами; так, например, проездные ворота московского Белого города, как это видно на старинных изображениях, имели завершение в виде нескольких, очевидно деревянных, шатров. То, что шатры часто употреблялись и над крыльцами, видно хотя бы из писцовых книг, где неоднократно встречаются такие описания, как, например: «Крыльцо красное, три верхи шатровые».⁵² Можно думать, что каменные надвратные церкви такого типа, как двухшатровая церковь Ферапонтова монастыря, очень близко передают широко до этого распространенные формы деревянной архитектуры.⁵³

Двух- и трехшатровые церкви продолжали строиться в довольно значительном количестве до самой середины XVII в. Так, например, в 1652 г. были закончены церковь Ивана Предтечи в Казани и Путинковская церковь в Москве.⁵⁴ Однако эти памятники, видимо, были уже последними шатровыми церквами, так как в 50-х годах XVII в. строительство церквей, увенчанных шатрами, было запрещено.

⁴⁹ Успенская Дивная церковь в Угличе построена в 1628 г. (Архив ИИМК. Дело 1902 г., № 196). Троицкая церковь в Троицком-Голенищеве построена в 1644 г. (В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквах и селах XVII—XVIII вв., вып. 3. Загородская десятина, М., 1886, стр. 302).

⁵⁰ И. Токмаков. Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского монастыря, М., 1889, стр. 16. В «Материалах для археологического словаря» («Древности», т. I, М., 1865, стр. 37) упомянуты имена ее строителей — Онтипа Константинова и Трефила Шарутина. По чертежу этого же «каменных дел подмастерья» Константинова (Антипа или Антона?) в 1644 г. была построена упомянутая выше церковь в Троицком-Голенищеве. Многие архитектурные формы и детали обеих этих церквей почти точно совпадают.

⁵¹ Некоторые подобные памятники приведены у Даля («Зодчий», 1874, стр. 139) и Красовского (М. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества, М., 1911, стр. 217—220). В данной работе мы не приводим перечня памятников этого типа.

⁵² Из писцовой книги гор. Коломны 1577—1578 гг. Писцовые книги XVI в., ч. I, отд. 1, стр. 305.

⁵³ Надвратная церковь Ферапонтова монастыря построена в 1649 г. (ИГАИМК, т. II, стр. 266).

⁵⁴ Церковь Ивана Предтечи в Казани была построена в 1649—1652 гг. (В. Сулов. Памятники древнего русского зодчества, СПб., вып. VII, 1901). В те же годы была построена и церковь Рождества на Путинках (Путеводитель по Москве под ред. И. П. Машкова, М., 1913, стр. LXXXVIII; И. Е. Забелин. Построение первой на Руси церкви в честь Неопалимой Купины. Археол. изв. и заметки, 1893, № 1).

Первая храмозданная грамота, в которой указывается, чтобы главы на церкви «были круглые, а не островерхие», известна от 1656 г. и дана патриархом Никоном.⁵⁵ После этого подобные грамоты известны в большом количестве до самого начала XVIII в., причем текст их становится почти стандартным: «а чтобы верх на той церкви был не шатровый».

О причинах запрета шатров высказывалось много различных предположений, но совершенно несомненно только, что это запрещение связано с рядом других «очистительных» преобразований Никона. Стремление приблизить русские церковные обряды и богослужебные книги к греческим, усиление влияния украинской культуры, демонстративный пересмотр церковной политики XVI в., нашедший себе отражение в ревизии решений «Стоглавого собора» и в торжественном перенесении в Москву мощей митрополита Филиппа,— вот та идеологическая обстановка, анализ которой может дать объяснение запрету строительства шатровых церквей.

Замечательно, что в последних шатровых памятниках сами шатры имеют уже совсем маленькие размеры и по существу являются лишь декоративной деталью, завершающей постройку. Сравнение этих маленьких и как бы «игрушечных» шатров с шатрами XVI в., представлявшими собой чисто конструктивную форму покрытия здания и определявшими всю его композицию, ясно показывает, какие существенные изменения произошли в шатровом зодчестве за эти сто лет.

Повидимому, несмотря на запрет, отдельные случаи постройки шатровых церквей в виде редких исключений все же имели место. Так, например, вероятно, во второй половине XVII в. была построена церковь в Александровской пустыни с тремя крохотными шатрами.⁵⁶

Несомненно, что патриарший запрет действительно прервал развитие шатрового зодчества. Об этом достаточно красноречиво говорит довольно значительное число шатровых церквей, построенных в 40-х годах XVII в., и почти полное их отсутствие после 1652 г. Несомненно, однако, и то, что эти шатровые памятники середины XVII в. имели уже очень мало общего с шатровыми памятниками эпохи Ивана Грозного. Как в отношении композиции и стиля, так и самим своим архитектурным образом эти памятники XVII в. представляют собой принципиально иную, новую группу архитектурных памятников, связанную с шатровым зодчеством XVI в. главным образом чисто иконографической формой — наличием шатров.

В народном деревянном зодчестве, особенно на окраинах Руси, где патриаршие запреты не играли такой решающей роли, шатровые композиции продолжали плодотворно развиваться и после середины XVII в. Замечательно, что стройные шатры деревянных церквей русского Севера, построенных в XVII и даже в XVIII вв., часто во многом перекликаются с величественными каменными шатровыми памятниками XVI в.

В каменном зодчестве шатры продолжают употребляться только как покрытие гражданских построек, часовен и колоколен, т. е. тех зданий, где это не противоречило каноническим церковным правилам. Были отдельные попытки введения шатровых приделов в общую композицию с пятикуполь-

⁵⁵ А. Барсуков. Род Шереметевых, СПб., 1884, кн. 4, стр. 242.

⁵⁶ Архив ИИМК. Дело № 197, 1904. Датировка церкви основана на том, что в ней в 1678 г. был похоронен вкладчик, который «поставил» эту церковь. См. также: ИАК, вып. 26, стр. 144. Часто датируют 1665 г. церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле в Москве. Однако эта церковь была, повидимому, построена в 1652 г., и ее более поздняя датировка основана на опечатке в «Указателе» Александровского (М. Александровский. Указатель московских церквей, М., 1915, стр. 14).

ным храмом,⁵⁷ однако широкое распространение получили только шатровые колокольни, ставшие одной из наиболее характерных особенностей русского зодчества второй половины XVII в.

В самом конце XVII в. неожиданно вновь встречаются два шатровых памятника — это церковь в Петровском на Москве-реке, построенная в 1685 г.,⁵⁸ и церковь в с. Аннино близ гор. Рузы, построенная в 1690 г.⁵⁹ Высокие очень стройные шатры этих церквей как бы воскрешают традиции XVI в., а треугольные кокошники, проходящие у основания шатров, указывают на несомненную связь с деревянным зодчеством.⁶⁰ Однако оба эти памятника в развитии русской архитектуры являются лишь случайным эпизодом, так как каменное шатровое зодчество к этому времени было уже пройденным этапом.

⁵⁷ Такова, например, композиция церкви Ильи Пророка в Ярославле (1650). Подобная композиция в соборе Авраамиева монастыря в Ростове, быть может, относится даже к XVI в., однако памятник этот еще недостаточно изучен и датировка его отдельных частей неясна.

⁵⁸ Памятники усадебного искусства, I. Московский уезд, М., 1928, стр. 68, а также: ЧОИДР, 1892, т. I, вып. 1, стр. 18.

⁵⁹ В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии, вып. 1. Рузская десятина, М., 1881, стр. 77—78.

⁶⁰ Поразительная близость архитектурных форм этих памятников позволяет предполагать, что их строил один и тот же зодчий. Это тем более вероятно, что как с. Петровское, так и Аннино в 80-х годах XVII в. принадлежали одному владельцу — боярину И. М. Милославскому. Быть может, в данном случае употребление шатровой формы было в какой-то степени связано с идеологией раскола и оппозицией к официальным церковным властям.

П. Д. ЛИБЕРОВ

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ КИЕВЩИНЫ

Скифская проблема в целом и, в частности, на территории Киевщины привлекает большое внимание советской археологической и исторической науки. Посильное удовлетворение этого интереса на всем материале курганов Киевщины скифского времени путем изучения генетических связей с предшествующей доскифской культурой и дальнейших судеб скифской культуры является целью настоящей работы. Недостаточная изученность городищ принудила ограничиться курганным материалом как основой выводов.

Территория Киевщины сохранила огромное количество археологических памятников разного времени. Это служило постоянным стимулом для до-советской и советской археологической науки, стремящейся раскрыть историю развития местной культуры и ее носителей. В середине XIX в. были начаты исследования по всей Киевской губ. Уже Фундуклей насчитал по области свыше 6 тысяч курганов.¹ На самом деле их, конечно, в несколько раз больше. В конце XIX в. и в начале XX в. Бобринский исследовал 524 кургана;² затем последовали значительные раскопки Бранденбурга,³ Хвойко,⁴ Зноско-Боровского⁵ и многих других лиц, исследовавших в общей сложности до 1000 курганов. В советское время здесь производились раскопки Фабрициус в Шарповском городище,⁶ Самойловским в Корчеватском могильнике;⁷ велись и ведутся разведки Третьяковым,⁸ Пассек и другими.

Существовало и существует два основных направления, по-разному разрешающих проблему скифской культуры на территории Киевщины. Буржуазная наука рассматривает эту культуру с точки зрения миграционной теории; советская археология кладет в основу внутреннее общественное развитие местных народов. Основными представителями миграционной теории являются Ростовцев,⁹ Самоквасов;¹⁰ не были полностью свободны от

¹ И. И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии, Киев, 1848.

² А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, тт. I, II, III, 1887; ИАК, вып. 4, 14, 17, 20, 35, 40, 49, 54, 60.

³ Печенкин. Журнал раскопок Бранденбурга.

⁴ Ханенко. Древности Приднепровья, тт. I, II, III, Киев, 1891.

⁵ А. Бобринский. Указ. соч., т. III.

⁶ Материалы раскопок хранятся в Киевском гос. музее.

⁷ Самойловский. Корчеватский могильник. Журн. «Археология» АН УССР, 1947, № 1.

⁸ П. Н. Третьяков. Днепровская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, стр. 98—99.

⁹ Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925.

¹⁰ Д. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908; Основания хронологического распределения этнографических материалов. Тр. VIII Археол. съезда в Москве в 1890 г., т. III, стр. 44 и сл.; Курс истории русского права, стр. XVII—XXIX. Изд. 3-е, М., 1908.

нее Спицын,¹¹ Фармаковский¹² и др. Ростовцев утверждает, что скифская культура пришла в Киевщину в готовом виде такой, какой она представляется нам на Кубани в VI в. до н. э., хотя он и не отрицает сложившейся к этому времени местной культуры раннего железного века.

Самоквасов утверждал, что до VI в. до н. э. на юге СССР господствовала бронзовая киммерийская культура. Скифы, появившиеся в Причерноморье в третьей четверти VII в. до н. э., не знали железа, обработку которого они восприняли в VI в. до н. э. от греков. Не освободился полностью от этой теории и Спицын, утверждавший внезапность появления и исчезновения скифской культуры в Киевщине. По мнению Фармаковского, ионийская культура облагородила так называемый скифский «звериный стиль».

Все эти взгляды не соответствуют действительному историческому процессу.

Только советская археологическая наука, вооруженная марксистско-ленинской теорией, оказалась в состоянии найти правильный путь в дальнейшем изучении скифской проблемы, конкретно-исторических условий развития скифской культуры, установления глубоких генетических корней в предшествующей доскифской эпохе, в данном случае на территории Киевщины и других областей лесостепной полосы. Удальцов дает обоснование автохтонного происхождения скифов Поднепровья и Побужья, которые позже послужили одним из основных элементов образования ядра протославянской народности.¹³ Третьяков допускает возможность скрещивания местных племен с пришельцами в скифское время, однако решающую роль в развитии скифской культуры отводит творчеству местных племен, населявших юго-восточную часть Европы. Одновременно на основании изучения археологических, лингвистических, обрядовых и других явлений скифского общества и славянских племен он доказывает «глубокие родственные связи славянских племен с миром геродотовской Скифии, и прежде всего с его земледельческой частью».¹⁴ По мнению Гракова, проникновение скифских племен в степную и лесостепную часть Сев. Причерноморья не приводило к обязательному вытеснению местных элементов, а слияние прошлых и местных элементов привело к образованию позднейших скифов.¹⁵ Один из дореволюционных археологов, В. В. Хвойко, устанавливал автохтонное развитие от трипольской культуры до послескифского времени на основании земледелия, скотоводства и погребального обряда с трупосожжением.¹⁶ Автохтонный характер скифской культуры Киевщины признавал и зарубежный буржуазный археолог Эберт.¹⁷ Об этом же говорят и данные советского антрополога Дебеца, устанавливающего родство населения побережья среднего Днепра скифского времени с населением «палеометаллической» эпохи.¹⁸

Подробное изучение памятников скифского времени Киевщины (погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря во всем их богатстве и многообразии форм) приводит к признанию несомненной автохтонности развития скифской культуры. Проникновение некоторых неместных форм инвентаря, появившихся здесь не в результате миграции нового на-

¹¹ А. А. Спицын. Скифы-пахари. ИАК, вып. 65, 1918.

¹² Б. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914.

¹³ А. Удальцов. Начальный период восточнославянского этногенеза. Исторический журнал, № 12.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М.—Л., 1948.

¹⁵ Б. Н. Граков. Скифы, гл. III, Киев, 1947.

¹⁶ В. В. Хвойко. Городища среднего Приднепровья... Тр. XII Археол. съезда в Харькове, т. I, 1902.

¹⁷ M. Ebert. Südrussland, § 69—77, Reallexicon für Vorgeschichte, т. XIII, стр. 94, Leipzig, 1928.

¹⁸ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология, 1948, стр. 159.

селения, а, скорее всего, в результате военных походов, установившихся торговых связей, изменяющихся социально-экономических условий общества и т. д., позволяет рассматривать скифскую культуру на более широкой основе, глубже проследить конкретно-исторические условия возникновения и развития изучаемой культуры.

Несмотря на некоторые недостатки хронологической классификации Спицына,¹⁹ она наиболее полно и правильно отражает действительные условия развития скифской культуры на данной территории. Поэтому она может быть положена в основу нашей классификации, но с некоторыми серьезными дополнениями и поправками.

Мы принимаем его деление культуры на три периода: 1) раннескифский, соответствующий VII — VI вв. до н. э., может быть даже начавшийся в VIII в.; 2) среднескифский, соответствующий V и рубежу V — IV вв. до н. э.; 3) позднескифский, соответствующий IV и III вв. до н. э.

Но эту классификацию необходимо дополнить установлением существования генетической связи скифской культуры с предшествующей доскифской и послескифской («поля погребений») культурами. При рассмотрении вопроса о генетических связях Спицын пришел в тупик, не мог найти правильного решения вопроса о возникновении скифской культуры. Поэтому он был вынужден отказаться от вывода об автохтонности, признать внезапность появления и исчезновения скифской культуры Киевщины. Мы обращаем свое внимание прежде всего на процесс развития погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря от простых форм к более сложным. Это дает возможность проследить не только возникновение и рост скифской культуры, но и установить ее органическую связь с более ранними и более поздними культурами.

Рассмотрение скифских курганных могильников позволяет разделить их на четыре основные группы, отличающиеся между собой не только территориально, но и хронологически, а именно: 1) Журовская группа, расположенная на левом берегу р. Турьи, притока Южного Буга; 2) Тясьминская группа, расположенная на р. Тясьмин и его притоках; 3) Каневская группа, расположенная по берегам нижнего течения Роси, р. Россавы и ее притоков; 4) Западная группа в быших уездах: Звенигородском, Уманском, Таршанском и Липовецком, расположенных на притоках Южного Буга. Хронологически наиболее ранними являются Тясьминская и Каневская группы, в чем убеждает нас весь комплекс погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря. За ними следует Журовская группа, получившая от Спицына название «старшей» и «младшей» Журовской группы, различающихся по яркости и развитости форм и богатству инвентаря. Однако она не дает погребений с типично скифским инвентарем раньше VI в. до н. э., а весь комплекс памятников этой группы позволяет предполагать, что она родственна Тясьминской группе, но развилась позднее, как результат расселения какой-то части жителей бассейна р. Тясьмина. Западная группа курганов не дает погребений раньше V в. до н. э. Наиболее ранние находки милетско-родосской керамики, датируемой VII в. до н. э., были обнаружены в Немировском городище и на Тясьмине (курган у с. Болтышка). Следовательно, можно предполагать, что наиболее ранними центрами, ведущими торговлю с греческим миром, на Днепре был бассейн Тясьмина, а на Южном Буге — Немировское городище.

¹⁹ А. А. Спицын. Указ. соч.

Погребальные сооружения в курганах скифского времени поражают своим многообразием. Здесь мы встречаем деревянные сооружения в насыпи, на уровне горизонта и в грунтовых могильных ямах, а равно и обычные грунтовые могильные ямы. Деревянные сооружения встречаются с остроконечной крышей, с двускатной и плоской. Сами могилы облицовывались обычно по стенкам деревом в виде частокола, без столбов или со столбами по углам; в последнем случае иногда облицовка была горизонтальная. Число столбов в могильных ямах или под насыпью бывает от 1 до 16, но чаще всего 4 и 9 столбов. Встречаются погребения со срубами (с. Макеевка, Тясьминская группа) и в деревянных ящиках.

Нередко можно встретить круглые могильные ямы, облицованные иногда также деревом, и камеры-катакомбы.

Все это разнообразие погребальных сооружений не может рассматриваться ни с точки зрения статики, ни с точки зрения определенной последовательности, а представляется как процесс постоянного развития и существования. Наиболее простые формы сооружений уходят в предшествующую бронзовую эпоху. Погребальные сооружения с остроконечной крышей наблюдаются в VII и частью в VI в. до н. э.,²⁰ но вместе с ними существуют сооружения с деревянной облицовкой стен без столбов и с 4-мя столбами,²¹ продолжавшими существовать и до позднескифского времени. Деревянные сооружения с 9-ю столбами и более появляются только в VI в. до н. э. и отличаются большим богатством инвентаря.²² Большинство их находится в Журовской группе. Срубные погребения отмечены в VI в., может быть на рубеже VII — VI вв. до н. э., и существуют до IV в. до н. э.²³ Круглые могильные ямы с остроконечной крышей и обычные без деревянных сооружений прослежены, по крайней мере, с VI до IV в. до н. э.²⁴ Однако они ведут свое существование от бронзовой эпохи. Камеры-катакомбы, судя по оставшемуся инвентарю, датируются IV — III вв. до н. э., имеют своими прототипами катакомбы степной полосы Нижнего Поднепровья и указывают на усиление связей Киевщины со степью в позднескифское время.²⁵

Генетические связи с предшествующей бронзовой эпохой прослеживаются по могильным ямам с деревянной облицовкой стен без столбов на примере сооружений доскифского времени (курганы № 1 у с. Гамарня и Рыжановки, раскопки Самоквасова),²⁶ по погребениям со срубами, оставшимся как пережиток срубной культуры, по круглым могильным ямам, часто встречаемым в погребениях бронзовой эпохи и в том числе с остроконечной крышей (курган № 346 у с. Теклино; ср. землянки VII в. до н. э. в Немировском городище).

Отмечая значительное сходство погребальных сооружений в скифское время на всей рассматриваемой территории Киевщины, нельзя не указать на локальные особенности отдельных курганных групп, а именно:

1. Курганы высотой до 1 м подверглись раскопкам: в Тясьминской группе 7.5%, в Журовской — 5.5%, в Каневской — 54.3%. Курганы средней высоты в первой — 89%, во второй 84.5%, в третьей — 39.7%.

²⁰ А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ мест. Смелы, тт. I, III, курганы № 3, 8, 15, 346; ИАК, вып. 4, курган № 375.

²¹ ИАК, вып. 60, курган № 524.

²² Там же, вып. 14, курганы № 400, 401, 406, 407 и др.

²³ Печенкин. Журнал раскопок Бранденбурга. Курганы № 454, 459, 460, 489, 492.

²⁴ А. Бобринский. Указ. соч., т. I, курганы № 19, 20, 23, 31, 35; т. II, курган № 343; Ханенко. Древности Приднепровья, вып. III, курган № 13; ИАК, вып. 17, курган № 417; Печенкин. Указ. соч., курган № 389.

²⁵ ИАК, вып. 17, курганы № 422, 426, 449; вып. 20, курган № 467; вып. 35, курганы № 483, 484, 485, 487; Бобринский. Указ. соч., т. II, курганы № 83, 87, 143, 228, 233; курган № 4, раскопки Оссовского; т. III, курган № 367.

²⁶ Д. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908, стр. 8—9, 12.

2. Могилы глубиной до 0.5 м: в Тясминской — 47.5%, в Журовской — 12%, в Каневской — 19.5%.

3. Погребения в насыпи и на горизонте: в Тясминской — 32%, в Журовской — 8%, в Каневской — 9.3%.

4. Круглые могилы: в Тясминской — 9, в Журовской и Каневской по одной.

5. Погребальные сооружения с остроконечной крышей и срубные обнаружены только в Тясминской группе.

Следовательно, Тясминская группа представляется наиболее ранней, выделяется из других групп по числу мелких могильных ям, по погребениям в насыпи и на горизонте и ранними формами погребальных сооружений с большими признаками навыков предшествующей доскифской эпохи.

Погребальный обряд, как и погребальные сооружения, характеризуется также развитием, усложнением и разнообразием форм, соответствующих развитию и усложнению социально-экономических условий. Характерным в этом развитии является сосуществование старых, отживающих форм погребального обряда с новыми формами и вытеснение старых форм новыми, а именно:

1. Скорченное положение на боку в доскифское время заменяется вытянутым положением на спине, хотя скорченные остовы, одиночные и парные, наблюдаются еще в позднескифское время.

В Журовской группе оказался только один скорченный остов, сопровождавший главный вытянутый остов; в Тясминской — 7, в том числе на боку — 4; в Каневской — 5, в том числе на боку — 1. Это значит, что наиболее типичные и ранние скорченные остовы наблюдаются прежде всего в Тясминской группе.

2. Растет количество парных и коллективных погребений с характерными признаками ритуального убийства. Интересно, что из 70 таких погребений в Тясминской группе оказалось 17, или 7%; в Журовской — 20, или 18%; в Каневской — 28, или 17.4%. В погребениях в насыпи и на грунте их найдено только около 4%, в простых могильных ямах — около 9%, в погребениях с деревянными сооружениями — 23.7%, в камерах-катакомбах — 21.4%. Это означает, что по мере развития погребальных сооружений с признаками имущественного неравенства росло и количество таких погребений, а соотношение их количества по группам указывает на более отсталый в этом смысле характер Тясминской группы.

Появившись в VI в. до н. э., такие погребения увеличиваются количественно в среднее и позднескифское время. Однако в VI в. среди коллективных погребений имеются погребения без каких-либо признаков ритуального убийства, являющиеся, вероятно, родовыми или семейными усыпальницами (Перепетовка, курган № 490 у с. Турьи, № 52 у Гуляй-Города, № 43 и 44 у с. Берестняги.²⁷

3. Погребения целых лошадиных остовов вместе с умершим появляются в VI в., и из 17 случаев два оказались в Тясминской группе, пять — в Журовской, шесть — в Каневской и четыре — в Липовецкой, у с. Новосельцы.

4. Погребения с трупосожжением встречаются чаще к северу от Журовской группы. Из общего количества отмеченных 64 случаев с сожжением в трех группах в Журовской группе оказалось 5, или 4.5%; в Тясминской — 34, или 13.3%; в Каневской — 25, или 15.5%.

Особенность погребений с трупосожжениями заключается в том, что одни из них, наиболее ранние, сжигались в насыпи и на грунте и оставались на месте; другие, редко встречающиеся, сжигались непосредственно в яме (такие погребения встречались в доскифское время — курган № 1

²⁷ А. Бобринский. Указ. соч., т. I, 1887, курган № 52; т. III, курганы № 43, 44, раск. Зноско-Боровского; ИАК, вып. 35, курган № 490; Древности, изданные временной комиссией для разбора древних актов, Киев, 1846.

у с. Гамарня и Рыжановка); третьи, более частые, сжигались вне могильной ямы, и остатки сожжения сбрасывались в могилу или аккуратно укладывались на ее дне. Этот последний обряд характерен особенно для позднескифского времени в Каневской группе и рассматривается Ростовцевым как мост от скифского времени к «полям погребений».²⁸ Характерно, что в Тясьминской группе из 34 погребений 18 относятся к первому случаю, 16 — к третьему; в Каневской группе из 25 погребений 18 относятся к третьему случаю. Однако применение урн с сожженными человеческими костями было уже в раннескифское время (курган № 8 у м. Смелы),²⁹ а равно и оставление большого числа сосудов в могиле (до 10 в кургане № 375 у с. Константиновки).³⁰ В позднескифское время встречаются подкурганые погребения с трупосожжением, с большим количеством сосудов, иногда до 20 экземпляров (курган № 185 у м. Смелы).³¹

5. Заслуживает внимания ориентировка могилы и человеческих остовов. Ориентировка могил на ВЗ в Журовской группе составляет $\frac{1}{3}$, в Тясьминской около $\frac{1}{2}$, в Каневской 18% (на СЮ свыше $\frac{1}{3}$). Ориентировка остовов не всегда поддается определению в силу разграбления могил и нарушения первоначального положения остова, однако по некоторым сохранившимся остовам головой на запад в Журовской группе их оказалось 14% (19,4% на юг), в Тясьминской — 45%, в Каневской — 38%.

Таким образом, погребальный обряд не менее ярко, чем погребальные сооружения, отражает преемственность скифской культуры Киевщины от культуры доскифской эпохи. Это особенно ярко проявляется в наличии скорченных погребений и в погребениях с трупосожжением. Вместе с тем погребальный обряд показывает, что в скифском обществе начался процесс серьезных социально-экономических изменений. Выражается это в том, что от погребений без каких-либо серьезных социальных различий в конце VIII в. и в VII в. до н. э. происходит переход к погребениям парным, с признаками ритуального убийства, и с богатым инвентарем, а также к погребениям с конем при одновременном устройстве сложных деревянных погребальных сооружений в VI в. до н. э.

В это же время встречаются коллективные погребения без признаков социальных различий, как пережиток родовых или семейных усыпальниц доскифского времени, когда погребения производились в кургане на разных уровнях, а теперь в сложных деревянных сооружениях. Но, появившись, они быстро уступают свое место парным и коллективным погребениям с ритуальным убийством (курганы № 66 и 100 Каневской группы, раскопки Зноско-Боровского).³²

Сравнительно большое количество скорченных и небольшой процент парных погребений и погребений с лошадью, а также более ранний характер погребений с трупосожжением в Тясьминской группе, по сравнению с Каневской и тем более с Журовской, показывают, что скифская культура в Тясьминской группе является более ранней, с одной стороны, и более отсталой и консервативной, особенно в среднее и позднескифское время, — с другой. Этот знаменательный факт объясняется тем, что Тясьминская группа, будучи одним из основных культурных центров Среднего Приднепровья в раннескифское время (ср. находку милетско-родосского сосуда в кургане у с. Болтышка, клепаные сосуды кавказского происхождения у с. Жаботина и др.),³³ была оттеснена от связей с греческим миром в средне-

²⁸ Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, раздел «Киевская группа».

²⁹ А. Бобринский. Указ. соч., т. I, 1887.

³⁰ ИАК, вып. 4.

³¹ А. Бобринский. Указ. соч., т. II, 1894.

³² Там же, т. III. Раскопки Зноско-Боровского.

³³ Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. Древности, т. 25, М., 1916, т. VI—VII.

и позднескифское время Журовской группой, появившейся на р. Турье в VI в. до н. э. Наконец, обряд трупосожжения, появившийся в доскифское время, уже в раннескифское время дает образцы погребений с урнами, с большим количеством сосудов, а затем в позднескифское время принимает формы, близкие формам «полей погребений» (курган № 185 у м. Смелы,³⁴ погребения с деревянными сооружениями в Каневской группе). Каневская группа по ориентировке могил длинной стороной на СЮ стоит ближе к Полтавской группе курганов и, так же как в погребальных сооружениях, несколько отличается от Тясминской группы курганов.

Рассмотрение погребального инвентаря в связи с формой погребения, а именно: погребений в насыпи и на горизонте, в грунтовых могильных ямах, обычных или с деревянными сооружениями, с вытянутыми или скорченными остовами, а равно и погребений с трупосожжением, независимо от их положения относительно горизонта, не дает возможности выделить ту или иную форму погребений в какую-то самостоятельную группу, принадлежавшую иной этнической группе населения. Более того, инвентарь представляется настолько общим, а погребальные сооружения и погребальный обряд в разных вариантах настолько проникают во все формы погребения, что создается впечатление как бы о едином этническом массиве, занимавшем изучаемую территорию, правда, с некоторыми небольшими локальными различиями, прежде всего касающимися Тясминской и Каневской групп курганов. Однако когда мы рассматриваем этот вопрос с точки зрения имущественных различий, количества и качества инвентаря в погребениях и его развития, то представляется довольно пестрая картина. Рассмотрим некоторые основные вопросы.

1. Обычай погребать умерших в насыпи и на горизонте восходит к бронзовой эпохе и продолжает существовать еще до начала V в. до н. э., и чем ближе к нашему времени, тем инвентарь становится богаче. Самые ранние погребения такого типа сопровождаются удилами кобанского типа (курган № 375 у с. Константиновки).³⁵ Но удила кобанского типа встречаются и в обычных ямах (курган № 11 у с. Берестняги)³⁶ и с деревянными сооружениями (курган № 376 у с. Константиновки)³⁷ с трупоположением и трупосожжением.

2. Наряду с погребениями в насыпи и на горизонте, а равно и в грунте с бедным инвентарем, датирующим погребения раннескифским и среднескифским временем, имеются погребения сравнительно богатые, с многочисленным местным, иногда привозным инвентарем, датирующим погребения рубежом VII — VI вв. до н. э. (курган № 524 у с. Жаботино, № 15, 38 у м. Смелы, № 407 — Журовская группа и многие другие).³⁸ При этом среди таких погребений имеются погребения также с трупоположением и трупосожжением.

3. Богатый инвентарь встречается, как правило, в деревянных погребальных сооружениях и особенно резко он увеличивается в среднескифское и позднескифское время в одиночных, парных и коллективных погребениях. Парные и коллективные погребения с признаками ритуального убийства в сопровождении богатого инвентаря появляются в VI в. до н. э. (курган № 35 у с. Бобринцы, № 100 у с. Синявки, № 38 у м. Смелы)³⁹ и особенно

³⁴ А. Бобринский. Указ. соч., т. II, 1894.

³⁵ ИАК, вып. 4.

³⁶ А. Бобринский. Указ. соч., т. III, раскопки Зноско-Боровского.

³⁷ ИАК, вып. 4.

³⁸ ИАК, вып. 14, стр. 60; А. Бобринский. Указ. соч., т. I, курганы № 15, 38.

³⁹ А. Бобринский. Указ. соч., т. III, курганы № 35, 100. Раскопки Зноско-Боровского; там же, т. I, курган № 38.

растут в V в. до н. э. (курган № 400, Журовка; № 4 у с Берестняги; № 66 у с. Бобрицы и др.),⁴⁰ когда главное погребение сопровождается не только богатым инвентарем, одним или несколькими убитыми слугами, рабами, но и несколькими лошадьми.

4. Небольшой инвентарь одиночных скорченных погребений раннескифского времени увеличивается в среднескифское время, включая иногда не только конскую сбрую, местную керамику и т. д., но и греческую чернолаковую керамику.⁴¹ Вместе с тем скорченные погребения на боку, сопровождавшие главное погребение, встречаются в VI в. до н. э. (курган № 40 у Гуляй-Города)⁴² и в позднескифское время (курган № 4, ур. Галущино)⁴³ без каких-либо признаков инвентаря. Инвентарь в этом случае лежал около главного остова.

5. Инвентарь в своем развитии переживает ряд изменений: исчезают старые формы и появляются новые, сохраняя в то же время свою местную основу. Если исходить из основных форм инвентаря, то представляется следующая картина; в раннескифское время, соответствующее рубежу VIII — VII и VII в. до н. э., встречаются бронзовые удила кобанского типа с двумя отверстиями на концах в виде восьмерки. Они встречаются вместе с бронзовыми псалями с тремя отверстиями, с железными двухлопастными наконечниками стрел, скифскими чарками, шаровидными сосудами и другим инвентарем. На рубеже VII — VI вв. и в VI в. появляются бронзовые стремяновидные удила с типично скифским инвентарем: бронзовыми и костяными псалями с тремя отверстиями, бронзовыми ромбическими стрелами, а также железными и бронзовыми двухлопастными и костяными наконечниками стрел, железными мечами и железными чешуйчатыми панцырями, глиняными чарками, шаровидными сосудами и др.

В VI в. бронзовые и железные удила стремяновидной и обычной формы сопровождаются костяными и железными псалями с тремя отверстиями. В конце VI в. появляются псалии с двумя отверстиями. Количество стрел бронзовых, железных, костяных увеличивается до 150 и более. Встречаются все те же железные мечи, копья, дротики, глиняные чарки, шаровидные сосуды и др. Если Тясьминская и Каневская группы дают скифский инвентарь не позднее VII в. до н. э., то Журовская группа не может быть датирована раньше VI в. до н. э. Погребения ее в самом начале, особенно в V в., отличаются своей развитостью и богатством инвентаря, позволившим Спицыну говорить о внезапности ее появления.

В V в. удила встречаются уже обычной формы и только железные. Бронзовые удила исчезли; псалии имеются бронзовые и железные с двумя отверстиями, но нет костяных. Количество стрел в погребениях достигает иногда свыше 400. Увеличивается и количество копий, дротиков, мечей. Исчезают глиняные чарки, шаровидные сосуды, да и вообще местная керамика в погребениях стала встречаться редко. То же наблюдается с керамикой и в более позднее время.

6. Наряду с местным инвентарем существует инвентарь не-местного происхождения, указывающий на широкие связи с Кавказом, странами гальштаттской культуры и греческими колониями. Однако значение этого влияния далеко не одинаково. Связи и влияние Кавказа сказываются прежде всего на вооружении скифов Киевщины. Короткий меч — акинак, чешуйчатый панцырь были восприняты скифами на востоке, так как они не находят местных прототипов в доскифской культуре. Появившись в раннескифское время, они развиваются и изменяются дальше на собственно

⁴⁰ ИАК, вып. 14, курган № 400; А. Бобринский. Указ. соч., т. III, курганы № 4, 66. Раскопки Зноско-Боровского.

⁴¹ А. Бобринский. Указ. соч., т. II, курган № 188, 1894.

⁴² Там же, т. I, 1887.

⁴³ Ханенко. Древности Поднепровья, вып. II.

скифской основе. Клепанные бронзовые сосуды из Жаботина, Смелы и другие также кавказского происхождения.

Некоторые предметы гальштаттской культуры наблюдаются прежде всего в украшениях (бронзовые гривны, фибулы (?), булавки со спиралевидной головкой), которые попадали сюда не путем непосредственных связей, а скорее через западных соседей и поэтому менее ярко отражены в культуре Киевщины. Значительно большее распространение имеют предметы греческого, ольвийского происхождения. Однако они затрагивают только богатую верхушку скифского общества. Рядовое население ими не пользуется. Среди греческого инвентаря в большом количестве встречается керамика: амфоры, чернофигурная, краснофигурная и чернолаковая керамика, изделия из бронзы (зеркала, сосуды, утварь), золотые и серебряные украшения.

Инвентарь неодинаково представлен по отдельным группам курганов. В раннескифское время Тясминская группа имела непосредственные связи с греческим миром. Это видно из находок милетско-родосской керамики (у с. Болтышка), чернофигурной керамики, зеркал и т. д. Но в среднескифское и позднескифское время Тясминская группа оттесняется на второе место возникшей в VI в. на р. Турье Журовской группой, которая в это время развивается быстрее, оставляя в тени Тясминскую группу, постепенно отстающую в своем развитии даже от Каневской группы. Каневская группа имеет много общего в культуре с Тясминской группой, однако она сильнее связана с западной гальштаттской культурой (булавки, керамика) и позднее включается в торговые связи с Ольвией.

7. В позднескифское время в культуре Киевщины наблюдается проникновение новых нижнеднепровских и боспорских элементов, проявляющихся в устройстве новых погребальных сооружений (камер-катакомб), в значительном количестве инвентаря типа царских курганов: предметы вооружения, украшения, утварь. Это означает, что Киевщина (по крайней мере Журовская, Тясминская, отчасти Каневская группы, и особенно западные группы) входит в тесные отношения со степной полосой.

8. Наконец, глубокое изучение инвентаря, хронологическое его определение, привлечение аналогий с более широкой территории позволяет видеть в скифской культуре Киевщины глубокие местные корни. Это видно по местным формам ромбических, овальных бронзовых и железных наконечников стрел, ромбическим и лавролистным бронзовым и железным копьям, существовавшим на территории степи и лесостепи в доскифское время, в эпоху бронзы. Местное происхождение, вероятно, имеют и бронзовые кобанского типа и стремяновидные удила. Некоторые формы керамики — баночные, шаровидные сосуды и, вероятно, чарки имеют также доскифские корни. Знаменитый скифский звериный стиль, отразивший прежде всего местную лесостепную и степную фауну и появившийся на ранних ступенях скифской культуры, имеет также местное происхождение.

Таким образом, погребальный инвентарь, погребальные сооружения и обряд указывают на весьма быстрое развитие скифской культуры, начиная от времени, когда железо используется в качестве мелких вещей (игла, шило, нож, стрела), до полного его господства во всей культуре, особенно в вооружении, уже на рубеже VII — VI вв. до н. э. Этот процесс развития сопровождается также быстрым ростом имущественного неравенства, социальных отношений и военной демократии, ярким свидетельством которых является сопровождавший погребения инвентарь, ритуальное убийство зависимых людей, лошадей и скифский звериный стиль, достигший наибольшего расцвета в V в. до н. э. Одновременно наблюдается интересное перемещение экономических центров, вызванное всеми этими сдвигами в развитии производительных сил, расширением внешних связей и ростом влиятельной богатой верхушки общества.

Тясминская группа, бывшая важнейшим экономическим центром в раннескифское время (VII в.), на рубеже VII — VI и часто в VI в. уступает эту свою роль Журовской группе, население которой выселилось из Тясминской группы в VI в., судя по полному культурному сходству и характеру инвентаря. Отныне Журовская группа держит связи с греческим миром в своих руках, использует все выгоды от этого, богатеет, тогда как Тясминская группа в это время носит печать отсталости и консерватизма. Вместе с этим погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь, рассматриваемые в их развитии и изменении, позволяют считать, что существование бедных и богатых погребений объясняется не проникновением на территорию Киевщины новых этнических элементов, принесших сюда иную, более высокую культуру, а внутренним процессом развития местной культурной и этнической основы.

Краткое упоминание Геродота о скифах-пахарях, расположенных за каллипидами и алазонами вверх по течению Южного Буга (что соответствует, повидимому, Немировской культуре, во многом родственной культуре среднего Днепра и, в частности, Киевщины), позволяет предполагать, что и население Киевщины было оседлым, занималось главным образом земледелием. Этот вывод подтверждается различного рода памятниками: огромным скоплением курганов и курганных могильников, достигающих иногда свыше 400 насыпей, большим количеством часто расположенных городищ — до 20 га, развитыми деревянными погребальными сооружениями-жилищами, находками зерна и колосьев пшеницы у жертвенных мест, а также находками на территории Киевщины литейных форм и крюкастых серпов доскифского времени, чему не противоречит наличие мотыжного земледелия на территории Киевщины в эпоху трипольской культуры, частыми находками в курганах костей свиньи, попавших в погребения в качестве жертвенного мяса.

Частые находки костей лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, собаки и иногда костей диких зверей — указывают на значительную роль скотоводства и в некоторой степени охоты. Однако скотоводство не было кочевым, скорее оно носило пастушеский характер, судя по составу костей животных в погребениях и сравнительно небольшому количеству погребений с костями животных.

Скифская культура Киевщины прослеживается с момента появления железных предметов (VIII в.) и в течение короткого исторического отрезка времени в своем развитии достигла полного господства железа над бронзой. Однако скифские металлурги не владели способом литья железа; в производстве железа и железных вещей господствовал сыродутный процесс и ковка металла. На это указывает немногочисленность железных наконечников стрел, следы слабой проковки втулки копий и т. д. Вместе с тем огромное количество бронзовых литых изделий, находки литейных форм, искусство литья бронзовых украшений в зверином стиле, особенно в V в. до н. э., позволяет предполагать наличие выделившегося в самостоятельную отрасль металлургического ремесла.

Этого нельзя сказать про такие отрасли хозяйства, как керамическое производство и ткачество, которые до последнего времени остаются семейным занятием, производством керамики и одежды для собственного потребления. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что наиболее эффективный способ производства керамики на кругу не имел распространения в Киевщине до позднескифского времени, хотя знакомство с греческой керамикой было довольно ранним.

Наряду с этим, появление изделий не-местного происхождения, особенно греческой керамики, уже в раннескифское время указывает на развитие

торговли с далекими странами. Заметно усилившись в VI в., греческая керамика и металлические изделия широким потоком движутся в Киевщину в V в. до н. э., наполняя богатые скифские погребения. Естественно, что за греческий импорт местное население должно было расплачиваться своей собственной продукцией: хлебом, продуктами скотоводства (жиры, шкуры, может быть мясо), бортничества и т. д.

Торговля принимает настолько широкие размеры, что выделяется какая-то группа населения, ведущая эту торговлю, а равно и новые экономические центры, которые имеют непосредственное соприкосновение с греческими колониями. Вероятно, этим объясняется более быстрое выдвигание и обогащение, по сравнению с другими, населения, оставившего курганы Журовской группы. Таким образом, на общем фоне быстрого развития скифской культуры, вызванного, прежде всего, внутренними условиями, применением железа в вооружении, в производстве, в быту, торговля с внешним миром была дополнительным толчком, ускоряющим исторический процесс развития населения Киевщины, в том числе социальных условий скифского общества.

Выше было уже отмечено, что в VI в. появляются погребения с признаками ритуального убийства слуг, рабов и конские погребения. Это свидетельствует о большом имущественном неравенстве, что особенно часто наблюдается в V и IV вв. до н. э. Представляется, что VI и V вв. были веками разложения родового строя и расцвета военной демократии, отдельные представители которой обогащались не только на военных походах, но и на эксплуатации беднейшей части родичей. К этому времени относятся погребения с богатым инвентарем и большим числом (3—5) убитых рабов. Характерно, что наряду с усилением непосредственных связей с греческими колониями (Ольвия) не чувствуется еще влияния степной полосы и сохраняется самобытность местной культуры. Однако в IV в. положение резко меняется. Появляются новые погребальные сооружения — камеры-катакомбы, характерные для нижнего Поднепровья, типичный степной инвентарь (подобный инвентарю царских курганов), указывающий, что Киевщина теряет свою самобытность, самостоятельность, перестает быть периферией степи, включается в орбиту влияния степной полосы. Весьма возможно, что Киевщина становится частью единого государственного образования, возникновение которого в это время в Сев. Причерноморье вероятно. Центр государственного образования вряд ли мог быть в Киевщине, судя по проникновению сюда элементов культуры степной полосы.

Да и само государство, повидимому, не было основано на прочном фундаменте рабовладельческой формации даже в степной полосе.

Скифское государство, если оно существовало, было настолько непрочным, что должно было распасться под натиском восточных сарматских племен. После этого местная культура утратила военизированный характер, приобрела мирный и своеобразный характер культуры «полей погребений».

«Поля погребений», как бескурганные могильники с преобладанием трупосожжения, могли появиться в иной конкретной исторической обстановке. Родовые отношения, на основе которых сохранялся обычай создавать курганные могильники, перестали существовать, что привело к необходимости отказа от курганных могильников.

Вместе с этим постепенный упадок родовых отношений служил основанием для изменения в духовной культуре, в сознании людей, приводил к разрыву связей живых родичей с умершими предками. Таковы, по нашему мнению, основные причины перехода от одного погребального обряда к другому.

Подтверждением этому положению является постепенный рост погребений с трупосожжением, его изменение и развитие, начиная с доскифского времени до позднескифского. Трупосожжение, производившееся в доскиф-

ское время непосредственно в могильной яме (курган № 1 у с. Гамарни и Рыжановки, раскопки Самоквасова), продолжается в раннескифское время в насыпи и на горизонте и сопровождается захоронением большого числа скифского типа сосудов (курган № 375 у с. Константиновки, № 8 у с. Серебрянки); затем в среднее и позднескифское время трупосожжение производится в насыпи и на горизонте и в могильных ямах с деревянными сооружениями, сожжением вне ямы и складыванием остатков в могилу вместе с инвентарем.

Таков путь развития погребений с трупосожжением. Генетические связи погребального обряда с трупосожжением в скифское время с «полями погребений» наблюдаются в погребальных сооружениях из дерева, в характере погребений и инвентаре, особенно в керамике. Таковы, например, погребения в курганах скифского времени № 375 у с. Константиновки (большое количество сосудов), № 106, 114, 8, 185 у м. Смелы, дающие достаточно оснований для установления генетических связей скифской культуры с культурой «полей погребений». Скифская культура не могла исчезнуть и не исчезла. Она в связи с новыми, конкретно-историческими условиями, изменением общественных отношений приняла новые формы погребального обряда.

А. И. МЕЛЮКОВА

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ О СКИФСКОЙ
НЕПОБЕДИМОСТИ

В греческой и римской литературе, имеющей отношение к Сев. Причерноморью, существовало традиционное утверждение о непобедимости скифов. Постараемся выяснить, насколько оно соответствовало реальной действительности и каковы были причины его возникновения, а также причины, способствовавшие его длительному существованию. Основоположителем этого утверждения был Геродот, называвший непобедимость скифов самой важной их особенностью.

В IV книге Геродот пишет: «Эта самая важная особенность скифов состоит в том, что никакой враг, напавший на них, не может ни спастись бегством, ни захватить их, если они не захотят быть открытыми; ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собой, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством и жилища устраиваются на повозках, такому народу как не быть непобедимым и неприступным?»¹

Помимо этого категорического высказывания о скифской непобедимости, Геродот, говоря о скифах, везде, где только возможно, подчеркивает их воинственность и военную силу. Не вызывает сомнения, что автор делал это намеренно, руководствуясь особым стремлением поразить своих читателей необыкновенной для цивилизованного греческого мира воинственностью варваров. Совершенно очевидно, что основанием для вывода о непобедимости скифов послужило реальное событие из скифской истории — удачное отражение скифами полчищ Дария Гистаспа.

Из яркого, красочного, правда не без преувеличений, описания этого события у Геродота,² а также из скупого упоминания о нем у Ктесия,³ мы знаем о том, что решающее значение в печальном для Дария конце имело применение скифами особой тактики отступления, не известной грекам. Намек на эту своеобразную тактику скифов и содержится в приведенном выше отрывке.

Кроме того, некоторую роль в оформлении этого вывода о скифской непобедимости, повидимому, сыграли и блестящие победы скифов в Азии (упомянутые не один раз Геродотом, а позже многими греческими и римскими авторами), достоверность которых подтверждается свидетельствами клинописных ассирийских источников.⁴

Так как победы в Азии и над войсками Дария были совершены наибо-

¹ IV, 46. В. В. Латышев. Изв. древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, 1893—1904, стр. 21.

² IV, 118—140. В. В. Латышев. Указ., соч., стр. 46 сл.

³ История Персии, 16. В. В. Латышев. Указ., соч., стр. 354.

⁴ Б. Б. Piotrovskiy. История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 295 сл.

лее воинственной частью населения Скифии, скифами-кочевниками, Геродот объясняет причину скифской непобедимости преимуществами кочевого образа жизни над оседлым.

Следующим после Геродота о скифской непобедимости упоминает Эфор. В тех отрывках из всеобщей истории, которые сохранились в географии Страбона,⁵ Эфор рассказывает об особом племени скифов-номадов, питающихся кобыльим молоком и превосходящих всех других справедливостью. Они ведут простой образ жизни, не знают корыстолюбия, все у них общее, даже жены, дети и все родственники. Этим справедливым и добродетельным скифам-номадам Эфор и приписывает непобедимость, противопоставляя их грубым и жестоким савроматам и прочим скифам.

Характеристика скифов-номадов Эфора в основном далека от реалистических описаний скифов-кочевников Геродота. Общеизвестным в критической литературе⁶ считается, что образ скифов-номадов Эфора является идеализированным образом варваров, написанным автором с целью показать нетронутый культурой и живущий поэтому счастливой жизнью по неписанным законам народ, с тем, чтобы противопоставить его античной цивилизации, вызывающей у самого Эфора и его соотечественников разочарование.

Вопрос о принадлежности Эфора к определенной философской школе не разрешен, но общепризнанным является его принадлежность к последователям Гомера.⁷ Прототипом номадов Эфора были гомеровские абии, наделенные поэтом эпитетами *гиппемолгов* и *глагофагов*. К этому еще необходимо добавить, что общность жен, о которой упоминает Эфор, также не является собственным изобретением последнего. О той же самой особенности говорит Геродот,⁸ характеризуя массагетов, во всем остальном близких к скифам. Это замечание Геродота, по всей вероятности, не лишено оснований, так как массагеты находились на более низкой ступени развития, чем скифы того же времени.

Перенесение ряда черт с одного народа на другой было широко распространенным приемом в античной литературе. Именно о таком перенесении говорит Страбон,⁹ характеризуя манеру Гомера. Такое перенесение на скифов черт нескифских народов имеется и у Эфора.

Однако отдельные черты, характеризующие скифов, были заимствованы непосредственно из реалистического описания скифов у Геродота. К ним, в первую очередь, относится упоминание о скифской непобедимости. Так же как Геродот, Эфор связывает непобедимость с недоступностью скифов, хотя и объясняет эту их особенность, согласно своей общей концепции, их нестяжательностью. Поэтому невозможно согласиться с Ростовцевым,¹⁰ лишаящим свидетельство Эфора о скифской непобедимости, наряду с другими, идеализирующими скифов чертами, реальной основы.

Было ли упоминание о непобедимости скифов простым пересказом Геродота (и тогда в основе его лежат события из древней истории Скифии) или Эфор имел в виду и новые факты, сказать трудно. Но известные нам события скифской военной истории, современные Эфору, не находятся в противоречии с ранее высказанным представлением о военной силе и непобедимости скифов. Поэтому Эфор мог спокойно писать, не боясь быть уличенным во лжи своими соотечественниками, не разбиравшимися, повидимому, в тонкостях социального строя скифов, но, вероятно, знакомых с

⁵ Страбон, VII, стр. 3, 9. В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 115.

⁶ Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 90; Каллистов. Античная литературная традиция о Сев. Причерноморье. ИЗ, вып. 16, стр. 190 сл.

⁷ Ростовцев. Указ. соч., стр. 89; Каллистов. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье. ИЗ АН СССР, 16, стр. 190 сл.

⁸ I, 215—216. В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 7.

⁹ Страбон, VII, стр. 1, 2, 9; В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 93.

¹⁰ Ростовцев. Указ. соч., стр. 90.

фактической их историей, с историей взаимоотношений скифов с греческим миром.

Позднее образ идеализированных скифов-номадов Эфора, отвечая требованиям господствующей в античности философии киников и стоиков, повторялся в литературе много раз. Прямые последователи Эфора не внесли ничего нового и в его суждение о скифской непобедимости, насколько позволяют судить об этом дошедшие до нас упоминания о ней у современника Августа Николая Дамасского,¹¹ написавшего всеобщую историю, и в комментариях Евстафия к Илиаде.¹²

Очень большое место скифской непобедимости уделяет в своих филипповских историях Помпей Трог, известный нам, к сожалению, только в изложении Юниана Юстина. Но прежде чем перейти к Трогу, позволю себе остановиться на Декрете в честь Диофанта, так как хронологически Декрет предшествовал появлению работы Трога, а упоминание о скифской непобедимости в нем также имеет место. Датировать его принято 110—106 гг. до н. э.

«Когда скифский царь Палак,— говорится в Декрете,— внезапно напал на Диофанта с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми и, таким образом, сделал то, что Митридат Евпатор поставил над ними трофеем».

Несколько ниже: «снова воротился в наши места и, взяв с собой граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии».

Еще ниже говорится о том, что Диофанту удалось захватить Хабеи и Неаполь, «после чего почти все скифы сделались подвластными Митридату Евпатору; за это благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров».¹³

Специальное назначение Декрета — почтить Диофанта и начинающего деятельность Митридата, поэтому он написан в панегирическом тоне. В связи с этим упоминание о скифской непобедимости имело целью возвеличить Митридата. Б. Н. Граков¹⁴ указал уже на то, что это упоминание о скифской непобедимости зависело от литературной традиции, существовавшей, как мы могли видеть, в течение нескольких веков и, несомненно, хорошо известной как авторам Декрета, так и самому Митридату Евпатору. Вместе с тем Граков отметил, что оно не лишено фактической основы, так же как и сама традиция. Действительно, вся история взаимоотношений Херсонеса со скифами показывает, какую грозную опасность представляли последние для города, особенно во II в. до н. э., когда скифы, как об этом свидетельствует тот же Декрет, владели большей частью херсонесских земель. И хотя, судя по ряду свидетельств,¹⁵ херсонесцам были известны отдельные победы над скифами, нанести решительный удар скифскому царству своими силами херсонесцы не могли. Для этой цели им и понадобился Митридат, неизбежное подчинение которому было для херсонесцев менее страшным, чем подчинение скифам.

Скифскому царству войсками Митридата был действительно нанесен очень тяжелый удар, и на некоторое время оно подпало под власть понтийского царя. В этом отношении Митридат превзошел своих предшественников, пытавшихся подчинить себе Скифию.

В самом деле, хотя Дарий, Филипп и Зопирион проникали в Скифию значительно глубже Диофанта, так как в Декрете, несомненно, речь идет

¹¹ «Свод странных обычаев», 3, В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 455.

¹² В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 310.

¹³ В. В. Латышев. ИРЕ, т. I², 352, стр. 288.

¹⁴ Термин *Σκίθαι* и его производные в надписях Сев. Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 83.

¹⁵ Херсонесская присяга. В. В. Латышев, ИРЕ, т. I², 401, стр. 7—13; «Деяния херсонесской Девы», в числе которых упоминается победа над варварами, вероятно скифами. ИРЕ, т. I², стр. 343.

о середине только Крымской Скифии, их временные победы имели печальный конец. Однако мы не должны преувеличивать значения победы Митридата над скифами. Скифское царство не было окончательно разгромлено Диафантом и вплоть до конца II в. н. э. продолжало существовать в тех границах, в каких оно было известно и до Митридата Евпатора. Археологические раскопки, произведенные П. Н. Шульцем¹⁶ в Неаполе Скифском, показали, что городские стены были разрушены войсками Митридата, а город пострадал от осады и сильного пожара, но жизнь в нем не прекратилась и после этого события, а городские укрепления вскоре были восстановлены.

Помпей Трог о непобедимости скифов говорит главным образом во II, XXXVII и XXXVIII книгах.

Во второй книге¹⁷ о ней упоминается в связи с общей характеристикой скифов, в основном близкой к характеристике скифов у Эфора и его последователей. Но, в отличие от них, Трог не знает никаких других скифов или иных племен нашего юга, кроме скифов-номадов. По Трогу — это большое племя, славящееся своим древним происхождением и само являющееся родоначальником парфян. Оно занимает огромную территорию и, так же как номады Эфора, Николая Дамасского и многих других, ведет кочевой образ жизни, не зная постоянных жилищ. Эти номады справедливы, презирают воровство, не знают любви к золоту и серебру и вместе с тем являются непобедимыми, причем как все добродетели, так и непобедимость даны скифам от природы, а не внушены законами. Т. е. все то, о чем говорит здесь Трог, не является новым, оригинальным, а лишь указывает на принадлежность его к определенному направлению. Вместе с тем совершенно ясна связь суждения о непобедимости с определенными событиями из истории Скифии. Кроме того, скифам же приписывается победа над Киром, в действительности одержанная массагетами.

Перенесение на скифов события, не имеющего отношения к ним, объясняется главным образом расширенным понятием Скифии, какое вообще характерно для Помпея Трога и, повидимому, для его источников.

В своем дальнейшем изложении истории Скифии Помпей Трог, насколько дают право судить об этом короткие выдержки из него у Юстина, совершенно отвлекается от ставшей каноном, далекой от истины характеристики скифов.

В IX и XII¹⁸ книгах приводятся те факты из скифской истории IV в., упоминания о которых имеются у других авторов: Полиэна,¹⁹ Фронтин,²⁰ Страбона.²¹ Несмотря на то, что о скифской непобедимости здесь не говорится, вывод о ней напрашивается сам, так как, говоря о победе Филиппа над скифами, Трог специально подчеркивает, что причиной этого была не слабость скифов, а хитрость Филиппа, скифы же превосходили последнего численностью своих войск и военными доблестями, т. е. эта победа не могла изменить представления о скифской непобедимости.

В XXXVII и XXXVIII книгах Помпей Трог снова возвращается к специальному вопросу о скифской непобедимости, но уже в связи с походом митридатских войск на Скифию. Именно эти отрывки из истории Трога и представляют для нас больший интерес, так как они отражают то событие, о котором имеются не только литературные данные, но и данные надписей. «И так, с величайшим счастьем он покорил непобедимых прежде скифов, которые уничтожили Зопирину, полководца Александра с 30-тыс.

¹⁶ «Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму». Сов. Крым, № 2, Симферополь, 1946, стр. 103—105.

¹⁷ В. В. Латышев. Указ. соч., т. IV, вып. 1, стр. 56.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 59.

¹⁹ V, 44. В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 2, стр. 569.

²⁰ Военные хитрости, т. II, 4; то же, т. II, 1, 230.

²¹ География, VII, 3, 18; то же, т. I, стр. 121—122.

войском, перерезали царя Кира с 200 тысяч и захватили в бегстве македонского царя Филиппа», пишет Помпей Трог, вернее, Юстин, излагая содержание XXXVII кн.²²

Далее, в XXXVIII книге дается описание трудностей, которые пришлось преодолеть неопытному еще Митридату и явившихся одновременно причиной скифской непобедимости. Здесь снова выступает незнание реальной Скифии, которую Трог представляет в виде степи, с холодным климатом, а скифов — в виде кочевников, не имеющих оседлости и никаких богатств. Величайшие опасности и трудности похода для Митридата обуславливались не только военной доблестью и оружием скифов, но и этими условиями их жизни. Тем величественнее выступает значение победы Митридата, «который единственный из смертных усмирил весь Понт и Скифию, которую раньше никто не мог безопасно пройти или даже вступить в нее».²³

Ростовцев,²⁴ точка зрения которого совпадает с точкой зрения других кригиков Трога, указал на то, что Трог основывался в этой части своей работы на литературных известиях, идущих от митридатовских историков, целью которых было прославление этого царя. С этой точкой зрения невозможно не согласиться. Однако Ростовцев²⁵ лишает какой-либо доли реальности упоминание Помпея Трога о скифской непобедимости, относя его к числу утверждений, имеющих своей целью идеализацию Митридата. Это положение Ростовцева, как нам кажется, не соответствует действительности. Сравнение указанных отрывков из XXXVII и XXXVIII книг с разобранным выше Декретом в честь Диофанта говорит о близком толковании надписью и Трогом одного и того же события. Это дает основание предполагать, что Помпею Трогу или, вернее, его источнику был хорошо известен Декрет, написанный в Херсонесе и отразивший реальную скифскую действительность. Таким образом, упоминание о скифской непобедимости в этих последних книгах не является простым повторением традиции, существовавшей с Геродота и основанной главным образом на фактах из древней истории Скифии, а оживлено новыми данными, известными от непосредственных соседей скифов — греков, для которых скифы, как было сказано выше, представляли действительно непобедимую силу.

После Помпея Трога из всех авторов, касавшихся скифов периода до Митридата Евпатора, надо отметить еще Лукиана Самосатского,²⁶ написавшего историческую новеллу о скифах, целью которой было, как и у ряда отмеченных выше авторов, начиная с Эфора, противопоставить варварский мир греческому. Несмотря на то, что общая характеристика скифов близка к обычным идеализирующим характеристикам предшественников, он по своему объяснил причину скифской непобедимости. Оказывается, скифы непобедимы вследствие того, что умеют заключать и ценить крепкую дружбу, чего нет у греков. Друзья, вступившие в союз, благодаря принятию клятвы спасают себя и весь народ от страшных опасностей и врагов-соседей — сарматов, алан, меотов и боспорцев. Несомненно, что в основу новеллы Лукиана легли какие-то материалы по истории и этнографии Скифии, но так как в изложении автора нет никакого стремления к исторической точности, то очень трудно определить, какие именно эпизоды из реальной скифской истории легли в основу вывода о скифской непобедимости.

Победа Митридата Евпатора над скифами не сломала самого скифского царства. Традиция о непобедимости скифов также продолжала существовать. Однако в поздней литературе говорится уже не только о непобедимо-

²² XXXVII, с. 3, § 1. Латышев. Указ. соч., т. II, стр. 62.

²³ XXXVIII, с. 7, § 3. Латышев. Указ. соч., т. II, стр. 62.

²⁴ Ростовцев. Указ. соч., стр. 118—119.

²⁵ Там же, стр. 105.

²⁶ «Токсарид, или дружба». Латышев. Указ. соч., т. II.

сти скифов, но и о непобедимости сарматов и парфян,²⁷ военная сила которых стала хорошо известна римлянам.

Не случайно упоминание о скифах, наряду с другими народами, попросившими дружбы «божественного» Августа, в надписи о его деяниях.²⁸

Гораций Флакк, имея в виду, повидимому, события, упомянутые в приведенной надписи, неоднократно превозносил Августа как усмирителя недавно надменных скифов.²⁹

О том, что скифы располагали значительной военной силой в I—II в. н. э., говорят многие надписи и прежде всего надпись в честь Плавтия Сильвана в усыпальнице Плавтиев в Тибуре.³⁰ Из нее мы узнаем, что положение в Херсонесе снова было настолько напряженным, что Плавтию Сильвану ставится в заслугу снятие осады скифов с Херсонеса.

Победа над скифами превозносится в надписи, относимой Граковым, предположительно, ко времени Савромата I (93—123 гг. н. э.), и содержащей посвящения ряда лиц богам.³¹ А Котий I (123—122 г. до н. э.) за победу над скифами удостоился статуи.³²

Таким образом, традиция о скифской непобедимости не является измышлением античных авторов с целью идеализации варваров, а основана на реальной скифской действительности. Причиной для ее возникновения послужили события древней истории Скифии, когда скифы, одержав победу в Азии и над Дарием Гистаспом, поразили античный мир своей воинственностью и военной силой. Объяснение этому следует искать не в преимуществах кочевого образа жизни над оседлым, как это делал Геродот, а в особенностях социального строя Скифии. Эпоха VII—V вв. до н. э. (т. е. времени, когда были совершены победы, приведшие к возникновению представления о скифах, как о непобедимых) — это эпоха разложения родового строя и установления военной демократии, «когда война и организация для войны стали регулярными функциями народной жизни».³³

События из более поздней истории Скифии, а именно из истории взаимоотношений скифов с греческим миром, способствовали оживлению ранее высказанного суждения о скифской непобедимости. Этим главным образом следует объяснить длительность существования традиции.

²⁷ Особенно ярко у Помпония Мелы, Сарматия III. В. В. Латышев. Указ. соч., т. II, 123; Анней Лукан, кн. VII; там же, стр. 151.

²⁸ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в надписях Балканского п-ова. ВДИ, вып. 3, 1939, стр. 271.

²⁹ Оды, III, 8; IV, 14. В. В. Латышев. Указ. соч., т. II, стр. 29—32.

³⁰ Разобрано в работе Дьякова «Таврика в эпоху римской оккупации». Ученые зап. ГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 45—47.

³¹ Б. Н. Граков. Термин... КСИИМК, вып. XVI, стр. 87.

³² ИРЕ, т. II, 27, стр. 24.

³³ См. о военной демократии у скифов: Артамонов. Общественный строй Скифии. Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, 9, стр. 74 сл.

Д. Б. ШЕЛОВ

МОНЕТЫ СИНДОВ

Чеканка синдами собственной серебряной монеты в V в. до н. э. может по праву считаться одним из интереснейших явлений в области античной нумизматики Сев. Причерноморья.

Прежде всего замечателен самый факт столь ранней чеканки монеты «варварским» народом на далекой северо-восточной окраине эллинского мира. Создание хорошо организованной денежной системы, наблюдаемое в Синдике уже в конце V в. до н. э., необходимо предполагает наличие классового общества и государства. Энгельс указывает, что «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством».¹

Таким образом, мы должны признать, что синды весьма рано достигли высокой ступени общественного развития, перейдя к классовому обществу и государству. Тот факт, что этот переход был ускорен воздействием греков восточных городов и греческой культуры, дела не меняет, так как экономическое и социальное развитие самой Синдики должно было быть достаточным для осуществления этого перехода. Сами синдские монеты по качеству чеканки не уступают лучшим современным греческим образцам и достоинствами своей отделки, изяществом стиля и четкостью композиции свидетельствуют о значительном развитии техники и искусства в Синдике в V в. до н. э.

Количество типов синдских монет невелико,² но подбор их чрезвычайно любопытен. Наиболее полной серией является серия серебряных монет, имеющих на лицевой стороне изображение безбородой, обращенной вправо головы Геракла в львиной шкуре. На обороте этих монет помещена голова коня вправо внутри углубленного квадрата и над ней надпись ΣΙΝΔΩΝ.³

Ближайшую аналогию лицевому типу представляют самые ранние монеты Гераклеи Понтийской, относящиеся к последней четверти V в.⁴ Несмотря на стилистическую близость гераклейских и синдских монет, говорить о прямом копировании типа здесь нельзя; в гераклейской нумизматике этого времени Геракл изображается бородатым и вокруг головы его помещается точечный круг; но не будучи совершенно точной копией с гераклейских монет, синдский тип, вероятно, является все же результатом заимствования, лишь с небольшой переработкой, гераклейских типов. Заимствование это, вероятно, не случайно.

Изучение феодосийской чеканки IV в. до н. э. показывает, что Гераклея

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс—Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 90.

² Ср. Орешников. Этюды... ИРАИМК, II, стр. 123.

³ Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXIII, 6—9.

⁴ W. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies d'Asie mineure, I, 2, стр. 345—346, табл. LV, 1—4.

Понтийская оказала известное влияние на типологию феодосийских монет.⁵ Подобное же явление наблюдается и в фанагорийской чеканке самого начала IV в.⁶ Нам известно, что Гераклея вела на европейской стороне Боспора весьма активную антибоспорскую политику, поддерживая Феодосию в ее борьбе против спартокидов.⁷ Но вероятно интересы Гераклеи в Сев. Причерноморье не ограничивались одним Таврическим полуостровом, а распространялись и на противоположный берег Киммерийского Боспора. Что могло интересовать Гераклею в азиатской части Боспора, сказать трудно, но что такие интересы существовали, показывают монеты Фанагории. А указанные синдские нумизматические памятники, может быть, могут служить свидетельством того, что интересы эти проявлялись уже в последней четверти V в.

Изображение головы коня на реверсе синдских монет, видимо, оригинально. Появление его Зограф приписывает местным условиям Синдики, населенной кочевыми племенами.⁸ Мы не имеем никаких оснований связывать это изображение с каким-либо культом, поскольку религиозные представления синдов нам совершенно неизвестны. В греческой культовой символике конь обычно является спутником и атрибутом Посейдона; хотя мы и знаем о почитании Посейдона в Горгииппии,⁹ но сведения наши относятся к гораздо более позднему времени, и ничто не говорит о существовании этого культа на Боспоре в столь раннюю эпоху.¹⁰ Отражение местных хозяйственных условий в монетной типологии — явление обычное на Боспоре. Такой характер имеют изображения осетра, колоса, плуга и, может быть, быка на монетах Пантикапея IV в., изображение зерна на том же синдском и на фанагорийском серебре. Голова коня на рассматриваемых монетах синдов является первым по времени примером этого обычая на почве боспорской нумизматики. Стилистически конская голова синдских монет вполне соответствует современным ей образцам греческого искусства в других местах эллинского мира.¹¹ Вспомним, что именно в это время (конец V в. до н. э.) или чуть-чуть позже создаются Эвайнетом и Кимонном превосходные композиции с лошадьми на сицилийских тетрадрамах.¹² Лошадиные головы синдских монет принадлежат к той же ступени развития греческого искусства, что и сиракузские нумизматические шедевры.

Вторая группа синдских монет дает нам на лицевой стороне изображение сидящего грифона: орлиноголовый грифон с загнутыми вперед круглыми крыльями спокойно сидит, обернувшись вправо. Перед ним вертикально поставленное пшеничное зерно. На реверсе этих монет представлена та же голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ в углубленном квадрате.¹³ Стефани предполагал, что между типами лицевой и оборотной сторон этих монет существует внутренняя связь,¹⁴ но мы уже видели, что голова коня встречается на синдских монетах и другой серии, не имеющей изображения грифонов. Значение ее и тут и там, вероятно, одинаково.

Изображение грифона на нумизматических и археологических памятниках Сев. Причерноморья встречается весьма часто, но грифон синдских монет обладает некоторыми особенностями, отличающими его от остальных изображений этого рода. Прежде всего поза его крайне нехарактерна для

⁵ Бурачков. Указ. соч., табл. XVIII; ср. E. Minns. *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 559.

⁶ Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, 2, 4.

⁷ Polyaei *Strategem*, V, 23; VI, 9, 3; 9, 4; Ps. *Aristot., Oekon.*, II, 2, 8—1947. В—3.

⁸ А. Н. Зограф. *Античные монеты*, стр. 495.

⁹ ИАК, вып. 37, стр. 38, № 2.

¹⁰ E. Minns. Указ. соч., стр. 616.

¹¹ Ср. S. Markman. *The horse in Greek art*, Baltimore, 1943, стр. 80—85.

¹² C. Hill. *L'art dans les monnaies grecques*, Paris — Bruxelles, 1927, табл. L, 1, 3, 4; LI, 1.

¹³ Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, 1, 2.

¹⁴ ОАК, 1864, стр. 50, 56, 69.

причерноморских изображений. И в нумизматике северочерноморских городов, и на произведениях торевтики, и в вазовой живописи грифон почти всегда представлен идущим или бегущим. Здесь же мы видим спокойно сидящее животное. Вторая особенность синдского грифона заключается в форме крыльев; орлиноголовый грифон Причерноморья почти всегда имеет остроконечные отброшенные назад крылья, а не круглые, загнутые вперед. Только на двух известных нам памятниках оба эти признака отсутствуют, и грифон трактован так же, как и на синдских монетах. Это келермесское зеркало¹⁵ и куль-обская золотая бляха.¹⁶

Особенно близок к синдским монетам куль-обский грифон, его отличает только наличие у него на шее перистого гребня, которого нет у грифонов синдских. Давно уже было замечено, что аналогии синдскому грифону надо искать не в изображениях на предметах искусства Сев. Причерноморья, а в нумизматике Теоса и Абдеры.¹⁷ Действительно, на монетах этих городов мы находим совершенно ту же трактовку сидящего орлиноголового грифона с круглыми крыльями, что и на интересующих нас монетах.¹⁸ Разница заключается лишь в том, что теосский и абдерский грифоны обычно держат одну переднюю лапу предостерегающе поднятой, тогда как синдский грифон сидя опирается на обе передние лапы. Эти небольшие изменения типа могли быть результатом осмысления местными мастерами известного им типа теосских или абдерских монет. Заметим кстати, что на монетах Абдеры встречается и грифон, опирающийся на обе передние лапы, только крылья у него не круглые, а острые.¹⁹ Мы уже говорили, как видоизменили синдские резчики голову Геракла, заимствованную ими с чужих монет; с подобным же незначительным изменением встретимся мы и дальше, при изучении третьего типа синдских монет. О значении изображения зерна на синдских монетах мы уже говорили выше.²⁰

Особенно интересной по своей типологии является следующая группа

¹⁵ M. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks*, Oxford, 1924, табл. VI.

¹⁶ ДБК, табл. XXVI, 1.

¹⁷ Кене. Описание музея князя В. В. Кочубея, I, СПб., 1857, стр. 445; E. Minns. Указ. соч., стр. 632.

¹⁸ E. Regling. *Die antike Münze als Kunstwerk*, Berlin, 1924, табл. III, 66; IV, 106; IX, 228; XXII, 493; *SBM*, Thrase, стр. 65, 67, 70.

¹⁹ E. Regling. Указ. соч., табл. 22, 495.

²⁰ ГИМ недавно приобретена золотая монета синдов с типами этой серии (издана Ю. С. Крушкол. Золотая монета Синдики. ВДИ, 1946, № 4, стр. 164—165, рис. 1—2). На лицевой стороне ее изображен сидящий вправо грифон, перед ним вертикально поставленный колос, на реверсе, в углубленном квадрате — голова коня вправо и надпись ΣΙΝΔΩΝ. Вес монеты 4.08 г. Монета эта, по словам издавшей ее Крушкол, «признана подлинной всеми московскими нумизматами». Однако она вызывает ряд недоуменных вопросов. Прежде всего, когда она была выпущена? Близость ее по типам к серебряной чеканке синдов говорит как будто за ее принадлежность к тому же времени; но совершенно невероятно, чтобы синды могли начать выпускать золотую монету в конце V в., когда вообще в греческом мире золото не чеканилось и имело хождение только в виде дариков. Крушкол датирует монету пятидесятью годами IV в., считая, что до введения биметаллизма в Греции Филиппом Македонским золото и в Синдике чеканиться не могло. Но и эта датировка неприемлема по следующим соображениям: во-первых, стиль головы лошади на золотой монете и на синдском серебре совершенно одинаков и совершенно ясно датируется, как мы видели, последней четвертью V в. до н. э.; во-вторых, вдавленный квадрат на реверсе золотой монеты никак не позволяет относить ее к IV в. Таким образом, стилистические и технические особенности монеты заставляют датировать ее V в. и исключают более позднюю датировку, а металл, из которого она чеканена, не мог применяться для чеканки ранее IV в. Этому противоречию мы не можем найти объяснения, и оно заставляет нас с сомнением отнести и к самой монете. Кроме того, подсечение вызывает и вес монеты — 4.08 г. Каковы могут быть ее номинал и система? Крушкол считает ее 1/3 эгинского статера, опираясь на мнение Бертье-Делагарда, будто золото в Пантикапее чеканилось по эгинской системе. Но, во-первых, в Пантикапее, даже и по теории Бертье-Делагарда, никогда не чеканилась золотая монета этого номинала, а только монеты достоинством в 9 обол, т. е. 3/4 статера, которые даже не могут быть разделены без остатка на предлагаемый Крушкол номинал. Во-вторых, сама теория Бертье-Делагарда неправильна. На Боспоре,

синдских монет, представленная всего одним номиналом, диоболом. На лицевой стороне этих монет находится изображение нагого воина вправо, опустившегося на правое колено и рассматривающего лук, который он держит на руках. На оборотной стороне в неглубоком *quadratum incusum* помещено изображение совы впрямь с распушенными крыльями и надпись ΣΙΝΔΩΝ.²¹ Орешников заметил, что фигура этого воина заимствована с одного из кизикских статеров, причем «детали фигуры рабски скопированы». ²² Но он сам замечает некоторую разницу в изображениях; так, на синдской монете воин представлен с непокрытой головой, а на кизикской — в шлеме; имеются и другие мелкие отличия, так что говорить о рабском копировании типа синдами невозможно, но подражание синдских монет кизикину, указанное Орешниковым, совершенно бесспорно. ²³ Мы имеем здесь дело с тем же явлением, с которым мы уже дважды сталкивались в синдской нумизматике, — с заимствованием чужого типа, несколько измененного или переработанного местными мастерами. Подобные коленапреклоненные фигуры на кизикских статерах настолько обычны, что даже не зная о той роли, которую играли кизикины в торговле Сев. Причерноморья, можно было бы а priori предположить, что их изображения послужили прототипом для рисунка на аверсе рассматриваемой синдской монеты. Между тем значение кизикинов в денежном обращении Боспора было весьма велико; ²⁴ копирование кизикских типов применялось в нумизматике Тиря и Херсонеса. ²⁵ Поэтому нет ничего удивительного и в подобном заимствовании синдов.

Еще интереснее тип оборотной стороны этих синдских монет. Он явно повторяет реверсный тип афинского серебра, поскольку изображение совы впрямь с распушенными крыльями нигде больше на монетах не встречается (этот тип появляется, правда, на монетах Амиса в период подчинения его Афинам, когда само название города было переделано в Пирей, ²⁶ но, конечно, нет никаких оснований для предположения о заимствовании этого типа оттуда, да и трактовка совы амисских монет несколько иная). Орешников считал, что оригиналом для синдских мастеров послужило изображение совы на афинских декадрамах конца VI в., ²⁷ но Зограф находит для совы более близкую аналогию в изображениях на аттических тригемисах второй половины V в., ²⁸ которые и по стилю, и по размеру стоят гораздо ближе к синдским монетам, чем декадрамы, указанные Орешниковым. Появление афинской совы на оборотной стороне синдских монет вряд ли может быть объяснено чем-нибудь иным, кроме как фактом афинского влияния в азиатской части Боспора.

А. А. Сибирский построил целую теорию об укреплении Афин на азиатской стороне Боспора, теорию, принятую затем Орешниковым ²⁹ и

как и в других местах, эгинский стандарт никогда не применялся для чеканки золота, а лишь для серебра. Поэтому нет никаких оснований усматривать этот стандарт и в синдской золотой монете. Таким образом, и стилистические и метрологические данные новой монеты вызывают сомнение в ее подлинности. С формальной стороны она не производит впечатления подделки, по крайней мере на ней не заметно следов литья или проработки ее резцом, но вероятность ее подлинности все же очень мала.

²¹ Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, 5.

²² Орешников. Этюды... ИРАИМК, II, стр. 123, 124.

²³ Greenwell. The electrum coinage of Cysicus. Num. Chr., 1887, табл. IV, 16, 17; Н. Fritze. Die Elektronprägung von Kyzikos, Nomisma, VII, 1912, табл. IV, 3.

²⁴ Об этом см. нашу статью «Кизикские статеры на Боспоре». ВДИ, 1949, № 2.

²⁵ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. ИГАИМК, V, стр. 389.

²⁶ Waddington, Babelon, Reinach. Указ. соч., I, 1, табл. VI, 16—32, стр. 44 сл.

²⁷ Орешников. Этюды... ИРАИМК, II, стр. 124.

²⁸ Зограф. Античные монеты, стр. 498.

²⁹ Орешников. Босфор Киммерийский в эпоху спартокидов. М., 1884, стр. 7—8; Тр. VI Археол. съезда, т. II, стр. 80.

Ростовцевым.³⁰ Сибирский предположил, что город Стратоклея, упоминаемый у Плиния,³¹ получил свое название от имени афинского архонта 425 года — Стратокла, что афиняне основали на Боспоре новую колонию или (что более вероятно) в Стратоклею был переименован какой-то ранее существовавший боспорский город (Гермонасса?). Сова на синдских монетах свидетельствует о влиянии Афин в Синдике как раз в это время.³² Гипотеза Сибирского пока еще не подтвердилась никакими новыми данными, но она остается все же вероятной. Во всяком случае, датировка синдских монет не противоречит положениям, выдвинутым Сибирским.

Вся синдская чеканка относится примерно к одному времени. Об этом говорят технические и стилистические особенности, присущие в одинаковой мере всем рассмотренным группам синдских монет. Неглубокий *quadratum incusum* на оборотной стороне, размещение надписей вдоль верхнего края этого углубленного квадрата, характер букв надписи и стиль изображения лошадиной головы,— все это совершенно определенно указывает на одновременность синдской чеканки с серией пантикапейских монет, имеющих на лицевой стороне изображение морды льва впрямь, а на оборотной — голову барана вправо. Эта пантикапейская серия датируется последней четвертью V в. до н. э., а следовательно к этому же времени должна быть отнесена и чеканка синдов. Эта дата подтверждается и указанными выше типологическими заимствованиями: оригиналы, с которых брали свои сюжеты синдские монетные мастера (монеты Гераклеи, Афин), имели хождение в последней трети V в. Правда, Орешников считал синдские монеты с изображением коленопреклоненного воина и афинской совы более ранними, чем остальные монеты синдов. Он находил возможным датировать их началом V в. на том основании, что они копировали типы кизикинов и афинских декадрахм, выпущенных еще в VI в. до н. э.³³ Зограф указал, что сова была заимствована синдами не с декадрахм VI в., а с тригемиоболов времен Перикла. Что же касается заимствования типа кизикского статера, то хотя Орешников и правильно определяет оригинал, тем не менее это не может еще доказывать раннего происхождения синдских монет. Во-первых, датировка этого кизикского статера у Фритце 550—475 гг.³⁴ весьма сомнительна; мы думаем, что прав Реглинг, когда помещает этот статер не во вторую, а в третью группу кизикинов (475—410);³⁵ во-вторых, даже если этот статер и был выпущен гораздо ранее, он все же имел хождение (а стало быть, и мог служить образцом для копирования) в течение еще очень длительного периода, как показывают находки ранних кизикинов, в том числе и интересующего нас типа, вкладах гораздо более позднего времени, вплоть до второй половины IV в.³⁶ Таким образом, никаких оснований для более ранней датировки синдской монеты с совой не остается. Сама же монета по технике и стилю тесно примыкает к остальной чеканке синдов. Концом V в. датируют синдскую чеканку и Бертье-Делагард³⁷ и Миннс.³⁸ Для датировки отдельных выпусков синдской чеканки у нас нет никаких данных, а поэтому мы и не можем сказать, выпускались ли монеты разных типов одновременно или последовательными сериями. Очень небольшое количество номиналов, представленных в каждой серии, говорит, кажется, в пользу первого предположения.

³⁰ M. Rostovtzeff. Указ. соч., стр. 67; САН, VIII, 565.

³¹ Plyn., Hist. Nat., VI, 6.

³² А. А. Сибирский. Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов. Тр. III Археол. съезда, т. I, стр. 123—124.

³³ Орешников. Этюды... ИРАИМК, II, стр. 125.

³⁴ Fritze. Указ. соч., стр. 27.

³⁵ Z. f. N., 1931, стр. 9.

³⁶ Regling. Die Goldschatz von Prinkipo. Z. f. N., 1931, стр. 24 сл.

³⁷ Нумизм. Сб., II, стр. 94.

³⁸ Minns. Указ. соч., стр. 632.

Рассмотрение типов синдских монет обнаруживает некоторые интересные черты, присущие чеканке синдов. Монеты этого «варварского» народа на далекой окраине эллинского мира оказываются и по сюжетам своих изображений, и по трактовке этих сюжетов совершенно греческими, более греческими даже, чем монеты «греческого» города Пантикапея. Туземный элемент, местные художественные вкусы не получили никакого отражения в чеканке синдов, если не считать, конечно, чисто формальных моментов вроде изображения головы коня, но и эта «местная» эмблема трактована, как мы видели, совершенно в эллинском духе. Между тем в пантикапейской нумизматике уже в V в. приходится считаться с возможностью местных влияний на стиль и манеру изображения, не говоря уже о монетах IV в., в которых местный элемент получает преобладающее значение.

Трудно отделаться от впечатления большей эллинизации Синдики по сравнению с Пантикапеем. Что дело здесь не просто в заимствовании греческих монетных типов синдами, а в действительном, очень глубоком проникновении в Синдику греческих нравов и вкусов, показывает характер археологических находок в этой области. Отдельные случайные находки и систематические раскопки синдских городищ свидетельствуют об очень значительной роли греческих привозных изделий в быту местного населения.³⁹ О сильной эллинизации синдов говорят и эпиграфические материалы из Горгииппии.⁴⁰ Вероятно, большую роль в этой эллинизации синдов играла Фанагория, уже в древнейшую эпоху являвшаяся главным центром греческой культуры в азиатской части Боспора.⁴¹

Говоря о типологических заимствованиях синдских монетных мастеров, следует подчеркнуть не рабски подражательный, а творческий характер этих заимствований: в то время как мелочная копировка деталей характерна как раз для варварских подражаний и приводит обычно в конце концов к совершенному искажению типа и утере им всякого смыслового значения (чему мы имеем превосходные примеры в варварских подражаниях статерам Филиппа II, Александра Великого, Лизимаха, римским денариям и т. д.), сознательное воспроизведение чуждого типа свидетельствует об известной художественной и технической зрелости и о наличии политической, религиозной или иной идеи, влиявших на выбор оригинала. Своими небольшими, но вполне определенными поправками к заимствованным им типам синдские монетные мастера ясно показывают, насколько сознательно относились они к стоящей перед ними задаче. О причинах заимствования того или иного типа мы уже говорили выше.

Синдская чеканка в последней четверти V в. заставляет нас видеть в Синдике этого времени развитое греко-синдское государство с достаточно высоким уровнем экономической и культурной жизни. История Синдики известна нам очень плохо. Вероятно, к этому времени относится правление синдского царя Гекатея, имя которого известно из Полиена.⁴² Из рассказа Полиена ясно видно, что Гекатей находился в дружественных и даже родственных отношениях с пантикапейским правителем Сатиром I. Отмеченная уже нами близость синдских монет к современным пантикапейским в области стиля, техники и композиции — скорее всего результат влияния пантикапейской чеканки на синдскую. В то же время заимствование синдами типов иностранных монет, в том числе и у Гераклеи, говорит о наличии

³⁹ Ростовцев. Скифия и Боспор, П., 1925, стр. 370 сл.; ср. ВДИ, 1946, № 3, стр. 205 сл.

⁴⁰ ВДИ, 1946, № 3, стр. 208; ср. Жебелев. Боспорские этюды: ИГАИМК, 104, 1934, стр. 44—45.

⁴¹ Ср. Г. Боровка. Бронзовый олень из Ульского кургана. ИРАИМК, II, стр. 202.

⁴² Polyani Strategem., VIII, 55; ср. Латышев. Повести, стр. 75; Жебелев. Указ. соч., стр. 17; Ростовцев считает, что Гекатей жил в III в. до н. э., но доводы его не особенно убедительны.

самостоятельной политики синдов, независимой от спартокидов. Прекращение синдской чеканки в самом конце V в. вызывает некоторое недоумение.

Присоединение Синдики к Боспору произошло, вероятно, позднее, при Левконе I, насколько позволяет судить титулатура спартокидов.⁴³ Значит, не это присоединение прервало так хорошо налаженный чекан синдского серебра. Правда, можно предположить, что еще до присоединения к Боспорскому государству Синдика оказалась в орбите его влияния, что могло бы быть связано с ослаблением в конце V в. Афин, вероятно, сыгравших заметную роль в эллинизации синдов и создании их государства. Можно высказать и другое предположение — что прекращение синдской чеканки связано с выпуском собственной монеты Фанагорией, начавшимся как раз на рубеже V и IV вв. до н. э. Но все это, разумеется, только догадки, которые пока ничем подтверждены быть не могут. Во всяком случае, попытка Шкорпила отнести синдскую чеканку ко второй четверти IV в. на том основании, что в это время Синдика переживает период расцвета под властью Горгиппа, брата Левкона I,⁴⁴ совершенно несостоятельна, так как синдские монеты, несомненно, относятся к более раннему времени. Восстановление же Шкорпилом посвятившей надписи Артемиде Эфесской, на основании которой он строит все свои выводы, весьма сомнительно. В эпоху подчинения Боспору синды своей монеты, безусловно, не чеканили.

Спорным является также вопрос о местонахождении синдского монетного двора. Обычно считается, что синдские монеты чеканились в Синдской гавани (*Σινδικός λιμὴν*).⁴⁵ Мнение это основывается на том, что Синдская гавань, как предшественница Горгиппии, была, видимо, столицей синдов.⁴⁶ У Орешникова и Ростовцева есть упоминание о находках синдских монет в районе Анапы,⁴⁷ что говорит как будто бы в пользу этого предположения; но нам нигде не приходилось встречать публикаций подобных находок или хотя бы конкретных ссылок на них. Зограф высказал предположение о возможности чеканки синдами своей монеты в Фанагории. Подтверждение этому он видит в фигуре грифона на синдских монетах (грифон — герб Теоса, метрополии Фанагории) и в помещении добавочного символа — зерна — на монетах как синдских, так и фанагорийских. Кроме того, подобное предположение могло бы объяснить отсутствие собственной фанагорийской чеканки в течение всего V в.⁴⁸ Последнее обстоятельство действительно трудно объяснить.

Наиболее ранние известные нам серебряные монеты Фанагории должны быть датированы началом IV в. до н. э.⁴⁹ Все они составляют одну серию. *Quadratum incusum* на фанагорийских монетах отсутствует, что заставляет считать их более поздними, чем синдские монеты; но тип оборотной стороны на них все еще расположен в круглой, очень глубокой вдавленности.⁵⁰

⁴³ ИРЕ, II, 6; ср. Жебелев. Указ. соч., стр. 17.

⁴⁴ ИАК, вып. 63, 1917, стр. 110.

⁴⁵ Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1914, стр. 51; P. Gardner. The History of ancient coinage, Oxford, 1918, стр. 332.

⁴⁶ Орешников. Этюды... ИРАИМК, II, стр. 122.

⁴⁷ Орешников. Экскурсы..., стр. 51; Rostovtzeff. САН, VIII, стр. 565.

⁴⁸ Зограф. Античные монеты, стр. 498.

⁴⁹ Миннз утверждает, что существуют фанагорийские монеты с изображением львиной морды впрямь на аверсе и с углубленным квадратом, разделенным на 4 части, — на реверсе, т. е. совершенно подобные ранним пантикапейским и аполлонийским монетам, но с буквами ФА (Minns, Указ. соч., стр. 628). Одну такую монету он издает (табл. IX, II), но фотография настолько плоха, что разобрать рисунка реверса невозможно. Кажется, *quadratum incusum* разделен не простой перегородкой, а лучами четырехлучевой звезды, букв совершенно нельзя различить. Другие подобные монеты в наших собраниях отсутствуют и в сводке Бертье-Делагарда они тоже не упомянуты.

⁵⁰ Бурачков. Указ. соч., табл. XXIII, 2, 4, 5.

По технике выполнения фанагорийские монеты очень близки ко второй серии пантикапейского серебра с головой барана на реверсе: тот же вдавленный круг, то же расположение надписи по окружности над изображением. Если фанагорийская чеканка и не одновременна выпуску этой серии пантикапейских монет, то она, во всяком случае, должна непосредственно за ним следовать и не может быть моложе первой серии пантикапейского серебра с изображением головы Сатира, где вдавленность оборотной стороны сохраняется уже в очень слабой степени. Эти соображения заставляют нас датировать фанагорийские монеты рубежом V и IV вв. или I десятилетием IV в. Тип оборотной стороны этих фанагорийских монет совершенно очевидно заимствован с монет Гераклеи Понтийской начала IV в. до н. э.⁵¹ Каковы были причины для такого заимствования — мы указать не можем. По аналогии с феодосийской чеканкой можно было бы предположить, что гераклеийские типы свидетельствуют о сепаратистских тенденциях в Фанагории (ср. гипотезу Ростовцева о борьбе между Пантикапеем и Фанагорией за влияние на окружающие племена и населенные пункты). Но дальше предположений в этом вопросе мы идти не можем из-за отсутствия конкретных исторических свидетельств. Мы даже не знаем, входила ли Фанагория в состав Боспорского царства в тот момент, когда она чеканила свою монету. Можно предполагать, что она не была еще подчинена полностью спартокидам, ибо в других городах всякая чеканка после присоединения их к Боспорскому государству прекращается.⁵² Но само по себе наличие автономной чеканки в Фанагории еще не может служить твердым доказательством ее независимости.⁵³

Еще менее может служить таким доказательством отсутствие упоминания Фанагории в титулатуре спартокидов, давшее повод Брандису утверждать, что Фанагория оставалась независимой до митридатовского времени.⁵⁴ Это предположение Брандиса очень мало вероятно: трудно допустить, чтобы Фанагория могла оставаться самостоятельной даже в IV в., не говоря уже о более поздних временах, когда все окружающие племена были подчинены боспорским правителям. Гораздо ближе к истине подходит, вероятно, Ростовцев, когда объясняет отсутствие названия Фанагории в титулатуре спартокидов тем, что Фанагория входила в это время в состав вассального Синдского государства и упоминание в царском титуле синдов делало излишним указание на Фанагорию.» Эта версия хорошо согласуется с гипотезой Зографа и чеканке синдских монет в Фанагории и с появлением на синдских монетах теосского грифона.

В полном соответствии с этой версией находится и наше предположение о том, что фанагорийская чеканка относится еще к автономному периоду существования Фанагории до полного присоединения ее к державе спартокидов. Но все же это лишь гипотеза, подтвердить которую реальными данными пока невозможно. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь констатацией указанных выше нумизматических фактов и теми общими соображениями, о которых мы только что говорили, в надежде на то, что ведущиеся сейчас работы на фанагорийском городище и предполагающиеся в ближайшие годы раскопки в Анапе прольют свет на некоторые стороны истории Азиатского Боспора и дадут новые материалы для решения важного вопроса об отношении синдов и Фанагории к спартокидам и о взаимоотношении их между собой.

⁵¹ Ср. Waddington, Babelon, Reinach. Указ. соч., I, 2, табл. LV, 8, 9.

⁵² Феодосийская чеканка середины IV и III вв. до н. э. носит, повидимому, совершенно особый характер и связана с борьбой Феодосии против спартокидов. Этому вопросу мы надеемся посвятить вскоре особую статью.

⁵³ Ср. Жебелев. Указ. соч., стр. 13.

⁵⁴ P.—W. RE, V, стр. 767.

⁵⁵ Ростовцев. Амага и Тиргатао. ЗООИД, т. XXXII, 1915, стр. 67; САН, VIII, стр. 570.

II. ИНФОРМАЦИЯ

И. А. ЛУНЕГОВ

ТИМШЕРСКАЯ НАХОДКА

В мае 1946 г. в собрания Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина поступили две крупные литые бронзовые бляхи, найденные при слиянии рек Тимшера и Южной Кельтмы в Верхнем Прикамье. Обе бляхи имеют форму, близкую к прямоугольной, с несколько суженной верхней частью.

На одной из них изображена массивная фигура женщины с прижавшимися к ней с двух сторон тонкими фигурами такого же роста. Человеческие фигуры стоят на трех лосиных головах, обращенных вправо, и увенчаны двумя такими же головами, обращенными друг к другу (рис. 14б).

Другая бляха изображает мужскую фигуру, выполненную в той же манере, но с рельефно выступающим носом, очень длинным и тонким. Эта фигура стоит на спине лося с двумя головами, обращенными в разные стороны; над каждой из этих голов располагаются по вертикали еще по семи таких же голов с наиболее крупными вверху. Вся композиция увенчана четырьмя головами хищных птиц с загнутыми клювами (рис. 14а).

Размеры блях следующие: первая — выс. 14.7 см, ширина вверху 4.7 см, внизу — 6.2 см; вторая — выс. 16.5 см, ширина вверху 5.2 см, внизу — 8 см.

Обе бляхи литые; следы литья хорошо сохранились с их тыльной стороны. Там же к каждой бляхе припаяно по одному ушку овальной формы. На первой бляхе длина ушка 1.5 см, ширина — 0.5 см; на второй — длина 1 см, высота — 0.9 см.

А. В. Арциховский, которому мы послали фотографии обеих блях, указывает на аналогии им в работе А. А. Спицына о шаманских изображениях и ссылается на мнение А. П. Смирнова, который ознакомился с присланными фотографиями и датирует первую бляху IV—V вв. н. э., т. е. гранью между пьяноборской и ломоватовской эпохами, а вторую — I—III вв. н. э., т. е. пьяноборским временем. По мнению О. Н. Бадера, чрезвычайная близость в манере изображения людей и лосей на обеих бляхах говорит за близость их дат, а может быть и за единство происхождения. Зав. отд. истории Молотовского обл. музея А. Г. Милицина высказала предположение, что в фигурах первой бляхи мы имеем прообраз «золотой бабы», которой поклонялись пермяки и которая изображается с двумя детьми; а на тимшерской бляхе две боковые фигуры, вероятнее всего — дети, судя по тому, как они прижались к женщине.

В сентябре 1947 г. мне удалось обследовать место находок. Оно находится в 60 км к западу от Чердыни, у небольшого поселка Тимшер и располагается на самом берегу староречья Южной Кельтмы. Приподнятое всего метра на три над уровнем реки, место находок не заливается в половодье.

Здесь на пашне видны 2—3 пятна красной обожженной глины со следами пепла и угля и остатками рыбьих костей. Площадь каждого пятна примерно 2×3 м; пятна вытянуты в линию вдоль старого русла Кельтмы, в 3 м от берега; расстояние между пятнами около 4 м.



а б
Рис. 14а, б. Бронзовые бляшки, найденные близ Тимшер

При опросе лиц, присутствовавших при находке 1946 г., выяснилось, что здесь было найдено 7 идолов; к сожалению, только 2 из них попали в наши руки, остальные 5 утрачены. По словам опрошенных, потерянные идолы походили на двух описанных выше, т. е., вероятно были также отлиты из бронзы.

Изложенные наблюдения заставляют предполагать, что на месте находки идолов в свое время существовало жертвенное место.

А. С. БОБРОВА

БУСЫ ИЗ АФРАСИАБА

СЛЕДЫ ПРОИЗВОДСТВА ГЛАЗЧАТЫХ СТЕКЛЯННЫХ БУС
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди коллекций археологического кабинета Среднеазиатского гос. университета имеется одна небольшая, но весьма важная коллекция стеклянных бус и материалов их производства. Ценность коллекции в том, что она освещает важный, но и мало выясненный вопрос — технику производства изделий.

Коллекция состоит из нескольких десятков неудавшихся или незаконченных обработкой глазчатых бус, мисочки с застывшей стеклянной массой, нескольких керамических трубочек, нескольких глазков в виде затвердевших капелек стекла и из не имеющих отношения к изготовлению бус — стеклянных вставочек, которые могли быть использованы в перстнях, серьгах и других украшениях (рис. 15).

Форма бус — неправильно округлая, 1.5—2 см в диаметре. Стекло бус малопрозрачное темнозеленое и совершенно непрозрачное коричневое и черное. Глазки бус из светлолилового, светлозеленого и синего прозрачного стекла в белом гипсообразном ободке. Форма глазков — неправильные кружочки и овалы, 3—5 мм в диаметре.

Расцветка стекла производилась металлическими красителями. Темнозеленый, темносиний и черный цвета достигались различной дозировкой окиси меди, синий цвет более чистого оттенка (в глазках) — окисью кобальта, лиловый и коричневый — различной дозировкой окиси марганца.

Особенностью обнаруженных бус являются керамические трубочки внутри их. Трубочки сделаны из тонкой, хорошо отмученной и хорошо обожженной светложелтой глины (рис. 15—2). Длина трубочек 1.2—2.2 см, диаметр (в сечении) — 0.3—0.6 см; диаметр отверстия 0.15—0.3 см. Края трубочек неровно обломаны. Найденный с ними тигелечек в виде маленькой мисочки вылеплен из белой огнеупорной глины с примесью талька. Высота мисочки 1.1 см, диаметр окружности по бортику 3.2 см, диаметр донца 2.7 см. Застывшая в нем плотная стеклянная масса — неопределенного серо-коричневого цвета.

Незаконченные в обработке бусы, тигелечки со стеклянной массой и другие приведенные выше данные свидетельствуют о том, что здесь производились бусы весьма характерного вида, с локальной особенностью — керамической трубочкой внутри бусы.

Материал коллекции обнаружен на городище Афрасиаб, расположенном около гор Самарканда, и датирован керамикой IX—X вв. н. э.

Другая особенность этой коллекции — очень примитивный способ изготовления бус — стекло обрабатывается здесь, как паста, как материал, который формуются от руки.



1



2



3



4



5

Рис. 15. Бусы из Афрасиаба

Расплавленная, а затем остуженная, но еще мягкая, тягучая стеклянная масса наматывалась на керамическую цилиндрической формы трубочку (рис. 15—3), и окатыванием на каменной доске, каким-либо другим способом давления или просто руками ей придавалась более или менее округлая форма (рис. 15—4).

Затем в окатанную, еще не вполне застывшую, мягкую бусу вставлялись глазки. Для этого на теле бусы делались выемки, вероятно вдавливанием, в них втирался раствор белой гипсообразной массы и в раствор вставлялись заготовленные для этой цели цветные стекляшки. Затем происходила подправка, подчистка бусы и следующий момент в ее изготовлении — оплавка.

Оплавка производилась путем накаливания, в результате чего буса становилась более прочной, поверхность ее — гладкой, блестящей. Дальнейший процесс изготовления нетрудно представить умозрительно. Для окончательной отделки бусины торчащие из нее концы керамической трубочки затачивались или отпиливались около самого тела бусины.

Ввиду отсутствия в настоящей коллекции образцов, законченных обработкой, предполагать застрявшие в бусах керамические трубочки браком нет оснований. Отверстие в трубочке вполне соответствует обычному диаметру сквозных отверстий в бусах. В противном случае оно было бы необычно широко, и бусина была бы слишком хрупка.

Таким образом, в данной находке мы впервые имеем прямое вещественное доказательство давно уже высказанному в литературе положению о местном производстве стеклянных изделий, в том числе бус, на территории Средней Азии.

Особенно важно, что в данном случае на Афрасиабе отмечены следы мастерской, где производились именно глазчатые бусы.

В наибольшем количестве и вариациях до сего времени глазчатые бусы встречены на территории Восточной и Юго-Восточной Европы в материалах катакомбной и одновременной ей ямной культуры VIII—X вв. н. э., в так называемый салтовский период.

В большом обилии встречаются они в это же время на Северном Кавказе. Следовательно, и кратко описанная наша коллекция относится к тому же времени.

С. М. Ш А П Ш А Л

РЕДКАЯ ТУРЕЦКАЯ МОНЕТА

Просматривая несколько лет назад небольшую частную коллекцию мусульманских монет, я обратил внимание на одну медную неправильной формы маленькую монету. На одной стороне было изображение зайца, на другой — довольно отчетливо читаемое имя Осма(н) и год гиджры 714, т. е. 1314 н. э. (рис. 16). Монета найдена вместе с другими старыми монетами в гор. Бруссе (Малая Азия) в 1896 г.

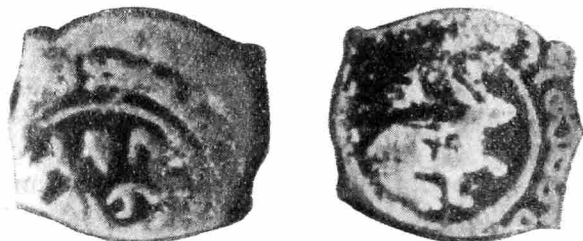


Рис. 16. Медная монета Османа I

В турецкой литературе, кроме отдельных статей Али-Бея и известного историка Ахмед-Рефика, печатавшихся в Сборнике турецкого исторического общества,¹ — обширный труд ученого нумизмата Исмаила-Галиба,² сына Эджем-паши, под названием «Таблицы османских монет»,³ всегда считался един-

ственным систематическим и весьма обстоятельно обработанным источником для ознакомления с османско-турецкой нумизматикой.⁴

Правда, после труда Исмаила-Галиба появилось еще в печати обширное исследование директора Оттоманского музея Халиль-бея, под названием «Каталог старомусульманских монет»,⁵ но в этом труде только 8-я часть составляет описание монет собственно османских.

Авторитет Исмаила-Галиба в вопросах турецкой нумизматики заставляет обратиться к его труду. Относительно монет, бывших в Турции в царствование ее первого султана, у него сказано:

«Султан Осман-хан I (699—726).

№ 1. Медная монета. Легенда: «Да хранит Аллах его царство» (д. 22 миллиметра, вес 1.800 г).⁶

Основатель Османского государства, да будет оно вечно, — султан Осман-хан Гази, из уважения к последним сельджукидам, не чеканя монет от собственного имени, допускал в обращение за время своего царствования

¹ См. 1915 и 1925—1926 гг. этого журнала, носившего и французское название «Revue historique publiée par l'Institut d'Istoire turque».

² У некоторых ориенталистов он цитируется под именем: Ghalib Edhem. Ср. J. H. Mor dt mann. (Encyclopédie de l'Islam, т. I, стр. 1064) при слове Djem.

³ «Таблицы османских монет», XX — 510 стр. с 10 таблицами, Константинополь, 1307 (1891).

⁴ J. H. Mor dt mann называет его: «Le fondateur de la numismatique scientifique chez les Ottomans» (Encyclop. de l'Islam. т. II, стр. 145).

⁵ Istanbul, 1918.

⁶ Т. е. 1299—1325 гг. н. э.

сельджукские драхмы и диргемы и другие монеты, что подтверждается историками почти единогласно.

Вместе с этим, хотя и передают, что будто бы в Кара-Хисаре чеканилась монета и читалось хутбе с его именем, но сведения эти очень слабы и нет никаких доказательств, подтверждающих это. С другой стороны, от начала царствования Османов чеканились безыменные медные монеты, которые знатоками нумизматики приписываются Осману-Гази. И, действительно, представляется немного странным, чтобы за все время 27-летнего его царствования не была бы отчеканена какая-нибудь монета! Хотя историки и повествуют о том, что он не чеканил монет со своим именем, но нумизматы думают и полагают, что для облегчения торговли все же были отчеканены безыменные медные монеты. Имеющаяся у нас и указанная под № 1 безыменная медная монета, должно полагать, и есть одна из таких монет. Это наше предположение усиливается еще и тем обстоятельством, что на обеих сторонах монеты не имеется ни даты, ни имени, а выбито только изречение: «Да увековечит Аллах царство его!». И это самое изречение с таким же самым шрифтом помещалось в течение некоторого времени на серебряных и медных монетах его преемников».

Хотя в брошюре «Список османских монет», напечатанной в 1280 (1863) г. в типографии Османского научного общества, должно быть, принадлежащей перу Паскаль Билезикчи Оглу, и отмечены восемь видов 36 медных монет султана Осман-хана с припиской: «Найдены в Изнике и его окрестностях», — но ввиду того, что их формы и легенды не указаны, остается невыясненным — помещено ли на них имя (этого султана), или же они безыменны, и вообще похожи ли они на приведенную у нас монету.

На этом копчаются все сведения, приводимые Исмаилом-Галибом о монетах Осман-хана I Гази, каковые мы передали в русском переводе.

Из всего сообщаемого автором мы видим, что монет, приписываемых первому турецкому султану Осману, вообще говоря, имеется весьма ограниченное количество, причем поддается серьезному сомнению вопрос о возможности чеканки монет с его именем. Здесь будет кстати еще упомянуть, что в книге «Tarih»,⁷ выпущенной Обществом исследования турецкой истории, в отделе «Основание Османского государства» находим следующие слова:

«Алаэддин отчеканил первую османскую монету с именем Орхан-Бей (1326 г.).⁸ В мусульманском мире самостоятельность какого-либо властелина определялась упоминанием в хутбе его имени и чеканкой монет с его именем. Хотя имя Осман-Бей и читалось в хутбе, но монет с его именем не было отчеканено. Во время же Орхана эти монеты были отчеканены».

Между тем перед нами находится медная монета с ясно читаемой датой 714 (1314) года, над которой довольно разборчиво изображено «Осма». На другой стороне монеты отчетливо изображен заяц головой направо, причем вся фигура обведена кругом, тут же за кругом можно разобрать, хотя и не вполне ясно, слова «царство его». Ввиду того, что указанный на этой монете год вполне совпадает со временем царствования первого турецкого султана Османа I, то, казалось бы, можно допустить единственное предположение, что монета чеканена именно в честь него.

Однако как же тогда примирить этот, казалось бы, несомненный факт с заключением Исмаила-Галиба?

В истории мусульманских династий встречается еще один правитель, в состав сложного имени которого входит также и Осман, а именно: Абу-Сеид-Осман II, царствовавший в Марокко в 710—731 (1310—1331) гг. Кроме этих двух лиц, никто другой из мусульманских владетелей с именем Османа на престоле не пребывал. Таким образом, нам остается вы-

⁷ См. Jeni ve yakin zamanlar, Istanbul, т. III, 1933, стр. 4.

⁸ Сын Осман-Бея, т. е. Османа I Гази.

братъ между арабом-марокканцем и турком-анатолийцем. В пользу последнего говорят, с одной стороны, форма букв надписи, столь свойственная монетам первых турецких султанов, с другой стороны — изображение фигуры зайца, чуждое и непонятное арабам, но которое имеет определенный смысл для турок вообще, в состав календаря которых входил 12-летний животный цикл.⁹

Год зайца в период правления султана Османа I приходится на 1315 г. н. э. На нашей же монете, как мы уже сказали, стоит 714 г. гиджры, который начался 17 апреля 1314 г. н. э. и длился до 6 апреля 1315 г., захватив, таким образом, начало года зайца, фигура которого соответственно изображена на указанной монете. Может, однако, иным показаться несколько сомнительным, что едва только начался год зайца, а уже фигура его изображена на указанной монете. Но тут надо помнить, что в самое первое время османцы находились под исключительным влиянием сельджукской культуры, а что последняя была тождественна с персидской и что сельджукские султаны во всем подражали персам, — в этом никто из ученых не сомневался.¹⁰

Праздник ноуруза, перешедший от персов к сельджукам, а от последних — к османцам, держался под названием «неврузи-султани» до последних турецких султанов. Одним из первых проявлений государственного празднования ноуруза была чеканка и выпуск в обращение новой монеты именно в этот день. Шахи персидские обычно раздавали пригоршнями новые монеты всем, являвшимся в дербар¹¹ для принесения им поздравления по случаю ноуруза. Чеканка и выпуск монет к ноурузу считались счастливым, добрым предзнаменованием. Поэтому и не удивительно, что как только наступил ноуруз, Осман и выпустил свою новую монету. Таким образом, дата зайца вполне согласуется с мусульманской датой на монете Османа I и с традициями празднования ноуруза.

В труде Исмаила-Галиба сказано, что, собственно говоря, в его руках была одна лишь единственная монета, приписываемая им султану Осману; 36 монет, относимых П. Билезикчи Оглу к этому султану, он оставляет под сомнением. На единственной же, указанной и описанной им монете султана Османа I он, как мы видели, говорит, что вычеканено изречение: «Да увековечит Аллах царство его», каковое, очевидно, имелось полностью и на нашей монете, но на ней теперь осталось только последнее слово. Здесь мы, кстати, заметим, что наша монета представляет собой неправильную форму, происшедшую или вследствие того, что ее обрезали по краям, или же, весьма возможно, что это произошло вследствие несовершенства первоначальной турецкой техники чекана. Но так или иначе на ней, несомненно, исчезла часть надписи. В теперешнем виде размер этой монеты определяется в 11—13 мм, тогда как единственная медная монета, приписываемая Исмаил-Галибом Осману I, имеет, как мы видели, размер 22 мм в диаметре. Это обстоятельство также указывает на возможность того, что монета наша была обрезана по краям.

Ввиду всего вышесказанного, описываемую нами монету следует признать единственной, которая может претендовать на несомненную принадлежность султану Осману I, имя которого она на себе носит.¹² Что

⁹ Как, например, изображение одной или даже трех рыб на медных монетах султана Баязида. См. «Сб. Османского историч. общества», Истанбул, 1334 (1915), № 35, стр. 700—701.

¹⁰ В самое последнее время это, между прочим, подтверждается и академиком В. А. Гордлевским в его сочинении «Государство сельджукидов Малой Азии», М., 1941, гл. 15.

¹¹ Дворец.

¹² Нам известно, что нумизматический отдел Оттоманского музея за период 27 лет, т. е. за время между появлением каталога Исмаил-Галиба — 1307 (1891) г. и каталога Халиль-Бей — 1918 г., частично пополнялся найденными единичными монетами, от-

касается Исмаила-Галиба, то ведь и он признает, что монету № 1 его каталога (без даты чеканки и имени султана) можно только приписать Осману I. Наша монета к тому же совершенно опровергает сама по себе также и его предположение, что Осман чеканил только безыменные монеты, и, наоборот, подтверждает мнение тех историков, которых в данном случае этот турецкий нумизмат считал заблуждающимися.

Наша монета интересна и тем, что она отвечает утвердительно на вопрос о наличии изображений животного цикла на предметах материальной культуры.

носящимися к первым султанам Османской династии. Однако там не говорится, в частности, что была найдена монета с именем Османа I (Мехмед Зеки-Бей. Убитые царевицы, Истанбул, 1336, стр. 41).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АЭР — Акты Западной России
ВАН — Вестник Академии Наук СССР.
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки Академии Наук СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ИОИФ — Известия Отделения истории философии АН СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
ТАС — Труды Археологического съезда
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
Z. f. N. — Zeitschrift für Numismatik
-

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях Института истории
материальной культуры. Вып. XXI — XXIX

Содержание

Вып. XXI

Советская археология к тридцатилетию
Великой Октябрьской Социалистиче-
ской революции

*I. Сообщения о докладах, прочитанных
на заседаниях Отделения истории и фи-
лософии АН СССР, посвященных итогам
полевых археологических работ ИИМК
АН СССР имени Н. Я. Марра за 1946 г.*

- Б. Б. Пиотровский. Раскопки урар-
тской крепости на холме Кармир-Блур
П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скиф-
ского
Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя
Скифского
С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция
А. Ю. Якубовский. Согдийская экспе-
диция
С. В. Киселев. Археологическая поезд-
ка в Монголию
М. К. Каргер. Киевская экспедиция
Б. А. Рыбаков. Раскопки в Чернигове

*II. Сообщения о докладах, прочитанных
на заседаниях Пленума ИИМК АН СССР
имени Н. Я. Марра, посвященных итогам
полевых археологических работ Инсти-
тута за 1946 г.*

- М. В. Воеводский. Результаты работ
Деснинской экспедиции
П. И. Борисковский. Работа на Сред-
нем Днестре по изучению палеолита

9 Краткие сообщения ИИМК, вып. XXX

- А. П. Черныш. Палеолитическая сто-
янка у Владимировки
Н. Н. Гурина. Результаты археологи-
ческого обследования южного побе-
режья Кольского полуострова
А. Я. Брюсов. Сообщение о результа-
тах Вологодской археологической экс-
педиции в Чарозерском районе Воло-
годской области.
М. Е. Фосс. Галичская экспедиция
А. В. Збруева. О результатах работ
Камской экспедиции
С. Н. Бибииков. Дотрипольское посе-
ление Лука-Врублевская
Т. С. Пассек. Трипольское поселение
у Владимировки в свете новых иссле-
дований
Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция
М. И. Артамонов. Югоподольская
экспедиция
А. П. Окладников. Колымская экспе-
диция
М. П. Грязнов. Работы Алтайской экс-
педиции
Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в
„Земле Хягяс“
А. Н. Бернштам. Древняя Фергана
Е. И. Крупнов. Северокавказская экс-
педиция
В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки
и Мирмекия
В. Д. Блаватский. Террасы Пантика-
пея
В. Д. Блаватский. Раскопки в Керчи
И. И. Ляпушкин. Поселение эпохи же-
леза в бассейне реки Ворсклы

- П. Н. Третьяков. Днепровская экспедиция
- Я. В. Станкевич. Шестовидские курганы
- А. В. Арциховский. Беседские курганы
- А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г.
- Е. Видонова. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Великих Болгарах.
- А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани

- Л. И. Якунина. Фрагменты тканей из Старой Рязани
- В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани
- А. Л. Монгайт. Об археологических работах в Софийском соборе Новгорода Великого
- Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция
- С. А. Тараканова. Раскопки в Псковском Кремле
- М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве
- В. Н. Чернецов. О работах Мангазейской экспедиции

Вып. XXII

Борис Владимирович Фармаковский (биографическая справка, составленная А. Н. Карасевым)

I. Доклады на заседаниях сессии Ученого совета ИИМК, посвященных 50-летию юбилею начала раскопок Б. В. Фармаковским в Ольвии (апрель 1946 г.)

- В. Д. Блаватский, Б. В. Фармаковский — исследователь античного мира
- М. М. Кобылина, Б. В. Фармаковский — историк античного искусства
- В. В. Павлов. Высказывания Б. В. Фармаковского о египетском искусстве
- Список печатных работ Бориса Владимировича Фармаковского (составлен Т. И. Фармаковской)
- А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии

Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов

II. Статьи и сообщения

- И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор
- Н. Н. Бритова. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора
- Т. Б. Блаватская. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии
- Н. М. Лосева. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории
- Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики
- А. П. Мандевич. Шейные уборы скифского периода
- Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием
- К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья

Вып. XXIII

I. Статьи и доклады

- А. П. Окладников. О первоначальном заселении человеком долины реки Лены
- Г. Ф. Дебед. О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека
- А. В. Эбруева. Маклашеевские могильники
- А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи
- А. Н. Бернштам. Образ сасанидского царя в сукулукской терракоте
- Л. А. Евтюхова. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса
- Н. Л. Мец. К вопросу о торках

II. Полевые археологические исследования

- Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры

- В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны
- Я. И. Гуммель. Раскопки поселения I на запад от Ханлара
- И. Б. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея
- И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи
- В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска

III. Тезисы диссертаций, защищенных в 1947 г.

- Т. С. Пассек. Триполье. Опыт периодизации памятников
- С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая
- Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области
- Т. Н. Никольская. Курганы Верхней Волги X — XIII вв.

IV. Информация

- Н. М. Маслов. Львовский клад
М. М. Дьяконов. О дате давденаканской мечети

V. Хроника

- А. П. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР в 1946 г. с при-

ложением „Схематической карты археологических экспедиций ИИМК АН СССР в 1945 — 1946 гг. и обследований в 1942 — 1945 гг. памятников культуры, разрушенных немцами“

Список сокращений

От редакции

Вып. XXIV

I. Сообщения

Научная Сессия ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья (январь 1948 г.).

II. Статьи и доклады

- Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе
Г. И. Ионе. Гончарные печи древнего Мингечаура

Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Ханлара

- Д. Г. Капанадзе. О медной монете с именами Георгия и Тамары
Н. В. Анфимов. Клад пантикапейских монет из станции Старонижестеблиевской

М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны

- Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья XI — XIII вв.
Н. Н. Воронин. Тверской Кремль в XV веке
А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде
Л. И. Якунина. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе
Н. Д. Мец. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ

III. Информация

Г. Меликишвили и Л. Ломтадзе. С. Н. Джанашиа

М. Ю. Барановская.

И. Ф. Барцевский

Вып. XXV

За партийность в археологической науке.

I. Статьи и доклады

- А. П. Окладников. Неолитические погребения на Афонтовой горе
М. Е. Фосс. Методика определения каменных орудий
А. П. Смирнов. Могильники Пьяноборской культуры (к вопросу о дате)
С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргызов

II. Полевые археологические исследования

- Т. С. Пассек. Селища эпохи бронзы в районе Канева
А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане

Н. А. Прокошев. Памятники эпохи бронзы в устье Камы

В. Н. Чернецов. „Зеленая горка“ близ Сале-Харда

А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г.

С. В. Киселев. Лугавская стоянка

В. П. Левашева. Несколько вариантов таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области

III. Информация

М. Е. Фосс. М. В. Воеводский

Н. Н. Воронин. Л. А. Динцес

В. Зубков. Антропоморфные и зооморфные изображения окских неолитических стоянок

Р. Б. Ахмеров. Древнее погребение в г. Уфе

Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале

П. П. Славнин. Каменный жезл с головкой коня

П. П. Хороших. Писаница на горе Манхай

П. П. Хороших. Изображения на горе Ялбак-Таш

IV. Тезисы защищенных диссертаций

А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник (к истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э.)

А. Е. Алихова. Мордовские могильники X — XIV веков

П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в.

Список сокращений

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР за 1947 г.

Акад. Б. Д. Греков. Вступительное слово

Доклады и сообщения

- А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР
- П. И. Борисковский. Основные группы палеолитических местонахождений Среднего Поднестровья
- А. П. Черныш. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР
- М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне
- А. Я. Брюсов. Северная археологическая экспедиция.
- М. Е. Фосс. Итоги Галичской экспедиции
- А. В. Збруева. Камская экспедиция
- О. Н. Бадер. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции

- Т. С. Пассек. Трипольское поселение Владимировка.
- Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии
- А. Е. Алихова. Выхватинский могильник
- О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане
- К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3
- Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище „Большая Сахарна“.
- С. И. Руденко. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов
- М. П. Грязнов. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах.
- Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция.
- А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира.
- А. Н. Бернштам. Археологические работы в Южном Казахстане

Хроника

- В. Н. Мошинская и А. П. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР за 1947 г.

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР за 1947 г.

Доклады и сообщения

- Б. Б. Пиотровский. Раскопки Урартской крепости на холме Кармир-Блур (Тейшебаини)
- Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе
- Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция
- В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея
- В. Ф. Гайдукевич. Боспорская экспедиция
- М. М. Кобылина. Фанагорийская экспедиция
- И. Б. Зеест. Разведочные работы на Киммерике
- П. Н. Шульд. Тавро-скифская экспедиция

- И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры („скифов-пахарей“) в бассейне Сейма
- М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке Врублевецкой (Днестр)
- А. Ф. Дубынин. Раскопки Малышевского могильника.
- Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция (раскопки Тумовского селища)
- П. И. Засурцев. Славянские поселения в Молдавии
- С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова
- А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция
- А. Л. Монгайт. Каменная стена „окольного города“ Новгорода Великого
- М. К. Каргер. К истории киевского зодчества (конца XII — начала XIII в.)
- Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно
- З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Исследование города Болгара.
- М. Г. Рабинович. Работа Московской экспедиции

Вып. XXVIII

Пленум ИИМК АН СССР, посвященный археологии Средней Азии (март 1948 г.)

I. Доклады на пленарных заседаниях

А. Н. Бернштам. Советская археология Средней Азии

С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии

А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)

А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники района рр. Кенгир и Сары-Су

А. Ю. Якубовский. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г.

А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тяньшане и Памиро-Алае.

II. Доклады на заседаниях секций: первобытной, античной и средневековой археологии

А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении

Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы хронологии среднеазиатской керамики домусульманского периода

В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе

А. М. Беленицкий. О домусульманских культах Средней Азии

Е. И. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау

М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда

III. Доклады на заседаниях секций эпиграфики, нумизматики, архитектуры

В. А. Крачковская. Эволюция куфического шрифта в Средней Азии

О. И. Смирнова. Согдийские монеты из раскопок в Пянджикенте

Н. Н. Забелина. Новая монета с легендой. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΛΗΜΟΥ

В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии

Б. В. Веймарн. Изучение орнамента Хивы XIV—XIX вв.

Н. В. Черкасова. Памятники резьбы по дереву в Хиве

IV. Критика и библиография

С. В. Киселев. В. И. Равдоникас. „История первобытного общества“, ч. II.

А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров. А. В. Ардиховский. „Введение в археологию“, изд. 3-е

Вып. XXIX

I. Статьи и доклады

М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии

А. Н. Бернштам. К пересмотру формально-типологических схем

А. В. Ардиховский. Преподавание археологии

М. Е. Фосс. О терминах „культура“, „неолит“, „бронза“

Л. Р. Кызласов. К истории шаманских верований на Алтае

А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа

Г. Б. Федоров. Топография кладов с литовскими слитками и монетами

II. Полевые исследования

А. Е. Алихова. Могильник у колхоза „Красный восток“

О. Н. Бадер. Бартымская чаша

III. Мелкие статьи и заметки

К. В. Сальников. К вопросу о древней металлургии Зауралья

В. Д. Блаватский. О боспорской коннице

А. М. Беленицкий. Находка железного ключа в Пянджикенте

Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии

Л. А. Голубева. Новый образец свинцовой печати из Суздаля

М. В. Сузин. Ожгибовский монетный клад XIV в.

Г. Б. Федоров. Классификация литовских слитков и монет

IV. Тезисы защищенных диссертаций

А. П. Окладников. Очерки по истории Якутии палеолита до присоединения к Русскому государству

Д. Б. Шелов. Чеканка монет и денежное обращение на Боспоре в VI—IV вв. до н. э.

Н. В. Пятыева. Тавры и Херсонес Таврический

V. Хроника

О положении в археологической науке (информация о расширенном заседании Ученого совета ИИМК АН СССР, состоявшемся 13—14 ноября 1948 г.)

За передовую советскую археологию Прибалтики

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

| | |
|---|-----|
| <i>Д. А. Авдусин.</i> Варяжский вопрос по археологическим данным | 3 |
| <i>С. А. Изюмова.</i> Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси | 15 |
| <i>А. Е. Алихова.</i> Мордва и мурома | 26 |
| <i>Т. Н. Никольская.</i> Хронологическая классификация верхневолжских курганов . | 31 |
| <i>Б. А. Колчин.</i> Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей | 42 |
| <i>М. Г. Рабинович.</i> Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. | 54 |
| <i>Э. А. Рикман.</i> Топография Кашина в XIV—XV вв. | 62 |
| <i>Г. Б. Федоров.</i> Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III | 70 |
| <i>П. А. Раппопорт.</i> Очерк хронологии русского шатрового зодчества | 82 |
| <i>П. Д. Либеров.</i> Скифские курганы Киевщины | 93 |
| <i>А. И. Мелюкова.</i> Античная литературная традиция о скифской непобедимости | 105 |
| <i>Д. Б. Шелов.</i> Монеты синдвов | 111 |

II. ИНФОРМАЦИЯ

| | |
|---|-----|
| <i>И. А. Лунегов.</i> Тимшерская находка | 119 |
| <i>А. С. Боброва.</i> Бусы из Афраснаба | 121 |
| <i>С. М. Шапшал.</i> Редкая турецкая монета | 124 |
| Список сокращений | 128 |
| Краткие сообщения ИИМК, XXI—XXIX выпуски (содержание) | 129 |

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *В. Б. Несвижский*

*

РИСО АН СССР № 3731. А-09158. Издат. № 2082
Тип. заказ № 2356. Подп. к печ. 3/IX 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 8¹/₂.
Уч.-издат. 12. Тираж 2000.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ

| Стр. | Строка | Напечатано | Должно быть |
|------|-------------------------|----------------|-------------------------|
| 9 | 5 сн. | Дю-Шапю | Дю-Шайю |
| 13 | 3 св. | мери | мера |
| 26 | 13 сн. | Перемчалинском | Перемчалкинском |
| 30 | 2 св. | симовском | Максимовском |
| 32 | 5 сн. | ГАМК | ГАИМК |
| 65 | 21 сн. | располагалась | располагала |
| 81 | 24 сн. | джунидов | джучидов |
| 108 | 8 сн. | Зопирина | Зопириона |
| 116 | 24 сн. | им | ими |
| 117 | 26 сн. | финагорийских | фанагорийских |
| 118 | 13 св. | чеканской | чеканкой |
| 118 | 22 сн. | и чеканке | о чеканке |
| 118 | 23 сн. | Фанагорию» | Фанагорию ⁵⁶ |
| 124 | 9 сн. | d'Istoire | d'histoire |
| 131 | 25 св., лев. колонка | станции | станции |